

ISSN 1999-9917
e-ISSN 2687-1238

ЧЕЛОВЕК:

ПРЕСТУПЛЕНИЕ
И НАКАЗАНИЕ

E-mail: editor62@yandex.ru

Т. 33 (1–4),

№ 4

2025

ЧЕЛОВЕК: ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

2025. Т. 33(1–4). № 4

ISSN 1999-9917
e-ISSN 2687-1238

Научный журнал.

Издается с июля 1993 г. Выходит четыре раза в год.

Учредитель – [федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» \(Академия ФСИН России\)](#).

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Реестровая запись СМИ [ПИ № ФС 77-74889 от 11.02.2019](#).

Главный редактор [С. М. Никитюк](#)

Адрес редакции, издателя, типографии: 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1.
E-mail: editor62@yandex.ru. Тел.: (4912) 93-82-42.

<https://mcp.editorum.ru>

Дата выхода в свет 22.12.2025.

Тираж 1500 (1-й завод 32) экз. Заказ № 460.

Цена свободная.

Распространяется на территории Российской Федерации и зарубежных стран.

Все права защищены.

Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Индексация:

[Российский индекс научного цитирования;](#)

[КиберЛенинка;](#)

[Перечень рецензируемых научных изданий.](#)

[в которых должны быть опубликованы основные научные результаты](#)

[диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,](#)

[на соискание ученой степени доктора наук.](#)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Никитюк Сергей Михайлович, кандидат юридических наук, начальник академии, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: academy@apu.fsin.gov.ru (главный редактор).

Асташова Надежда Александровна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, г. Брянск, Российская Федерация, e-mail: nadezda.astashova@yandex.ru.

Афанасьев Владимир Николаевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой статистики и эконометрики, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Российская Федерация, e-mail: vafanassyev@gmail.com.

Васюков Виталий Федорович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики и предварительного расследования в органах внутренних дел, Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова, г. Орел, Российская Федерация, e-mail: vvf0109@yandex.ru.

Вахнина Виктория Владимировна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами, Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: vikavahnina@mail.ru.

Воробьев Сергей Михайлович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru.

Галиев Фарит Хатипович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права, Башкирский государственный университет, г. Уфа, Российская Федерация, e-mail: galievfarkhat@mail.ru.

Горностаев Станислав Викторович, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры юридической психологии и педагогики, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: stanislavrz@yandex.ru.

Гришко Александр Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: grishkoaleksandr@vandex.ru.

Епифанов Станислав Станиславович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры организации оперативно-розыскной деятельности, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: ess-rzn@mail.ru.

Еремкина Ольга Васильевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и менеджмента в образовании, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: olgaeremkina@mfil.ru.

Каплунов Андрей Иванович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права, Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: and-kaplunov@yandex.ru.

Кисляков Павел Александрович, доктор психологических наук, доцент, профессор факультета психологии, Российский государственный социальный университет, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: pack.81@mail.ru.

EDITORIAL BOARD

Nikitjuk Sergej Mihajlovich, Candidate of Law, Head of the Academy, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: academy@apu.fsin.gov.ru (editor-in-chief).

Astashova Nadezhda Aleksandrovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Pedagogy, Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky, Bryansk, Russian Federation, e-mail: nadezda.astashova@yandex.ru.

Afanas'ev Vladimir Nikolaevich, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Statistics and Econometrics, Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation, e-mail: vafanassyev@gmail.com.

Vasjukov Vitalij Fedorovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminalistics and Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies, Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov, Orel, Russian Federation, e-mail: vvf0109@yandex.ru.

Vahnina Viktorija Vladimirovna, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with Personnel, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: vikavahnina@mail.ru.

Vorob'ev Sergej Mihajlovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: sergey.vorobev.78@inbox.ru.

Galiev Farit Hatipovich, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of State and Law, Bashkir State University, Ufa, Russian Federation, e-mail: galievfarkhat@mail.ru.

Gornostaev Stanislav Viktorovich, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: stanislavrz@yandex.ru.

Grishko Aleksandr Jakovlevich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russian Federation, e-mail: grishkoaleksandr@vandex.ru.

Epifanov Stanislav Stanislavovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Organization of Operational Investigative Activities, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: ess-rzn@mail.ru.

Eremkina Ol'ga Vasil'evna, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Management in Education, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russian Federation, e-mail: olgaeremkina@mfil.ru.

Kaplunov Andrej Ivanovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: and-kaplunov@yandex.ru.

Kisljakov Pavel Aleksandrovich, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Faculty of Psychology, Russian State Social University, Moscow, Russian Federation, e-mail: pack.81@mail.ru.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права, Башкирский государственный университет, г. Уфа, Российская Федерация, e-mail: svkomarov2008@yandex.ru.

Михайлова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Российская государственная академия интеллектуальной собственности, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: irina_mikhaylova@list.ru.

Николюк Вячеслав Владимирович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, Российский государственный университет правосудия, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: nvv56@mail.ru.

Омелин Виктор Николаевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: v.omelin@mail.ru.

Поздняков Вячеслав Михайлович, доктор психологических наук, профессор, заместитель декана факультета экстремальной психологии по научной работе, Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: pozdneyakov53@mail.ru.

Поникаров Владимир Анатольевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административного и финансового права, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: minrs@yandex.ru.

Романов Алексей Алексеевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии и педагогики, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: a.romanov@365.rsu.edu.ru.

Серова Ольга Александровна, доктор юридических наук, профессор, проректор по учебной работе и международной деятельности, Псковский государственный университет, г. Псков, Российская Федерация, e-mail: olgaserova1974@mail.ru.

Суворова Ольга Вениаминовна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, Российская Федерация, e-mail: olgavenn@yandex.ru.

Ульянина Ольга Александровна, доктор психологических наук, профессор, руководитель центра, Федеральный координационный центр по обеспечению психологической службы в системе образования Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: lelia34@mail.ru.

Чепик Ольга Викторовна, доктор экономических наук, доцент, профессор института по кафедре бухгалтерского учета, анализа, финансов и налогообложения, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: ovchepik@yandex.ru.

Чепик Сергей Георгиевич, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической безопасности, анализа и учета, Рязанский государственный радиотехнический университет имени В. Ф. Уткина, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: sgchepik@yandex.ru.

Черемисова Ирина Валерьяновна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей и педагогической психологии, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: irinarusa@inbox.ru.

Южанин Николай Вячеславович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: yuzhanin15@mail.ru.

EDITORIAL BOARD

Komarov Sergej Aleksandrovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law, Bashkir State University, Ufa, Russian Federation, e-mail: svkomarov2008@yandex.ru.

Mihajlova Irina Aleksandrovna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil and Business Law, Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russian Federation, e-mail: irina_mikhaylova@list.ru.

Nikoljuk Vjacheslav Vladimirovich, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation, e-mail: nvv56@mail.ru.

Omelin Viktor Nikolaevich, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: v.omelin@mail.ru.

Pozdnjakov Vjacheslav Mihajlovich, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Deputy Dean of the Faculty of Extreme Psychology for Research, Moscow State Psychological and Pedagogical University, Moscow, Russian Federation, e-mail: pozdneyakov53@mail.ru.

Ponikarov Vladimir Anatol'evich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Administrative and Financial Law, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: minrs@yandex.ru.

Romanov Aleksej Alekseevich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: a.romanov@365.rsu.edu.ru.

Serova Ol'ga Aleksandrovna, Doctor of Law, Professor, Vice-Rector for Academic Affairs and International Affairs, Pskov State University, Pskov, Russian Federation, e-mail: olgaserova1974@mail.ru.

Suvorova Ol'ga Veniaminovna, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology, Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm, Russian Federation, e-mail: olgavenn@yandex.ru.

Ul'janina Ol'ga Aleksandrovna, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Center, Federal Coordination Center for Providing Psychological Services in the Education System of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, e-mail: lelia34@mail.ru.

Chepik Ol'ga Viktorovna, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Institute at the Department of Accounting, Analysis, Finance and Taxation, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: ovchepik@yandex.ru.

Chepik Sergej Georgievich, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economic Security, Analysis and Accounting, Ryazan State Radio Engineering University named after V. F. Utkin, Ryazan, Russian Federation, e-mail: sgchepik@yandex.ru.

Cheremisova Irina Valer'janovna, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of General and Pedagogical Psychology, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: irinarusa@inbox.ru.

Juzhanin Nikolaj Vjacheslavovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: yuzhanin15@mail.ru.

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Миссия журнала

В фокусе приоритетного внимания любого государства постоянно находится проблема преступности. Она очень давняя и чрезвычайно серьезная, в силу этого постоянно требует научного осмысления. Разумный человек всегда властен над своими поступками. Но иногда, особенно в условиях социальной неустроенности, разламывающих общество противоречий и конфликтов, он совершает поступки, противоречащие закону. Предупредить, уберечь, помочь – в этом и состоит цель, во имя и ради которой создан журнал «Человек: преступление и наказание». Слово «человек» в его наименовании не является терминологической новацией. Человек в сфере действия уголовной юстиции в широком смысле – вот магистральная и основная проблематика журнала. К ее освещению и раскрытию во всем многообразии возможных аспектов приглашаются правоведы, управленцы, психологи, педагоги, философы, социологи, религиозные деятели, медики-психиатры – все, кого интересуют и волнуют человеческие проблемы в таком их специфическом понимании. Важными направлениями деятельности журнала являются публикация результатов междисциплинарных исследований по вопросам модернизации систем исполнения наказаний, уголовно-исполнительной политики, участия в этом процессе гражданского общества, защиты прав и законных интересов осужденных, объединение усилий ученых различных стран в решении общих пенитенциарных проблем.

Периодичность

4 выпуска в год.

Принципы работы редакции

научно обоснованный подход к отбору, рецензированию и размещению публикаций; свободный открытый доступ к результатам исследований, использованным данным, который способствует увеличению глобального обмена знаниями;

соблюдение международных этических редакционных правил.

Journal mission

The problem of crime is always in the focus of priority attention of any state. It is very old and extremely serious, that is why it constantly requires scientific understanding. A reasonable man can always control his actions. But sometimes, especially in conditions of social disorder, breaking the society of contradictions and conflicts, he commits acts against the law. To warn, to protect, to help is the purpose for which the journal “Man: crime and punishment” was created. The word “man” is not a terminological innovation. A man in the sphere of criminal justice in a broad sense is the main problem of the journal. Lawyers, managers, psychologists, teachers, philosophers, sociologists, religious leaders, physicians, psychiatrists and all who are interested and concerned about human problems in such specific understanding are invited to cover and disclose it in a variety of possible aspects. Important activities of the journal are the publication of the interdisciplinary research results on the modernization of penal systems, penal policy, participation of civil society in this process, the protection of the rights and legitimate interests of convicts and combining the efforts of scientists from different countries in solving common prison problems.

Publication Frequency

Quarterly

Principles of editorial work

scientifically proven approach to selection, review and publication placement;

free and open access to research results, used data, which contributes to increasing of global knowledge exchange;

compliance with international ethical editorial rules.

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Плата за публикацию

Публикация в журнале бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Авторские права

Авторы, публикующие статьи в журнале, сохраняют за собой авторские права и предоставляют журналу право первой публикации работы, которая после публикации автоматически лицензируется на условиях [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](#), позволяющей другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в журнале.

Политика свободного доступа

Журнал предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту, исходя из следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Publication fee

Publication in the journal is free. The editors do not charge authors for preparation, placement and printing of materials.

Copyright

Authors who publish articles in the journal retain copyright and grant the journal the right to publish the material for the first time, which is automatically licensed after publication on the terms of [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](#). It allows others to distribute this work with the obligatory preservation of references to the authors of the original work and the original publication in the journal.

Free access policy

The journal provides direct open access to its content based on the following principle: free open access to research results contributes to increasing of global knowledge exchange.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Редакция принимает статьи по электронной почте (editor62@yandex.ru) на русском или английском языке при соблюдении следующих требований.

Заглавие

Не более 10–12 слов. Не допускается использование аббревиатур и формул.

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество приводятся полностью, без сокращений. Редакция рекомендует единообразное написание транслитерации ФИО. Редакция использует при транслитерации ФИО стандарт BSI с интернет-сайта <http://translit.net>.

Аффилиация (принадлежность автора к определенной организации). Указываются: организация (место основной работы) – название согласно уставу организации; город – полное официальное название; страна – полное официальное название.

Должность указывается полностью, без сокращений. Адъюнктам, аспирантам, докторантам и соискателям необходимо указывать свой статус и кафедру, к которой они прикреплены, полностью, без сокращений.

Ученые звание и степень указываются полностью, без сокращений.

Индивидуальные номера авторов в системах ORCID, Scopus Author ID.

Контактная информация – e-mail (публикуется в журнале).

Аннотация

Объем: от 250 до 400 слов, определяется содержанием статьи. Включает в себя характеристику темы, объекта, целей, методов и материалов исследования, а также результаты и главные выводы исследования. Целесообразно указать, что нового несет в себе научная статья. Не допускаются аббревиатуры, впервые вводимые термины (в том числе неологизмы). Для статей на русском языке рекомендуется пользоваться ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования».

Ключевые слова

5–10 слов и (или) словосочетаний. Должны отражать тему, цель и объект исследования.

Текст статьи (объем, структура)

Объем от 40 000 до 60 000 печатных знаков с пробелами. Редакция рекомендует использовать структуру IMRAD для оформления статьи с выделением следующих частей: введение (Introduction); методы (Materials and Methods); результаты (Results); обсуждение (Discussion). Каждая часть должна иметь заголовок (примерно до 5 слов). Данная структура является опорной и может быть адаптирована (расширена и (или) более детализирована) в зависимости от особенностей и логики проведенной исследовательской работы.

Текст статьи (оформление)

Текстовый редактор – MS Word. Поля – 2 см. Шрифт – Times New Roman 14 пт. Интервал – 1,5. Выравнивание – по ширине. Абзацный отступ – 1,25 см. Нумерация страниц – сверху по центру.

Ссылки в тексте

Приводятся по тексту статьи в квадратных скобках [1, с. 2; 4, с. 7–9], [8, т. 1, с. 216; 9, ч. 2, с. 27–30], нумеруются согласно литературе.

Ссылки на собственные публикации не рекомендуются.

Библиографический список

Оформление по ГОСТ Р 7.05-2008.

Смирнов П. В. Название : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 276 с.

Петров С. Ю., Иванов Р. Б. Название // Название журнала. 2019. № 3. С. 17–19. URL : www.nazvanie.ru (дата обращения: 15.01.2019).

Источники приводятся в порядке их цитирования и не повторяются. У статей указывается интервал страниц (С. 54–59), у книг – общее количество страниц (542 с.).

ARTICLE REQUIREMENTS

The Editorial Board accepts articles by e-mail editor62@yandex.ru in Russian or English, with the observance of the following requirements.

Title

Up to 10–12 words. Abbreviations and formulas in the title of an article are not allowed.

Information about authors

Names are given in full, without abbreviations. The editorial office recommends the uniform spelling of names' transliteration in all articles of the author. The editors transliterate names according to the standard BSI from website <http://translit.net>.

Affiliation. Author's full affiliation (including position, name of the department, faculty and university, address and e-mail address). If the author affiliates him/herself with a public organization or institution, please, supply adequate information on the organization's full title and address.

The position is indicated in full, without abbreviations. Adjuncts, graduate students, doctoral students and applicants must indicate their status and the department to which they are attached, in full, without abbreviations.

Academic title and degree are indicated in full, without abbreviations.

Individual numbers of authors in the following database systems: ORCID, ResearcherID, Scopus Author ID.

An abstract

250–400 words, determined by the content of the article. It includes the characteristics of the researched problem, objectives, research methods and materials of the study, as well as the results and main conclusions of the study. It is advisable to point out the main scientific result of the work. Unencrypted abbreviations, for the first time entered terms (including neologisms) are not allowed. For articles in Russian language it is recommended to use the Interstate standard 7.9–95 «Summary and abstract. General requirements».

Keywords

5–10 words or phrases. The list of basic concepts and categories used to describe the problem under study.

Main body of the article

Structure. The body of the text should be divided into meaningful sections with individual headings (1–5 words) to disclose the essence of this section. Every article should contain Conclusions, where the author(s) are expected to ground meaningful inferences. Implications for a future research might also find their place in Conclusions. The Editorial Board recommends using the IMRAD structure for the article. This structure is reference and can be adapted (expanded and (or) more detailed) depending on the characteristics and logic of the research.

Text of the article (design)

The text may contain tables and figures, which should have separate numbering (one numbering system for tables; another – for figures). They should be placed in the text at the appropriate paragraph (just after its reference).

References in text

References must be in Harvard style. References should be clearly cited in the body of the text, e.g. (Smith, 2006) or (Smith, 2006, p. 45), if an exact quotation is being used.

Excessive and unreasonable quoting is not allowed. Self-citations are not recommended.

Bibliographic list

At the end of the paper the author(s) should present full References in the alphabetical order as follows:

Sources are given in the order of their citation in the text (not alphabetically) and are not repeated. Interval of pages of scientific articles and parts of books must be indicated (pp. 54–59), and in monographs, textbooks, etc. – the total number of pages in the publication (p. 542).

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЙ ФОРУМ

- 490** *Воробьев С. М., Клоченко Л. Н.* К вопросу о необходимости реформирования института наказания в виде исправительных работ
- 496** *Гришко А. Я.* Предупреждение или исправление?
- 504** *Грушин Ф. В., Раненкова Е. А., Демидов О. Г.* Понятие и сущность молодежной криминальной субкультуры: уголовно-правовой аспект
- 516** *Корсаков К. В.* Интегративная теория уголовного наказания
- 538** *Сыч К. А.* Восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания
- 547** *Шурухнов Н. Г., Акчурин А. В.* Рецензия на монографию «“Воры в законе” глазами следователя и эксперта»

ВЕКТОР УПРАВЛЕНИЯ

- 561** *Копылов В. В., Прокофьев О. М.* Проблемы организации противодействия вовлечению несовершеннолетних в участие в телефонном мошенничестве

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ – ИСПРАВЛЕНИЕ

- 568** *Чернышев Д. Б.* Вопросы квалификации незаконного задержания, заключения под стражу и содержания под стражей
- 580** *Силантьева Н. А.* Развитие технологий контроля за осужденными: историко-правовой анализ

АНАЛИЗ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

- 589** *Давыдова И. Ю.* Нормативное правовое регулирование обращения с отходами производства текстильных изделий в учреждениях уголовно-исполнительной системы
- 599** *Маленкова Л. А.* Порядок осуществления проверок потребления и оплаты топливно-энергетических ресурсов в уголовно-исполнительной системе

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

- 614** *Горбунов М. Д., Груздев В. В.* Правовые аспекты профессиональных конфликтов как учебная дисциплина: необходимость, основные положения и перспективы развития
- 624** *Мешкова Л. В., Воронин Р. М.* К вопросу об изучении структуры поведенческих показателей социальной активности курсантов образовательных организаций ФСИН России
- 633** *Сухов А. Н.* Кризисы на уровне групп: социально-психологический аспект

ПЕРСОНАЛИИ

- 639** *Акчурин А. В., Прысь Е. В., Чистяков К. А.* О современных направлениях развития науки в области уголовного процесса и криминалистики: интервью с доктором юридических наук Александром Семеновичем Шаталовым (приурочено к 65-летию юбилею)
- 648** *Кузнецов М. И.* Юрий Семенович Столяров (1938–2025)
- 650** *Кузнецов М. И.* Памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного ветерана Академии ФСИН России Аркадия Аркадьевича Аксенова (1940–2019)

НАУЧНЫЙ ФОРУМ

Научная статья

УДК 343.847

doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.490-495

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Сергей Михайлович Воробьев¹, Лариса Николаевна Клоченко²

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-0734-7456>, sergey.vorobev.78@inbox.ru

² Российский новый университет, г. Москва, Россия, <https://orcid.org/0009-0007-9957-8740>, larisa-bmstu@yandex.ru

Аннотация. В статье освещается проблема необходимости реформирования института наказания в виде исправительных работ. Действующая редакция статьи 50 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает возможность назначения исправительных работ осужденным, имеющим основное место работы и не имеющим его. В то же время более половины осужденных к исправительным работам испытывают сложности в трудоустройстве, что, в свою очередь, препятствует исполнению наказания и может приводить к его неэффективности. Рассматриваются проблемы правоприменения, связанные с исполнением уголовного наказания в виде исправительных работ лицами, не имеющими основного места работы. С учетом статистических данных, касающихся исполнения наказания в виде исправительных работ, предложен вариант разрешения проблемного вопроса, возникающего при исполнении наказания в виде исправительных работ лицами, не имеющими основного места работы.

Ключевые слова: исправительные работы, осужденный, безработный, уголовно-исполнительная инспекция, исполнение наказания, злостное уклонение от отбывания наказания

Для цитирования

Воробьев С. М., Клоченко Л. Н. К вопросу о необходимости реформирования института наказания в виде исправительных работ // Человек: преступление и наказание. 2025. Т. 33(1–4), № 4. С. 490–495. DOI: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.490-495.

SCIENCE FORUM

Original article

ON THE NEED TO REFORM THE INSTITUTION OF PUNISHMENT IN THE FORM OF CORRECTIONAL LABOR

Sergey Mikhailovich Vorobyov¹, Larisa Nikolaevna Klochenko²

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-0734-7456>, sergey.vorobev.78@inbox.ru

² Russian New University, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0009-0007-9957-8740>, larisa-bmstu@yandex.ru

Abstract. The article highlights the problem of the need to reform the institution of punishment in the form of correctional labor. The current version of Article 50 of the Criminal Code of the Russian Federation provides for the possibility of assigning correctional labor to convicts who have their main place of work and do not have it. At the same time, more than half of those sentenced to correctional labor experience difficulties in finding employment, which, in turn, hinders the execution of punishment and may lead to its inefficiency. The problems of law enforcement related to the execution of criminal penalties in the form of correctional labor by persons who do not have their main place of work are considered. Based on statistical data on the execution of correctional labor, a solution to the problematic issue arising from the execution of correctional labor by persons who do not have their main place of work is proposed.

Keywords: correctional work, convict, unemployed, penal inspectorate, execution of punishment, malicious evasion from serving a sentence

For citation

Vorobyov, S. M. & Klochenko, L. N. 2025, 'On the need to reform the institution of punishment in the form of correctional labor', *Man: crime and punishment*, vol. 33(1–4), iss. 4, pp. 490–495, doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.490-495.

Одной из тенденций современной российской уголовной политики является гуманизация уголовного законодательства, что выражается в том числе в расширении возможности применения к лицам, совершившим преступления, альтернативных видов наказания, не связанных с лишением свободы. Одним из таких наказаний являются исправительные работы. На правоприменительном уровне динамика назначения наказания в виде исправительных работ характеризуется следующими показателями. Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, число осужденных к исправительным работам составило в 2012 г. – 70 400 человек, 2013 – 75 902, в 2014 г. – 75 120 человек.

С 2015 г. наметилось сокращение количества осужденных к исправительным работам. Так, в 2015 г. исправительные работы назначены 60 794 осужденным, в 2016 г. – 51 733 осужденным, в 2017 и 2018 гг. данные показатели постепенно увеличились и составили 54 784 и 54 747 соответственно. Вместе с тем в 2019 г. исправительные работы

назначены 50 020 осужденным, 2020 – 42 487, 2021 – 47 697, в 2022 и 2023 гг. – 48 566 и 47 538 осужденным соответственно¹.

В соответствии с ч. 1 ст. 50 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) исправительные работы назначаются осужденному, имеющему основное место работы, а равно не имеющему его. Осужденный, имеющий основное место работы, отбывает исправительные работы по основному месту работы. Осужденный, не имеющий основного места работы, отбывает исправительные работы в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями, но в районе его места жительства. Данное положение дублируется в ч. 1 ст. 39 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ).

При определении осужденному, не имеющему основного места работы, места отбывания наказания уголовно-исполнительная инспекция учитывает преступление, за которое он осужден, его место жительства, состояние здоровья, профессию, в отношении несовершеннолетнего – возрастные и психологические особенности личности, а также другие обстоятельства².

По смыслу положений ч. 2 ст. 39 и ч. 4 ст. 40 УИК РФ осужденные к исправительным работам должны быть трудоустроены в срок не позднее 30 дней с момента поступления в уголовно-исполнительную инспекцию на исполнение судебного решения о назначении данного вида наказания. Нетрудоустройство в указанный срок при отсутствии объективных причин часто свидетельствует об уклонении от отбывания наказания осужденным, что в последующем влечет за собой применение мер ответственности в виде замены более строгим видом наказания по причине нецелесообразности дальнейшего трудоустройства в рамках исполнения наказания в виде исправительных работ. Первоначальная редакция уголовного закона предусматривала, что исправительные работы отбываются осужденным по его основному месту работы.

Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в ст. 50 «Исправительные работы» УК РФ были внесены изменения, устанавливающие возможность назначения исправительных работ лицам, не имеющим основного места работы, в местах, определяемых органом местного самоуправления по согласованию с органом, исполняющим наказание, но в районе места жительства осужденного.

В результате законодательная реформа ущемила права лиц, имеющих постоянное рабочее место, превратив исправительные работы в наказание для безработных осужденных, а это, как правило, лица, утратившие навыки работы, часто без определенного места жительства [1, с. 20–25].

С принятием Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» наказание в виде исправительных работ вновь стали назначать лицам, имеющим основное место работы. Кроме того, увеличилось количество норм УК РФ, предусматривающих данный вид наказания.

¹ См.: Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 03.03.2025).

² См.: Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества : приказ Минюста России от 20 мая 2009 г. № 142 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2025).

Действующее законодательство не содержит норм, обязывающих работодателя трудоустраивать осужденных к исправительным работам, вследствие чего заключение трудового договора с конкретным лицом является правом, а не обязанностью работодателя. Органы местного самоуправления также не вправе устанавливать квоты и возлагать на работодателей обязанности по созданию и предоставлению рабочих мест для трудоустройства осужденных, отбывающих наказание в виде исправительных работ¹. При этом фактически обязанность трудоустройства при исполнении данного вида наказания возложена на уголовно-исполнительные инспекции. Неработающие граждане, как правило, не желают работать, относятся к социально запущенным категориям населения. В условиях рыночной экономики, безработицы, незаинтересованности работодателя в получении неквалифицированного недисциплинированного работника с маргинализированным сознанием исполнение данного вида наказания является крайне неэффективным [2, с. 123–136]. Таким образом, значительная часть осужденных к исправительным работам, не имевших на момент назначения данного вида наказания основного места работы, остается нетрудоустроенной как по причине отсутствия работы в месте его проживания, так и из-за нежелания трудиться. Например, лица из числа осужденных за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей» УК РФ, не имеющие постоянного места работы, пребывали в данном состоянии из-за сформировавшейся отрицательной позиции к осуществлению трудовой деятельности.

Проблема исполнения наказания в виде исправительных работ в отношении лиц, не имеющих основного места работы, подтверждена статистическими данными ФСИН России². Так, в течение 11 месяцев 2024 г. по учетам уголовно-исполнительных инспекций прошло 40 018 таких осужденных, из них трудоустроены на момент поступления судебного решения в уголовно-исполнительную инспекцию 12 862 (32,1 %) человека. При этом отбыто наказание только 9960 (25 %) лицами, значительной части осужденных данной категории наказание в виде исправительных работ заменено лишением свободы в связи с уклонением от его отбывания или осуждением за совершение новых преступлений. В то же время замена исправительных работ на более строгое наказание в связи со злостным уклонением от его отбывания затрудняет реализацию целей наказания, поскольку исходя из коэффициента такой замены (один день лишения свободы (принудительных работ) равен трем дням исправительных работ) (ч. 4 ст. 50 УК РФ) один год исправительных работ соответствует лишь четырем месяцам лишения свободы или принудительных работ.

В течение 11 месяцев 2024 г. наказание в виде исправительных работ исполнялось уголовно-исполнительными инспекциями в отношении 84 535 осужденных, из которых 21 049 (24,9 %) человек отбыли наказание; 14 274 (16,9 %) осужденным наказание в виде исправительных работ заменено более строгим видом наказания; 1190 (1,4 %) человек осуждены за совершение иных преступлений, в результате чего наказание в виде исправительных работ заменено либо неотбытая часть присоединена к вновь назначенному наказанию в виде исправительных работ; 14 293 (16,9 %) осужденных сняты с учета уголовно-исполнительных инспекций по другим причинам (смерть, освобождение от

¹ См.: Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 июля 2017 г. № 72-КГ17-2 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.03.2025).

² См.: Федеральная служба исполнения наказаний. URL: <http://www.fsin.su> (дата обращения: 05.03.2025).

наказания в связи с болезнью и иные причины, предусмотренные законодательством Российской Федерации).

В отношении 33 729 (40 %) человек по состоянию на 1 декабря 2024 г. продолжено исполнение наказания в виде исправительных работ. В течение 11 месяцев 2024 г. на исполнение в уголовно-исполнительные инспекции поступили судебные решения, в соответствии с которыми назначено наказание в виде исправительных работ 48 348 осужденным, из них 30 548 (63,3 %) – не имели места работы на момент осуждения, а также на момент поступления приговора на исполнение в уголовно-исполнительные инспекции. В то же время 5783 (12 %) осужденных из числа лиц, которым назначено наказание в виде исправительных работ, не были трудоустроены в период от 30 дней и более в связи с отсутствием мест для трудоустройства в муниципальном образовании по их месту жительства.

Уголовно-исполнительными инспекциями в указанном периоде осужденным к исправительным работам, не имеющим места работы, было выдано 54 469 предписаний для трудоустройства в организации, определенные органами местного самоуправления в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации, для отбывания исправительных работ, из которых по 17 445 (32 %) предписаниям осужденные не обращались, в 10 954 (20,1 %) случаях получен отказ от работодателей, из них в 9634 (87,9 %) – ввиду отсутствия вакансии.

В 2024 г. исправительные работы заменены принудительными работами или лишением свободы 14 274 осужденным. При этом основная часть приговоренных к исправительным работам, не имеющих основного места работы, осуждены за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей» УК РФ (98,3 %). Санкция данной нормы предусматривает наряду с наказанием в виде исправительных работ сроком до одного года наказания в виде принудительных работ и лишения свободы на тот же срок.

Превалирующим видом назначаемого наказания по указанной норме являются исправительные работы (в 2022 г. данный вид наказания назначен 30 884 лицам из 48 934 осужденных, то есть 63,1 %, 2023 г. 26 746 лицам из 41 269 осужденных, то есть 64,8 %).

Основными причинами, по которым осужденные к исправительным работам не трудоустроивались по предписаниям уголовно-исполнительных инспекций, являются: отсутствие вакансий у работодателей; личное нежелание трудиться; отсутствие разрешений на работу у осужденных иностранных граждан либо лиц без гражданства. Для лиц, не имеющих основного места работы на момент вынесения судебного решения, гораздо более эффективным наказанием, позволяющим изолировать таких осужденных из антисоциальной среды, будут принудительные работы, которые обладают высоким потенциалом для успешной ресоциализации осужденных, а помощь в социальной адаптации является одним из ее элементов, связанным со спецификой наказания.

Осужденные к принудительным работам проживают в общежитиях, привлекаются к труду в организации любой организационно-правовой формы в соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации, получают заработную плату, из которой погашают причиненный преступлением ущерб, а также оплачивают коммунально-бытовые услуги в размере фактических затрат, то есть находятся на самообеспечении.

Таким образом, целесообразно скорректировать содержание ст. 50 УК РФ и исключить возможность назначения наказания в виде исправительных работ лицам, не имеющим основного места работы.

Список источников

1. Галиева Р. Ф. Правовое регулирование труда лиц, осужденных к исправительным работам // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2011. № 2. С. 20–25.
2. Антонченко В. В. Кризис уголовной политики // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 12. С. 123–136.

References

1. Galieva, R. F. 2011, 'Legal regulation of labor of persons sentenced to correctional labor', *Penal system: law, economics, management*, iss. 2, pp. 20–25.
2. Antonchenko, V. V. 2023, 'Crisis of criminal policy', *Actual problems of Russian law*, iss. 12, pp. 123–136.

Информация об авторах

С. М. Воробьев – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права;

Л. Н. Ключенко – кандидат филологических наук, кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного и уголовного права.

Information about the authors

S. M. Vorobyov – Sc.D (Law), Associate Professor, professor of the theory of state and law, international and european law department;

L. N. Klochenko – PhD, PhD (Law), associate professor of the public and criminal law department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 03.06.2025; одобрена после рецензирования 12.08.2025; принята к публикации 24.11.2025.

The article was submitted 03.06.2025; approved after reviewing 12.08.2025; accepted for publication 24.11.2025.

Научная статья

УДК 343.85

doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.496-503

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ИЛИ ИСПРАВЛЕНИЕ?

Александр Яковлевич Гришко^{1,2}

¹ Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, г. Рязань, Россия

² Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, г. Рязань, Россия, grishkoaleksandr@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена определению понятий предупреждения преступлений как цели наказания и исправления осужденного. Цель статьи – провести на основе анализа проблем терминологии систематизацию научных и законодательных подходов к определению дефиниции «предупреждение преступлений», а также дать научный обзор существующих позиций по данной проблеме. На протяжении десятков лет в криминологии идут дебаты по поводу содержания указанного понятия и смежных с ним, одним из которых является термин «исправление осужденного». Результаты этих дебатов не остаются в поле зрения только теории. В начале 2000-х годов сделана попытка придать рассматриваемому понятию законодательную силу. Отмечая такое движение как положительное явление, имеющее практическое значение в плане унификации данного понятия и смежных с ним, обозначаются проблемы, требующие дальнейшего исследования. На основе проведенного анализа высказаны предложения по совершенствованию законодательной трактовки терминов «предупреждение преступлений», «противодействие преступности», «исправление осужденных» и др.

Ключевые слова: профилактика, предупреждение, противодействие, преступление, борьба с преступностью, предотвращение, исправление

Для цитирования

Гришко А. Я. Предупреждение или исправление? // *Человек: преступление и наказание*. 2025. Т. 33(1–4), № 4. С. 496–503. DOI: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.496-503.

Original article

PREVENTION OR CORRECTION?

Alexander Yakovlevich Grishko^{1,2}

¹ Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russia

² Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ryazan, Russia,
grishkoaleksandr@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the definition of the concepts of crime prevention as the purpose of punishment and correction of a convicted person. The purpose of the article is to systematize scientific and legislative approaches to the definition of "crime prevention" based on the analysis of terminology problems, as well as to provide a scientific overview of existing positions on this issue. For decades, there has been a debate in criminology about the content of this concept and related ones, one of which is the term "convict correction." The results of these debates do not remain in the field of theory alone. In the early 2000s, an attempt was made to give the concept in question legislative force. Noting such a movement as a positive phenomenon that has practical significance in terms of the unification of this concept and related ones, problems requiring further research are identified. Based on the analysis, proposals were made to improve the legislative interpretation of the terms "crime prevention", "crime prevention", "correction of convicts", etc.

Keywords: prevention, prevention, counteraction, crime, fight against crime, prevention, correction

For citation

Grishko, A. Ya. 2025, 'Prevention or correction?', *Man: crime and punishment*, vol. 33(1–4), iss. 4, pp. 496–503, doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.496-503.

Уголовное законодательство в числе целей наказания устанавливает в том числе исправление осужденного и предупреждение совершения им и иными лицами новых преступлений (ст. 43 УК РФ). Аналогичные цели стоят перед уголовно-исполнительным законодательством (ч. 1 ст. 1 УИК РФ). Названные цели не являются декларативными. Помимо преюдициальных и иных норм указанных законодательств их реализация обеспечивается и другими законодательными и нормативными правовыми актами. Речь, в частности, идет о законодательстве, пробации, об установлении управомоченного органа, призванного осуществлять контроль за условно-досрочно освобожденными. Указанные и иные меры эффективны при реализации цели предупреждения совершения преступления лицами, ранее их совершившими. Количество таких преступлений снизилось в 2022 г. на 2,1 %, 2023 – на 9,1, в 2024 г. – на 14,7 %. Между тем доля преступлений, совершенных указанными лицами, остается значительной. В 2024 г. удельный вес таких лиц составил 57,1 %, что требует особого внимания. Речь идет о теоретических и законодательных путях решения проблемы.

С теоретической точки зрения остается актуальным вопрос определения содержания понятий «предупреждение», «исправление» и смежных с ними – «профилактика», «предотвращение», «противодействие» и др.

Нормативно понятие «исправление осужденных» закреплено в ч. 1 ст. 9 УИК РФ. Оно определяется как формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения. Это определение практически снимает дискуссионность в науке уголовно-исполнительного права по этому вопросу, которая имела место на протяжении нескольких десятилетий.

В определенной мере следует поддержать точку зрения авторов относительно придания понятию исправления только юридического смысла. Полагаем, что осужденный реализовал установку исправления готовностью и способностью не совершать новое преступление. При этом не имеет значения, в результате чего это достигается: переоценки смысла жизни, осознания нецелесообразности своего неправомерного поведения или формирования «страха» быть вновь наказанным.

Вместе с тем правовое понятие «исправление осужденного» отражает более значимую и глубокую работу сотрудников органов и учреждений уголовно-исполнительной системы (УИС) с личностью в плане изменения убеждений, взглядов, а также поведения согласно новым убеждениям, осознанности значимости социальных ценностей и недопустимости криминальных посягательств на них. Данный тезис подкрепляется результатами анализа нормативных установлений относительно организации воспитательной работы с осужденными, стимулирования их правопослушного поведения.

Отправным моментом исправления осужденных является их стремление минимизировать негативные последствия совершенного преступления. Прямого указания закона на это обстоятельство нет. Однако подтверждением этого является наличие в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации нормы, которая требует отражения в характеристике осужденного, обратившегося с ходатайством в суд об условно-досрочном освобождении, сведений о возмещении вреда, причиненного преступлением, раскаянии в совершенном деянии (ч. 1 ст. 175 УИК РФ). Возмещение причиненного преступлением вреда и раскаяние в совершенном деянии – уголовно-правовые критерии, позитивно характеризующие личность осужденного и его стремление к исправлению.

Минимизация вреда, причиненного преступлением, является задачей, характерной именно для уголовно-исполнительного законодательства в плане достижения цели исправления осужденного. На стадии исполнения наказания реализуется принцип справедливости относительно защиты прав и законных интересов потерпевшего от преступления. Практика реализации данного принципа свидетельствует о проблемности вопроса минимизации вреда, причиненного преступлением. Удельный вес возмещения осужденными причиненного вреда не превышает 3,0 % [1, с. 58].

На заседании Совета безопасности Российской Федерации в сентябре 2020 г. было отмечено, что ряд существенных положений, касающихся вопросов восстановления социальной справедливости в части возмещения вреда, причиненного преступлением, не получили должного законодательного закрепления [2]. Это касается вопроса нормативного правового определения целей уголовно-исполнительного законодательства [2, с. 25]. Минимизация последствий совершенного преступления, в частности, в форме возмещения вреда, не только указывает на исправление осужденного, но и имеет

профилактическое значение в части недопущения совершения преступления как осужденным, так и иными лицами. Значение возмещения вреда как мерило преступности отмечал еще Ч. Беккария [3].

Нередкое отсутствие решения вопроса о возмещении вреда порождает у граждан неверие в право, в возможность защитить свои права, свободы и законные интересы, что оказывает неоднозначное воздействие на состояние правосознания, детерминируя ту или иную его трансформацию [4]. К сожалению, в теории и практике далеко не всегда учитываются права и законные интересы собственника имущества, отмечает Л. В. Ведерникова [5, с. 14]. Игнорирование прав и законных интересов потерпевшего имеет место и на концептуальном уровне. Характеризуя Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, В. И. Селиверстов как положительное отмечает дополнение ее новым разделом «Обеспечение прав и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся под стражей» [6, с. 70]. При этом забываются права и законные интересы потерпевшего от преступления, и отражение их в данной Концепции касательно совершенствования законодательства в этой сфере представляется необходимым. Следует максимально конкретизировать понятие исправления, установленное в ч. 1 ст. 9 УИК РФ. Возможен и другой вариант. Учитывая высокую степень сопряженности понятий «предупреждение» и «исправление», закрепить понятие «противодействие преступности» в УИК РФ. Базовыми установками для такого определения могут быть федеральные законы «О противодействии терроризму», «О противодействии коррупции». Предлагаем следующую формулировку нормы ч. 1 ст. 1 УИК РФ: «Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и новыми лицами». В этих целях законодатель устанавливает дифференцированные условия отбывания наказания, различные виды контроля и прокурорский надзор за их соблюдением, основные средства исправления осужденных. Данные меры относятся к категории частных, так как направлены на исправление осужденных и недопущение с их стороны новых преступлений.

Предупреждение преступлений со стороны иных лиц (общее предупреждение) достигается прежде всего фактом привлечения лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности, назначением ему наказания и его исполнением в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством. Значимым фактором является доведение до сведения граждан информации об исполнении наказаний, о результатах контрольно-надзорной деятельности соответствующих субъектов через средства массовой информации. Одной из таких форм являются ежегодные отчетные доклады о деятельности Уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации, публикуемые в центральных или региональных средствах печати.

Относительно понятия «предупреждение преступлений» существуют различные точки зрения. Так, Ю. М. Антонян в содержание этого определения включает профилактику, предотвращение и пресечение преступлений, исправление преступника [7]. Исправление осужденного лежит в основе предупреждения совершения осужденным нового преступления (частная превенция), так как оно предполагает формирование у него уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения (ч. 1 ст. 9 УИК РФ).

В отличие от понятия «исправление», дефиниция «предупреждение» не получила своего законодательного или какого-либо иного нормативного правового закрепления на межведомственном уровне. В Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы (приказ Минюста России от 20 мая 2013 г. № 72), раскрывается только деятельность по предотвращению и профилактике правонарушений. Системный анализ понятий, установленных в указанном нормативном правовом акте, позволяет заключить, что они выражают более общее понимание – предупреждение преступлений. Между тем необходимость в нормативном определении понятия в исследуемой сфере существует. Предупреждение преступлений как цель уголовно-исполнительного законодательства по сравнению с предупреждением преступлений в других сферах имеет свои особенности. Речь, в частности, идет о соотношении понятий «предупреждение преступлений», «исправление осужденных», «минимизация последствий совершенного преступления».

Отсутствие нормативного правового определения понятия «предупреждение» и оценочный подход к законодательному определению понятия «исправление», различное его понимание в научной литературе не позволяют установить их особенности, отличия друг от друга. Соответственно это обуславливает усмотрительный подход субъектов уголовно-исполнительной деятельности к определению средств достижения указанных целей, к оценке их результатов, степени их достижения.

Законодательное или иное нормативное правовое закрепление понятия «предупреждение», уточнение дефиниции «исправление», более конкретное раскрытие его содержания, безусловно, максимально облегчит субъективно-усмотрительный подход к пониманию. Этому может способствовать также уточнение терминологии на ином нормативно-правовом уровне. Речь идет, в частности, о раскрытии содержания форм профилактического воздействия на осужденных, установленных приказом Минюста России от 20 мая 2013 г. № 72.

Трудно согласиться с авторами, которые считают оправданным оставление за пределами правового регулирования ряда вопросов, связанных с достижением целей предупреждения и исправления осужденных [8]. «...Исправление осужденных и предупреждение совершения ими преступлений направлены не просто на регулирование их внешнего поведения, а на изменение мотивационной составляющей в положительную сторону, что само по себе находится вне правового поля», – пишет А. А. Храмов [9, с. 31]. Автор не уточняет, какие аспекты указанных целей могут находиться вне правового поля. Приведенное в большей мере можно отнести к понятию «исправление». Дефиниция «предупреждение» регламентируется законами и иными нормативными правовыми актами, которые, в частности, определяют осужденных, за которыми устанавливается административный надзор, которые подлежат постановке на профилактический учет и т. п. При этом предупреждение не всегда может охватываться понятием «исправление». Система мер, применяемых к осужденным, может служить препятствием для совершения нового преступления, но у осужденного за весь период отбывания наказания может не сформироваться уважительное отношение к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития (ч. 1 ст. 9 УИК РФ), а нового преступления он не совершает, например, из-за страха получить новое наказание.

В конечном итоге можно сделать вывод о том, что различные трактовки понятия «предупреждение преступлений» и смежных с ним дефиниций влияют на эффективность действующего законодательства. Ретроспективный анализ определения его со-

держания в теории криминологии и в нормативно-правовом аспекте свидетельствует о том, что понятие «предупреждение преступления», уяснение его сущностной стороны, закрепление его в отдельных законодательных актах, безусловно, следует оценивать как дальнейшее его развитие в научно-теоретическом и правовом аспектах. Вместе с тем данная тема продолжает вызывать научно-практический интерес. Рассматриваемое понятие является предметом криминологии, поэтому представителям именно этой науки принадлежит первостепенная роль в развитии научного подхода к нему. От того, насколько глубоко будет разработана данная тема, будет зависеть правомерность его использования в конкретных отраслях законодательства. Известно, что отдельные правовые институты наиболее развиты в соответствующих отраслях права, поэтому при их использовании в других отраслях права нужно исходить из их базовых определений, традиционно содержащихся в соответствующих отраслях права. Нет необходимости утверждать, что институт собственности является предметом гражданского права, поэтому при его применении в других отраслях права надо исходить из его базового гражданско-правового содержания. Понятие «предупреждение преступлений» относится к криминологии.

Сопоставительный анализ использования данной дефиниции в различных отраслях законодательства свидетельствует об актуальности решения данного вопроса. В административном и уголовно-исполнительном законодательстве предупреждение трактуется как вид наказания (ст. 3.2 КоАП РФ) или мера взыскания (ч. 2 ст. 58 УИК РФ). В законах используется термин «официальное предостережение» (предостережение), по сути, идентичный термину «предупреждение» (ст. 20 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»).

Законодательное оформление понятия «предупреждение преступлений» должно быть системным. Наряду с унификацией понятия «предупреждение» и смежных с ним понятий («профилактика», «предотвращение») в различных законодательствах требуется его соотнесение с другими близкими понятиями. Речь идет прежде всего о таких значимых в сфере борьбы с преступностью понятиях, как «исправление осужденного» и «возмещение вреда, причиненного преступлением потерпевшему».

По мнению И. М. Мацкевича, понятие «борьбы с преступностью» представляется слишком размытым и недостаточно точно отражающим цель. Аналогичную позицию занимают А. И. Долгова и В. А. Уткин. На наш взгляд, борьбу с преступностью следует представлять как направление уголовной политики, включающее в себя профилактику, предотвращение преступлений (составных определения «предупреждение преступлений»), минимизацию вреда потерпевшему от преступления и др. При определении степени приоритетности понятий «противодействие преступности» и «борьба с преступностью» немаловажным является и их эмоциональное восприятие в обществе в целом и среди правоохранителей в частности. По нашему мнению, термин «борьба» нацеливает на активную наступательную деятельность, а «противодействие» воспринимается как защита от преступлений, то есть является пассивной реакцией на преступность. При этом нельзя не учитывать, что термин «борьба» уже стал традиционным в криминологии и правоохранительной деятельности.

Список источников

1. Гришко А. Я. Возмещение вреда, причиненного преступлением: постановка проблемы // *Административное право и процесс.* 2017. № 10. С. 56–60.

2. Фалалеев М. Жертвам преступлений предложили обеспечить компенсацию и госзащиту // Рос. газ. 2021. 12 июля.
3. Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. 226 с.
4. Фролов А. Н. Механизм влияния трансформированного правосознания на содержание и реализацию права в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2018. 32 с.
5. Ведерникова Л. В. Безвозмездность как признак завладения вверенным имуществом // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 3. С. 3–14.
6. Селиверстов В. И. Изменения в уголовно-исполнительной политике и уголовно-исполнительном законодательстве в сфере исполнения лишения свободы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 2. С. 69–81.
7. Антонян Ю. М. Наука криминология : монография. М. : Юрлитинформ, 2015. 364 с.
8. Антонян А. Г. Оценочные категории в уголовно-исполнительном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2016. 40 с.
9. Храмов А. А. Пробелы в уголовно-исполнительном законодательстве России : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2022. 230 с.

References

1. Grishko, A. Ya. 2017, 'Compensation for harm caused by a crime: posing a problem', *Administrative law and process*, iss. 10, pp. 56–60.
2. Falaleev, M. 2021, 'Victims of crimes were offered compensation and state protection', *Rossijskaja gazeta*, July 12.
3. Beccaria, Ch. 1939, *On crimes and punishments*, Moscow.
4. Frolov, A. N. 2018, *The mechanism of influence of the transformed legal consciousness on the content and realization of law in modern Russia: PhD thesis (Law)*, N. Novgorod.
5. Vedernikova, L. V. 2016, 'Gratuitousness as a sign of taking possession of entrusted property', *Bulletin of Tomsk State University. Law*, iss. 3, pp. 3–14.
6. Seliverstov, V. I. 2016, 'Changes in penal enforcement policy and penal enforcement legislation in the sphere of execution of imprisonment', *Bulletin of Tomsk State University. Law*, iss. 2, pp. 69–81.
7. Antonyan, Yu. M. 2015, *Science of criminology: monograph*, YurLitinform, Moscow.
8. Antonyan, A. G. 2016, *Evaluative categories in penal law: PhD thesis (Law)*, Tomsk.
9. Khramov, A. A. 2022, *Gaps in the penal legislation of Russia: PhD thesis (Law)*, Ryazan.

Информация об авторе

А. Я. Гришко – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина); профессор кафедры уголовного права и криминологии (Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя).

Information about the author

A. Ya. Grishko – Sc.D (Law), Professor, professor of the criminal law disciplines department (Ryazan State University named after S. A. Yesenin); professor of the criminal law and criminology department (Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot)

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 22.09.2025; одобрена после рецензирования 30.10.2025; принята к публикации 24.11.2025.

The article was submitted 22.09.2025; approved after reviewing 30.10.2025; accepted for publication 24.11.2025.

Научная статья

УДК 343.9

doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.504-515

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ МОЛОДЕЖНОЙ КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Федор Владимирович Грушин¹, Елена Анатольевна Раненкова², Олег Геннадьевич Демидов³

¹ НИИ ФСИН России, г. Москва, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-1217-8856>, fedor062@yandex.ru

² Московский областной филиал Московского университета Министерства внутренних дел России имени В. Я. Кикотя, г. Москва, Россия, <https://orcid.org/0009-0004-2362-5916>, alena_ranenkova@rambler.ru

³ Псковский филиал Университета ФСИН России, г. Псков, Россия, <https://orcid.org/0009-0000-6563-6374>, demidov-oleg-gen@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются понятия «неформальные молодежные объединения», «субкультура несовершеннолетних», «криминальная субкультура несовершеннолетних», которые взаимосвязаны между собой и соприкасаются в определенной части. Субкультура несовершеннолетних, выступая частью национальной культуры с трансформированными ценностями и правилами поведения для подрастающего поколения, в некоторых случаях перерастает в молодежную криминальную субкультуру, под влияние которой попадают неформальные молодежные объединения асоциальной направленности. Криминальная субкультура пренебрегает общепринятыми ценностными ориентирами общества, фактически паразитирует на его культуре, являясь ее противоположностью, а никак не продолжением. На сегодняшний день отсутствует законодательное закрепление понятия «криминальная субкультура», в котором наиболее целостно отражались бы характерные черты всех видовых проявлений данного феномена. Выработано авторское определение понятия «молодежная криминальная субкультура». Для совершенствования правового регулирования в сфере противодействия молодежным криминальным субкультурам предложено внести изменения в отдельные нормативно-правовые акты Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия вовлечению молодежи в криминальную субкультуру.

Ключевые слова: неформальные молодежные объединения, субкультура несовершеннолетних, молодежная криминальная субкультура

Для цитирования

Грушин Ф. В., Раненкова Е. А., Демидов О. Г. Понятие и сущность молодежной криминальной субкультуры: уголовно-правовой аспект // Человек: преступление и наказание. 2025. Т. 33(1–4), № 4. С. 504–515. DOI: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.504-515.

Original article

THE CONCEPT AND ESSENCE OF THE YOUTH CRIMINAL SUBCULTURE: THE CRIMINAL LAW ASPECT

Fyodor Vladimirovich Grushin¹, Elena Anatolyevna Ranenkova², Oleg Gennadievich Demidov³

¹ Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-1217-8856>, fedor062@yandex.ru

² Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0009-0004-2362-5916>, alena_ranenkova@rambler.ru

³ Pskov Branch of the University of the FPS of Russia, Pskov, Russia, <https://orcid.org/0009-0000-6563-6374>, demidov-oleg-gen@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the concepts of "informal youth associations", "subculture of minors", "criminal subculture of minors", which are interconnected and come into contact in a certain part. The subculture of minors, acting as part of the national culture with transformed values and rules of behavior for the younger generation, in some cases develops into a youth criminal subculture, which is influenced by informal youth associations of an antisocial orientation. The criminal subculture ignores the generally accepted value orientations of society, in fact, it parasitizes its culture, being its opposite, and in no way a continuation. To date, there is no legislative consolidation of the concept of "criminal subculture", which would most holistically reflect the characteristic features of all specific manifestations of this phenomenon. The author's definition of the concept of "youth criminal subculture" has been developed. In order to improve legal regulation in the field of countering youth criminal subcultures, it is proposed to amend certain regulatory legal acts of the Russian Federation in terms of establishing additional mechanisms to counter the involvement of youth in criminal subculture.

Keywords: informal youth associations, subculture of minors, youth criminal subculture

For citation

Grushin, F. V., Ranenkova, E. A. & Demidov, O. G. 202, 'The concept and essence of the youth criminal subculture: the criminal law aspect', *Man: crime and punishment*, vol. 33(1–4), iss. 4, pp. 504–515, doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.504-515.

В современных реалиях проблема вовлечения молодежи в преступную деятельность криминальных субкультур представляет собой одну из наиболее серьезных угроз национальной безопасности Российской Федерации. Субкультура несовершеннолетних,

выступая частью национальной культуры с трансформированными ценностями и правилами поведения для подрастающего поколения, в некоторых случаях перерастает в молодежную криминальную субкультуру, под влияние которой попадают неформальные молодежные объединения асоциальной направленности. Криминальная субкультура, пренебрегая общепринятыми ценностными ориентирами общества, фактически паразитирует на его культуре, являясь ее противоположностью, а никак не продолжением.

Приступая к исследованию, важно определиться с границей молодежного возраста и понятиями «молодежь» и «несовершеннолетние». Согласимся с мнением Е. А. Ковальчук, которая полагает, что «молодежь – это понятие историческое, зависящее от характера и уровня развития конкретного общества. В разных науках: психологии, биологии, социологии, медицине, юриспруденции, понятие «молодежь» неоднозначно» [3, с. 31]. В соответствии с действующими нормативными документами Российской Федерации молодежь, молодые граждане – социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно (кроме случаев, предусмотренных ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»), имеющих гражданство Российской Федерации.

По данным официальной статистики Росстата, на 1 января 2025 г. в России проживало 37 млн человек в возрасте от 14 лет до 35 лет, это почти четверть населения страны. Наиболее подверженными влиянию криминальной субкультуры оказались лица в возрасте от 11 до 18 лет – самая незащищенная часть населения, главное – та ее часть, которой в скором времени предстоит строить будущее нашей страны. В группе риска дети, в основном лица мужского пола, средний возраст – 13–18 лет; из неполных семей, чаще растущие без отца, либо сироты; учащиеся общеобразовательных и профессиональных образовательных организаций, школ-интернатов, детских домов; имеющие ранее судимых родственников; состоящие на внутришкольном учете, учете в подразделениях по делам несовершеннолетних (ПДН) МВД России. Печальным представляется тот факт, что криминальная субкультура с ее псевдоромантикой становится с каждым днем все более привлекательной для лиц, не достигших 18-летия: именно руками подростков, которыми манипулируют взрослые, совершаются противоправные деяния. Одной из ключевых особенностей развития лиц в возрасте до 18 лет выступает процесс их социализации путем коммуникации с окружающими людьми, в рамках которой формируется общественное сознание и мировоззрение, вырабатываются социокультурные ценности. Однако далеко не всегда межличностное взаимодействие несовершеннолетних несет в себе положительную окраску, подобное явление в научной литературе и средствах массовой информации (СМИ) определяется как «неформальное молодежное объединение», «криминальная субкультура несовершеннолетних», «молодежная группа риска», «преступная (асоциальная) субкультура» и «контркультура молодежи». Такое обилие терминов приводит к появлению разнообразных подходов к пониманию сущности феномена криминальных субкультур несовершеннолетних и молодежи, изучению процесса взаимодействия таких подростков с другими, а также к разработке превентивных мер. С одной стороны, неформальные молодежные объединения – социальные группы различной общественной направленности, цель которых – удовлетворение разнообразных потребностей подрастающего поколения [4, с. 241], с другой – это «социально-психологическое явление, представляющее собой попытку адаптации молодых людей к тем проблемам, с которыми они сталкиваются в подростковом и юношеском возрастах, в течение того периода, когда они постепенно

входят в самостоятельную жизнь в современных конкретно-исторических условиях» [10, с. 122]. Словом «неформальность» можно характеризовать как конструктивные (музыкальные, спортивные, творческие и др.), так и деструктивные (экстремистской, суицидальной направленности и т. д.) объединения несовершеннолетних.

Наряду с использованием понятия «неформальные молодежные объединения», все чаще употребляется термин «молодежные субкультуры». Наиболее обобщенно субкультура – это часть общепринятой культуры, отличающаяся по одному отдельно взятому признаку (профессии, религии и т. д.) или по совокупности таких признаков [2, с. 4–5]. В. А. Аминова полагает, что в узком смысле термин «субкультура» обычно применим для специфической культуры молодежных образований, основанных, как правило, на каком-либо увлечении, являющихся одним из способов самовыражения молодых лиц [1, с. 113–118]. Подобных взглядов придерживается и Ю. Е. Милютин: «Что касается молодежной культуры, то в социологической литературе она аттестуется как субкультура, то есть относительно самостоятельная часть целостного образования культуры...» [8, с. 160–166]. В 1996 г. в научных кругах был введен термин «контркультура» (от англ. *counter* – противостоять, от лат. *cultura* – возделывание), относящийся к протестным американским движениям второй половины XX в. Анализ мнения ученых из разных областей (социологии, истории, философии и т. д.) позволяет сделать вывод о том, что понятие «контркультура» можно рассматривать в двух аспектах. При широком подходе контркультура выступает синонимом субкультуры, а при узком – обозначает часть субкультуры, пропагандирующей отказ от ценностей и норм главенствующей культуры, в которую входит криминальная субкультура [15, с. 9–12].

Отталкиваясь от узкой трактовки слова «контркультура», мы переходим к изучению понятия «криминальная субкультура». Криминальная субкультура как уголовно-правовое явление изучено глубоко. Однако до сих пор ведутся споры относительно его толкования. Большинство ученых полагают, что в отечественную науку его ввел В. Ф. Пирожков. По его мнению, криминальная субкультура – это определенный уровень развития жизни преступных сообществ, выраженный в типах и формах их организации, деятельности членов данных сообществ, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях, находящий свое отражение в образе жизни несовершеннолетних и молодежи, объединившихся в криминальные группы [11, с. 429–430].

С. Б. Пономарев, рассматривая криминальную субкультуру сквозь призму биологического фактора, полагает, что криминально-субкультурная среда – это унаследованный привычный способ противоправного поведения, ожидаемый и поддерживаемый членами таких субкультурных групп, с которым сталкиваются в определенной ситуации молодые лица [12, с. 56–65].

В 2018 г.¹ и 2020 г.² в Государственную Думу вносились законопроекты, касающиеся реализации механизмов профилактики и противодействия распространению криминальных субкультур в Российской Федерации, тем не менее они были отклонены.

¹ См.: Распространение криминальной субкультуры в социальных сетях приравняют к пропаганде экстремизма. URL: <http://www.nasledie.ru/?q=node%2F8121> (дата обращения: 20.03.2025).

² См.: О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в части реализации механизмов профилактики и противодействия распространению криминальных субкультур в Российской Федерации : законопроект № 1009841-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1009841-7> (дата обращения: 20.03.2025).

По нашему мнению, криминальная субкультура в традиционном понимании включает в себя систему взглядов и идей, представляющих собой нормы и ценности преступного мира как единственно верные и справедливые. Она пропагандирует философию лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, тюремные «понятия», романтизирует и идеализирует криминальный образ жизни и создает идеологическую основу для продуцирования и воспроизводства преступности. Сформированные в рамках такой идеологии парадигмы ставятся выше законодательства Российской Федерации, подрывают авторитет легитимных органов исполнительной и судебной власти, создают угрозу конституционному строю Российской Федерации, поэтому законодательное определение данного понятия необходимо. В своем исследовании С. М. Кочои и К. З. Трапидзе пришли к такому выводу: особая активность использования понятия «криминальная субкультура» в законодательстве, судебной практике, криминологической и пенитенциарной науке, а также в социологии, антропологии и культурологии является причиной того, что в юридической науке имеются десятки определений вышеуказанного понятия [5, с. 95].

Предлагаем авторское понятие, которое, на наш взгляд, комплексно отражает сущность изучаемого феномена. Молодежная криминальная субкультура – это социально-психологическое явление, представляющее собой способ самовыражения молодых лиц в виде противоправного поведения, поддерживаемого другими представителями данной неформальной субкультуры, а также деструктивную идеологию, то есть совокупность создаваемых членами объединения материальных и духовных ценностей, оправдывающих антизаконность своих действий, находящую отражение в образе жизни молодежи, объединившихся в криминальную группу.

Специалисты различают множество видов криминальных субкультур. Особый интерес представляет типология (виды) криминальной субкультуры, предложенная Ф. Р. Хисамудиновым и А. Е. Шалагиным: «...тюремная субкультура; субкультура рецидивистов, «профессионалов» преступного мира, лиц, входящих в организованные преступные группы сообщества; субкультура несовершеннолетних и молодежи; субкультура экстремистов, анархистов, радикалов и т. п.; субкультура деструктивных (тоталитарных) религиозных организаций (сект); субкультура лиц, страдающих химическими аддикциями (алкоголики, наркоманы, токсикоманы); субкультура маргинальных слоев населения (бродяги, попрошайки, вокзальные проститутки и пр.)» [14, с. 46–52].

Рассмотрим более современные классификации типологий криминальных субкультур молодежи. По каналам вовлечения в субкультуру выделяют передачу преступной идеологии посредством информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет (онлайн-распространение); печатных изданий и других агитационных материалов; через носителей данной идеологии (ее представителей).

Другая типология подростковой криминальной субкультуры основана на уровне организации и вовлечения в нее молодежи. Субкультура случайной группы, например, уличных компаний, главным развлечением которых становятся драки, разбои и другие правонарушения. Правило для них – взять на слабо. Агрессивная субкультура характерна для более организованных форм объединений по сравнению с предыдущей, в которой хоть и появляется деление на роли (более выраженная иерархическая структура), наличие санкций для нарушителей и противопоставление «кто мы, а кто они», все равно остается минимальное представление о преступных ценностях. Устойчивая субкультура – грань между традиционными

ценностями и криминальными размывается, подростки видят ценности контркультуры единственно верными.

А. В. Сумачев приводит несколько схожую типологию по принципу криминальной сущности. Он говорит о таких неформальных молодежных группах: криминально-активные объединения (цель – совершение противоправных действий; националисты, скинхеды, офники и др.); криминально-виктимные объединения (нет цели совершать правонарушения, но своим образом жизни и внешним видом провоцируют другие группы на совершение против них противозаконных деяний; эмо, готы и т. д.); криминально-нейтральные объединения (не обладают ярко выраженной антизаконной активностью, но вероятность под влиянием неких условий перерасти в криминально-активные объединения у них большая; байкеры, диггеры, рокеры и подобное) [13, с. 65]. «С точки зрения основ формирования личности преступника для нас представляют интерес криминально активные и криминально-виктимные неформальные молодежные группы», – добавляет А. В. Сумачев [13, с. 66].

В основу следующей классификации поставим образ жизни и идеи, пропагандируемые криминальной субкультурой: субкультура маргинальных слоев населения (лица с низкой социальной ответственностью, попрошайки и др.); субкультура лиц, страдающих химическими аддикциями (наркоманы, токсикоманы и алкоголики); тюремная субкультура; субкультура экстремистов, радикалов, школьных стрелков и т. д.; субкультура суицидальной направленности.

Считаем возможным выделить типологию в зависимости от того, на кого направлено пагубное воздействие девиантной субкультуры. Вред от субкультуры причиняется лицу, непосредственно ею увлекающемуся (например, субкультура суицидальной направленности). Разрушительные последствия касаются только определенной группы лиц, против которой выступает идеология субкультуры (околофутбольщики). Смешанная форма – страдают как непосредственные исполнители антикультурных норм, так и лица, против которых эти нормы направлены (скулшутинг, колумбайн), экстремизм и терроризм.

По масштабу распространения разграничивают субкультуры международного уровня и внутригосударственного, однако с активным использованием сети Интернет граница между ними все больше стирается: проявляется транснациональный характер, что хорошо прослеживается на примере скулшутинга, колумбайна.

Добавим, что однозначно отнести криминальную субкультуру молодежи к какой-либо типологии не представляется возможным, поскольку одно и то же девиантное проявление можно рассматривать в различных контекстах.

Важным в понимании феномена криминальной субкультуры молодежи выступает изучение идеологии такой контркультуры. Криминальная идеология – совокупность представлений группы, сложившихся в сознании несовершеннолетних, которая объясняет и регулирует их образ жизни и деяния. «Наличие криминальной идеологии является главным условием запуска механизма самооправдания и отрицания своей ответственности у преступника», – подчеркивают С. И. Кузьмин и Е. А. Малетина [6, с. 21–28]. Идеологические представления складываются из мотивов (способов самооправдания) и групповых идей.

Наиболее часто субкультурщики ссылаются на самозащиту и месть (в процессе совершения вооруженного нападения на образовательные организации «школьные стрелки» говорят о мести за унижения со стороны учителей и одноклассников), на идею коллективизма и групповой ответственности (к околофутбольщикам хорошо подходит

фразеологизм «стенка на стенку»). Но ко всем криминальным идеологиям субкультур без исключения относится отсутствие чувства вины у последователей и отрицание ответственности. Сложившаяся идеология криминальной субкультуры в последующем ложится в основу правил поведения представителей этой субкультуры – нормы группы. Н. С. Маркова отмечает: «...в подростковой и молодежной среде свойственно детально «расписывать» поведение членов группы и держать это в сознании каждого» [7, с. 79–83].

Очевидно, что наличие норм поведения диктует представителям криминальной субкультуры определенное поведение, ожидаемое от него другими членами. Когда правила поведения передаются из поколения в поколение, формируется традиция, что, по мнению видного педагогического деятеля А. С. Макаренко, можно считать «социальным клеем любой общности» [9, с. 203]. Для молодых лиц традиции приобретают особую привлекательность, поскольку их ритуальность эмоционально окрашивает и насыщает строгие нормы поведения, а неперсонифицированный характер облегчает подчинение им. Еще одним элементом в структуре криминальных субкультур (встречается в большей степени у представителей АУЕ) исследователи выделяют ритуалы – некую церемониальную деятельность, сопровождающую традиции. Наиболее известные ритуалы: прописка новичка, повышение (понижение) в ранге и пр. Следование традициям и ритуалам в криминальной субкультуре – это наиболее быстрый путь повышения статуса у ее юных представителей.

Внешние атрибуты, жаргонизмы (клички), клятвы, наличие стратификации, специфический фольклор – факультативные полифункциональные составляющие структуры антисоциальных культур. Термин «полифункциональные» (от греч. *polu* – много, от лат. *functio* – деятельность) употребляется в следующем значении: реализация нескольких функций в одном объекте, например, рисунки на теле (татуировки) – это не только средство приобщения лица к конкретной субкультуре, но и знаковая система общения. Важно, что подобная атрибутика является весьма условной при рассмотрении вопроса о криминальной идеологии, поскольку в наши дни мы уже можем говорить о сращивании двух ценностных аппаратов – традиционного и антизаконного: в песнях жанра «шансон» пропагандируется криминальная лирика, в фильмах про преступников активно используется «блатная» речь, а татуировки с определенной символикой встречаются у рядовых граждан как простой нательный рисунок без смысловой нагрузки для владельца.

Все названные элементы в структуре субкультур выполняют ряд внутренних функций: поведенческий регулятор – определяется должное поведение, ограничивается круг недостойных деяний для несовершеннолетних; связующий (коммуникативный) атрибут – средство межличностного (межгруппового) взаимодействия молодых представителей субкультур; элемент стратификации – выделение среди членов группы «привилегированных» слоев, а также обозначение места несовершеннолетних в общей иерархии.

Подтверждением данных пунктов выступает описательно-мотивировочная часть судебного решения в отношении подростков, состоявших в преступной группировке «Седьмовские» на территории Республики Татарстан: «Устойчивость группировки обеспечивалась жесткой дисциплиной, круговой порукой, проведением регулярных собраний ее участников в строго определенных местах, строгой подчиненностью нижестоящих участников вышестоящим, при этом любое нарушение установленных в группировке правил поведения наказывалось физически либо изгнанием из ее состава, а также системой материального обогащения и взаимопомощи участникам группировки, отбываю-

щим наказание в местах лишения свободы, категорическим отказом от сотрудничества с правоохранительными органами, общим пониманием противоправных целей. Внутри указанной группировки сложилась иерархическая структура. При этом в зависимости от возраста, занимаемого положения в группировке, а также криминального авторитета ее участники подразделялись на группы, так называемые «возраста». Существовали «лидеры», «старшие», «средние» и «молодые» участники¹.

Будучи специфической формой организации жизнедеятельности несовершеннолетних, криминальная субкультура выполняет ряд функций.

1. Функция вожатого, то есть субкультура связывает предпреступные и преступные деяния у следующих категорий несовершеннолетних: уже понесших уголовную (административную) ответственность, например, освободившихся из воспитательных колоний; имеющих родственников (знакомых) с криминальным прошлым или связи с асоциальными личностями; безнадзорных или воспитывающихся в неблагополучных семьях; воспитывающихся в благополучных семьях, но имеющих упущения в воспитании (например, «культ золотого тельца» – представления молодежи о «поклонении» материальным богатствам и их превосходстве над другими традиционными морально-нравственными ценностями).

2. Регулятивная функция – четкая организация внутренних отношений, заключающаяся в выстраивании системы отношений между членами группы, разрешении конфликтных ситуаций между представителями субкультуры, поддержании соблюдения поведенческих норм, а также в применении санкций к нарушителям (моральное, психическое и физическое воздействие).

3. Функции самовыражения, защиты и интеграции. Криминальная субкультура становится для подрастающего поколения «плацдармом» для поисков себя, отстаивания своих взглядов и приковывания к себе внимания.

Поскольку деструктивная субкультура есть основной механизм криминализации несовершеннолетних, выделим такие дестабилизирующие функции, как снижение уровня правосознания граждан, усиление формирования правового нигилизма, негативизма и пренебрежения нормами действующего законодательства; трансляция и передача девиантного поведения из поколения в поколение в виде традиций, ритуалов и обычаев; разрушение традиционных ценностных ориентиров и норм поведения; как «оправдание» самого противозаконного поведения со стороны некоторых лиц, так и создание положительного имиджа у ряда преступников.

В основе криминальных субкультур лежат различные интересы, однако формы их выражения бывают разные: наказуемая (совершение противоправных деяний по мотивам ненависти, вражды и другим мотивам либо совершение деяний общеуголовной направленности) и ненаказуемая (использование жаргонной лексики в речи; следование «воровскому кодексу»).

Для правоохранительных органов важным направлением является борьба как с наказуемыми проявлениями криминальных субкультур, так и с ненаказуемыми, поскольку в последнем случае речь идет о связующем звене между предпреступным и преступным поведением подростков.

Основными идеологами и носителями криминальной субкультуры являются участники организованных преступных сообществ и организаций, ответственность за участие

¹ Приговор Верховного суда Республики Татарстан от 25 февраля 2013 г. по делу № 2-22/2013 г. // Верховный суд Республики Татарстан. URL: <https://vs.tat.sudrf.ru> (дата обращения: 25.01.2025).

в которых предусмотрена в отдельных статьях Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Однако несовершеннолетние в возрасте до шестнадцати лет не являются субъектами преступлений, предусмотренных ст. 205.4, 205.5, 208, 209, 210, 282.1 и 282.2 УК РФ, поэтому за их вовлечение в деятельность преступных групп уголовная ответственность не предусмотрена. Кроме того, к участию в преступных сообществах и бандах привлекаются в том числе малолетние (лица, не достигшие возраста четырнадцати лет), в сознании которых формируется искаженное представление о криминальной субкультуре как о нормальной форме человеческой жизнедеятельности, обеспечивающей кажущееся социальное благополучие, относительную финансовую независимость и мнимую защищенность от возможного уголовно-правового преследования.

УК РФ содержит норму об ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ), однако ее применение невозможно в случаях, когда несовершеннолетний, хотя и участвует в деятельности соответствующих преступных групп, но в силу возраста или иных обстоятельств не может быть субъектом совершения преступления даже в форме участия в таких группах. При этом само участие может выражаться в разовых поручениях, которые даже не связаны непосредственно с преступной деятельностью конкретной преступной группы (например, члены банды, которая совершает разбойные нападения, предлагают совершить несовершеннолетнему мелкое хищение, хулиганство, чтобы доказать свою преданность «воровским» идеалам). Иными словами, характер и степень вовлеченности несовершеннолетнего в преступную группу незначительный, но криминальное воздействие на него происходит существенное. Кроме того, понятие «преступная группа» не позволяет четко определить, речь идет о форме соучастия в уголовно-правовом смысле или о любой групповой преступной деятельности, даже не предусмотренной уголовным законодательством.

Федеральным законом от 28 декабря 2024 г. № 514-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в указанную статью были внесены изменения. Статья дополнена ч. 4: «Деяние... связанное с вовлечением несовершеннолетнего: а) в преступную группу; б) в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления; в) в совершение трех и более преступлений небольшой и (или) средней тяжести; г) в совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы». Но законодатель не восполнил все пробелы. Для совершенствования правового регулирования в сфере противодействия молодежным криминальным субкультурам предлагаем внести изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия вовлечения молодежи в криминальную субкультуру. Дополнить ч. 4 ст. 150 УК РФ: после слов «...связанные с вовлечением несовершеннолетнего...» следующими словами: «...а) в деятельность устойчивой вооруженной группы (банды), преступного сообщества (преступной организации), экстремистского сообщества, экстремистской организации, террористического сообщества, террористической организации...».

В Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» необходимо внести изменения в части установления дополнительных механизмов противодействия вовлечению несовершеннолетних в криминальную субкультуру. Дополнить абз. 9 ст. 1 данного Закона после слов «...в социально опасном положении...» словами: «приобщение к криминальной суб-

культуре – это систематическая деятельность, направленная на вовлечение несовершеннолетних в преступные группировки общеуголовной и экстремистской направленности».

Предлагаем внести изменения в приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» в части установления дополнительных механизмов противодействия вовлечению несовершеннолетних в криминальную субкультуру. Дополнить п. 2.5 Инструкции о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений, утвержденной приказом МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений», после слов «...и правонарушений несовершеннолетних...» словами: «... а также предупреждение приобщения несовершеннолетних к криминальной субкультуре».

Список источников

1. Аминова В. А. К вопросу о термине «субкультура» // Вестник Московского университета. 2013. № 2. С. 113–118.
2. Галаган Д. Субкультуры молодежи, как поиск смыслов и как вызов общественности // The Scientific Heritage. 2021. № 69. С. 4–5.
3. Ковальчук Е. А. Правовое и организационное обеспечение взаимодействия подразделений полиции с молодежными объединениями в сфере противодействия экстремизму : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 208 с.
4. Ковров В. В., Вакула И. М., Гафиатулина Н. Х. Социокультурная дифференциация российской молодежи: теоретико-методологические основания // Государственное и муниципальное управление. 2023. № 1. С. 240–246.
5. Кочои С. М., Трапаидзе К. З. Нужно ли признавать отягчающим наказание обстоятельством «вовлечение несовершеннолетнего в криминальную субкультуру»? // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 3. С. 93–101.
6. Кузьмин С. И., Малетина Е. А. Классификация субкультурных отношений в криминальном сообществе // Пенитенциарная наука. 2019. № 1. С. 21–28.
7. Маркова Н. С. О влиянии криминальных традиций и обычаев на современную подростковую среду // Право и практика. 2023. № 2. С. 79–83.
8. Милютин Ю. Е. Размышление о вербальном языке молодежной культуры // Введение в культурологию : курс лекций. СПб., 2003. С. 160–166.
9. Педагогическая поэма. Организация колонии молодых правонарушителей имени Горького в 1922–1923 гг. близ Харькова : повесть / под ред. А. С. Макаренко. М. : Гослитиздат, 1935. 508 с.
10. Перепелова Е. А. Значение мер профилактики антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних на административных участках // Академическая мысль. 2023. № 2. С. 120–124.
11. Пирожков В. Ф. Криминальная психология. М. : Ось-89, 2007. 704 с.
12. Пономарев С. Б. Криминальная субкультура глазами этолога // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 8. С. 56–65.
13. Сумачев А. В. К вопросу о молодежном (бытовом) экстремизме // Российско-азиатский правовой журнал. 2019. № 3. С. 65–68.
14. Хисамутдинов Ф. Р., Шалагин А. Е. Криминальная субкультура и ее предупреждение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2(20). С. 46–52.
15. Шафигуллин В. А. Субкультура и контркультура: современные тенденции // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 4. С. 9–12.

References

1. Aminova, V. A. 2013, 'On the issue of the term "subculture"', *Bulletin of the Moscow University*, iss. 2, pp. 113–118.
2. Galagan, D. 2021, 'Subcultures of youth, as a search for meanings and as a challenge to the public', *The Scientific Heritage*, iss. 69, pp. 4–5.
3. Kovalchuk, E. A. 2012, *Legal and organizational support for the interaction of police units with youth associations in the field of countering extremism: PhD thesis (Law)*, Moscow.
4. Kovrov, V. V., Vakula, I. M. & Gafiatulina, N. H. 2023, 'Sociocultural differentiation of Russian youth: theoretical and methodological foundations', *State and municipal administration*, iss. 1, pp. 240–246.
5. Kochoi, S. M. & Trapaidze, K. Z. 2022, 'Is it necessary to recognize as an aggravating circumstance the "involvement of a minor in a criminal subculture"?'', *Actual problems of Russian law*, iss. 3, pp. 93–101.
6. Kuzmin, S. I. & Maletina, E. A. 2019, 'Classification of subcultural relations in the criminal community', *Penitentiary science*, iss. 1, pp. 21–28.
7. Markova, N. S. 2023, 'On the influence of criminal traditions and customs on the modern adolescent environment', *Law and practice*, iss. 2, pp. 79–83.
8. Milyutin, Yu. E. 2003, 'Reflection on the verbal language of youth culture', in *Introduction to cultural studies: course of lectures*, pp. 160–166, St. Petersburg.
9. Makarenko, A. S. (ed.) 1935, *Pedagogical poem. Organization of the colony of young offenders named after Gorky in 1922–1923 near Kharkov*, Goslitizdat, Moscow.
10. Perepelova, E. A. 2023, 'The importance of measures to prevent antisocial and illegal behavior of minors in administrative areas', *Academic thought*, iss. 2, pp. 120–124.
11. Pirozhkov, V. F. 2007, *Criminal psychology*, Moscow.
12. Ponomarev, S. B. 2023, 'Criminal subculture through the eyes of an ethologist', *Bulletin of the penal system*, iss. 8, pp. 56–65.
13. Sumachev, A. V. 2019, 'On the issue of youth (domestic) extremism', *Russian-Asian Law Journal*, iss. 3, pp. 65–68.
14. Khisamutdinov, F. R. & Shalagin, A. E. 2015, 'Criminal subculture and its prevention', *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 2(20), pp. 46–52.
15. Shafigullin, V. A. 2023, 'Subculture and counterculture: modern trends', *Socio-humanitarian knowledge*, iss. 4, pp. 9–12.

Информация об авторах

Ф. В. Грушин – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник;

Е. А. Раненкова – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии;

О. Г. Демидов – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества.

Information about the authors

F. V. Grushin – Sc.D (Law), Associate Professor, chief researcher;

E. A. Ranenkova – PhD (Law), associate professor of the criminal law and criminology department;

O. G. Demidov – PhD (Law), associate professor of the department of criminal law disciplines and organization of the execution of sentences not related to the isolation of convicts from society.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 27.05.2025; одобрена после рецензирования 14.06.2025; принята к публикации 24.11.2025.

The article was submitted 27.05.2025; approved after reviewing 14.06.2025; accepted for publication 24.11.2025.

Научная статья

УДК 343.241

doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.516-537

ИНТЕГРАТИВНАЯ ТЕОРИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Константин Викторович Корсаков¹

¹ Институт философии и права Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Россия, korsakovekb@yandex.ru

Аннотация. В публикации представлена новая теория уголовного наказания как итог осмысления с опорой на выработанное наукой знание этого важного, сложного и многогранного социально-правового явления. Новая концепция носит название интегративной, так как эта пенологическая модель относится к классу синтетических (смешанных, соединительных, комбинированных, гибридных) теорий уголовного наказания: она объединяет и примиряет абсолютные и относительные доктрины наказания и представляет собой один из вариантов компромиссного сочетания ретрибутивистского и консеквенциалистского подходов к уголовному наказанию. В ней выделено общее основание наказания и охарактеризовано часто выделяемое в пенологической науке так называемое право наказания (*jus puniendi, diritto di punire*). Отмечено, что в текущий период в общественной жизни нет условий, указывающих на возможность отказаться от института уголовного наказания в обозримом будущем. Подчеркивается, что сущность уголовного наказания составляет возмездие, однако, ввиду большого числа интерпретаций данного понятия, указывается, что его следует понимать как должностное соразмерности уголовного наказания преступлению. Показано, что идея возмездия прочно укоренена эволюцией в этических, психологических и ментальных пластах человеческой цивилизации и что ценность идеи воздающей справедливости (соответствия) наказания заключается в том, что она оберегает карательную сферу от размытия границ и лимитов, произвола, злоупотреблений и различного рода излишеств в лишении и ограничении прав наказываемых. Сделан вывод о том, что в рамках устанавливаемых принципом возмездия высшей и низшей границ наказания утилитарные (прагматические) цели генеральной и частной превенции без ущерба для этого принципа не только могут, но и должны преследоваться, раскрывая тем самым весь потенциал института уголовного наказания. Аргументируется, что под изменения ценностных эталонов в сфере определения соответствия уголовного наказания преступлению по мере социально-культурного развития и цивилизационного прогресса государство подстраивает внешние формы и содержание уголовного наказания (изменяет его виды, размер, интенсивность, условия исполнения и пр.), а потому его способы постепенно смягчаются по мере общественного и морального прогресса. Высказана точка зрения относительно давно вызывающего дискуссии и споры сложного вопроса

© Корсаков К. В., 2025

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

об определении меры и низшего и высшего пределов уголовного наказания. Резюмируется, что, придерживаясь и соблюдая принцип соразмерности (соответствия), необходимо стремиться к достижению всего многообразия утилитарных целей уголовного наказания, включая задачи обезвреживания (нейтрализации угрозы), морального (внутреннего, этического) исправления и так называемого юридического (внешнего) исправления преступника, результаты реализации которых образуют в мировой пенологии известную триаду: non potest – non vult – non audeat (не может – не хочет – не смеет).

Ключевые слова: уголовное наказание, пенологические теории, сущность уголовного наказания, цели уголовного наказания, принципы уголовного наказания, предупреждение преступного поведения, возмездие, уголовная репрессия, аксиологические аспекты наказания, оправдание наказания

Для цитирования

Корсаков К. В. Интегративная теория уголовного наказания // Человек: преступление и наказание. 2025. Т. 33(1–4), № 4. С. 516–537. DOI: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.516-537.

Original article

INTEGRATIVE THEORY OF CRIMINAL PUNISHMENT

Konstantin Viktorovich Korsakov¹

¹ Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, korsakovekb@yandex.ru

Abstract. The publication presents a new theory of criminal punishment as a result of a scientific understanding of this important, complex and multifaceted socio-legal phenomenon. The new concept is called integrative, as this penological model belongs to the class of synthetic (mixed, connective, combined, hybrid) theories of criminal punishment.: It unites and reconciles the absolute and relative doctrines of punishment and represents one of the options for a compromise combination of retributionist and consequentialist approaches to criminal punishment. It highlights the general basis of punishment and characterizes the so-called law of punishment (*jus puniendi*, *diritto di punire*), which is often highlighted in penological science. It is noted that in the current period of time in public life there are no conditions indicating the possibility of abandoning the institution of criminal punishment in the foreseeable future. It is emphasized that the essence of criminal punishment is retribution, however, due to the large number of interpretations of this concept, it is indicated that it should be understood as the proportionality of criminal punishment to the crime. It is shown that the idea of retribution is firmly rooted by evolution in the ethical, psychological and mental strata of human civilization and that the value of the idea of justice (conformity) punishment lies in the fact that it protects the punitive sphere from blurring boundaries and limits, arbitrariness, abuse and various kinds of excesses in depriving and restricting the rights of the punished. It is concluded that, within the framework of the higher and lower limits of punishment established by the principle of retribution, the utilitarian (pragmatic) goals of general

and private prevention, without prejudice to this principle, can and should not only be pursued, thereby revealing the full potential of the institution of criminal punishment. It is argued that, as socio-cultural development and civilizational progress progress, the state adjusts the external forms and content of criminal punishment (changes its types, size, intensity, conditions of execution, etc.) to changes in value standards in determining the conformity of criminal punishment with crime, and therefore its methods gradually soften with social and moral progress. A point of view has been expressed regarding the long-debated and controversial complex issue of determining the measure of both the lowest and highest limits of criminal punishment. It is summarized that, adhering to and observing the principle of proportionality (conformity), it is necessary to strive to achieve the full variety of utilitarian goals of criminal punishment, including the tasks of neutralizing (neutralizing the threat), moral (internal, ethical) correction and the so-called legal (external) correction of the criminal, the results of which form a well-known triad in world penology: non- potest – non vult – non audeat (can't – won't – dare).

Keywords: criminal punishment, penological theories, the essence of criminal punishment, the goals of criminal punishment, principles of criminal punishment, prevention of criminal behavior, retribution, criminal repression, axiological aspects of punishment, justification of punishment

For citation

Korsakov, K. V. 2025, 'Integrative theory of criminal punishment', *Man: crime and punishment*, vol. 33(1–4), iss. 4, pp. 516–537, doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.516-537.

В настоящее время в мировой пенологической доктрине продолжают присутствовать тенденции противопоставления традиций ретрибутивизма и консеквенциализма, а равно абсолютных и относительных (утилитарных) подходов к уголовному наказанию. На якобы неустранимые коллизии между этими группами теорий указывалось еще на рубеже XX–XXI веков, в частности, Й. Геймбергер писал: «В этой борьбе мнений лишь только два понятия оказались главным образом жизнеспособными, и оба они стоят в известном друг к другу противоречии. Возмездие и целесообразность – два слова для обозначения обоих направлений...» [1, с. 8]. В условиях активного распространения в современном социуме гносеологического детерминизма и релятивизма подходы и принципы консеквенциализма в пенологии и уголовном праве продолжают сохранять свои позиции, однако в целом, как верно заметили Р. Э. Дафф и Д. Гарленд, «в последние десятилетия XX века произошел отказ от консеквенциалистских идей и возврат к ретрибутивистской идеологии. Тезис о «заслуженном возмездии» вновь обрел популярность и стал главным обоснованием наказания, а самые прогрессивные философы занялись переформулированием ретрибутивистских и иных non-консеквенциалистских теорий» [2, с. 19]. В наши дни одним из наиболее заметных лидеров ретрибутивистского течения в пенологии по-прежнему является шведско-британский ученый-пенолог А. фон Хирш, который доказывает приоритет идеи о том, что все преступления должны наказываться соразмерно их тяжести и опасности, над утилитарно-прагматическими целями исправления и предупреждения новых преступлений.

Начиная с середины XX столетия в науке делаются решительные попытки объединения консеквенциалистских теорий и модели возмездия, одну из них предпринял

известный английский философ и теоретик права Г. Харт [3]. Мы также считаем, что состыковать на компромиссных началах и консенсусно синтезировать абсолютные и относительные концепции уголовного наказания вполне возможно, поэтому нами была разработана теория уголовного наказания, названная интегративной и выступающая примиряющим синтезом, компромиссным сочетанием ретрибутивистского и консеквенциалистского подходов к уголовному наказанию. Предлагаем ознакомиться с данной не претендующей на универсальность и гегемонию концепцией.

Уголовное наказание – это основной принудительный ресурс уголовного права – отрасли публичного права, которая охраняет общество от нарушений установленных в нем поведенческих запретов, защищает правовые блага от посягательств на них. Посредством уголовного наказания социум обеспечивает свое существование (самосохранение), сложившиеся и воспроизводящиеся в нем общественные отношения (социальные связи), а равно права, свободы и законные интересы составляющих его индивидов. Эта неизбежная потребность общества обуславливает социальный характер наказания как явления и институционализирует его, превращает в важнейший и устойчивый социальный институт, призванный охранять как общество в целом, так и существующий в нем законный государственный строй, предупреждать преступные деяния, обеспечивая жизнеспособность социума, поэтому уголовное наказание вполне можно охарактеризовать как одно из средств общественного выживания.

Самозащита общества от посягающих на условия его существования преступлений ведется не беспорядочно и стихийно и не за счет абсолютно любых, произвольно выбираемых приемов, способов и средств, а в упорядоченных формах, задаваемых и наполняемых правом, нравственностью, религией и другими нормативными системами. Одной из таких форм является уголовное наказание. Из общего основания уголовного наказания – необходимости противодействия преступному поведению во имя сохранения общества и установленного в нем социального порядка (общественного уклада) – логичным и естественным образом вытекает принадлежащее государству как суверенной форме публичной власти, хранителю и защитнику общества право наказания (*jus puniendi, diritto di punire*), которое включает в себя правомочия устанавливать уголовные наказания за преступления, налагать и исполнять их (так как термин *jus puniendi* в науке неоднозначен, наполнялся различными смыслами и вопрос о нем решался по-разному: от положительного разрешения в рамках пенологии (И. Я. Фойницкий) и отнесения его исключительно к государствоведению (Э. Я. Немировский) до полного отрицания возможности постановки вопроса о субъективном праве наказания, предшествующем и не вытекающем из объективного права (С. В. Познышев). Подчеркнем, что в данном случае нами ведется речь не столько о появлении такого (близкого в настоящем контексте к одной из функций государства) права в субъективном смысле и его этическом оправдании, сколько о легитимации этой способности политической власти, то есть обретении ей легитимности (признании, подтверждении, принятии и одобрении данной возможности), о том, что позволяет перевести охранительную функцию в плоскость объективного права: этот потенциал легитимирует социальная необходимость). Посредством уголовного наказания государство оберегает и сохраняет условия существования общества и его духовно-материальные формы деятельности, целостность и сохранность которых выступают залогом как общественного прогресса, так и развития отдельного человека как социального существа.

В современной действительности такое право представляет собой исключительное право единственного официального представителя всего общества – выделившегося из общества и управляющего им государства, так как только оно с его механизмом воздействия способно в полной мере обеспечивать сохранность и целостность условий жизнедеятельности социума, поддерживать общественный порядок, включая его важную составляющую – правопорядок, и выступать гарантом безопасности общества. Человеческой истории не известны общества и ассоциации людей, функционировавшие без наказания (даже в общинах, колониях и коммунах утопистов («Новая Гармония» отрицавшего право наказания на существование Р. Оуэна, располагавшиеся в фаланстерах фаланги последователей Ш. Фурье и др.), программно-идеологически и официально отказавшихся от применения наказаний, по факту использовались такие их виды, как порицание и удаление (изгнание) из них нарушителей и несогласных с их правилами).

В текущий период в общественной жизни не имеется условий и предпосылок, указывающих на возможность отказаться от института уголовного наказания в обозримом будущем, как и полной его замены на иную предупредительную систему (модель) (то, что этот момент пока еще далек, косвенно подтверждает законодательный отказ от употребления таких закрепляемых ранее в качестве наказания и имеющих моральную подоплеку средств, как выговор, общественное порицание, внушение и пр., а также отход в большинстве стран мира от использования популярных в XX в. мер социальной защиты (общественной обороны) некарательного плана). Однако это не исключает веру и надежду на наступление когда-нибудь в далеком будущем «царства» этики (морали) или эпохи, которую термидорианцы во Франции называли «эрой милосердия», когда социальные нормы будут исполняться без угроз наказанием либо под угрозой иных, гораздо более мягких и некарательных правоохранительных мер воздействия. Именно общественная необходимость (также нередко описываемая в пенологии как органическая (естественная) социальная потребность, извечная общественная нужда и пр.), связанная в наши дни и с сохраняющейся явной недостаточностью иных мер (духовно-нравственных, воспитательно-педагогических и пр.) для предупреждения преступного поведения, полностью оправдывает существование уголовного наказания (часть ученых (Ж.-Р. Гарро, А. Ф. Кистяковский, Ж. Л. Э. Ортолан, Т. Р. Шютце и др.) считала, что общие основания наказания и право наказывать не нуждаются ни в каком оправдании и доказывании, так как они очевидны, рациональны, обусловлены законами жизни и подтверждены длительным временем существования человечества). Она же по мере эволюционного развития морали сформировала ему прочный моральный фундамент и опосредовала его помещение в ряд нравственных абсолютов – образцов и норм поведения, требующих обязательного использования в общественной жизни: социальная необходимость порождает и дополняется в наказании его нравственной необходимостью – жизненно необходимое для общества переходит в сферу должного, то есть нравственного, получает твердое нравственное оправдание и становится морально необходимым (используя терминологию уголовного права, отметим, что с позиций некоторых современных систем морали уголовное наказание не столько нравственно необходимо, сколько используется обществом в условиях моральной вынужденной крайней необходимости).

Будучи насущно необходимым, соответствующим социальной реальности, биотической действительности и подтверждаемым моральными нормами, наказание воспринимается в обществе как должное, целесообразное, всякий раз заслуженное, справедли-

вое. В связи с этим правильной, по нашему мнению, расстановкой слов во фразе, отражающей эпицентр спора пенологов-абсолютистов и консеквенциалистов (утилитаристов), будет следующая: уголовное наказание не потому необходимо для общества, потому что оно разумно (рационально) и справедливо (морально оправдано), – уголовное наказание потому разумно (рационально) и справедливо (морально оправдано), потому что оно социально необходимо. Между тем в феномене наказания справедливость не находится в каком-то подчиненном положении по отношению к его общественной полезности (целесообразности, рациональности), и она не должна, как это не раз делалось в пенологии, противопоставляться последней либо разобщаться с ней в уголовном наказании. Эти два начала присутствуют одновременно, они не образуют никаких неустраняемых противоречий и коллизий и взаимодополняют друг друга: уголовное наказание может и должно быть совокупно справедливым и целесообразным. Уголовное наказание, вне сомнения, не сводится к некоей расплате за содеянное, преследование практических (утилитарных) целей для него обязательно, но оно должно осуществляться не любой ценой и не за счет любых средств, а в формах и пределах, отвечающих общесоциальным этическим представлениям о справедливости.

Для каждого современного и подчиняющегося требованиям общественной безопасности государства наказание преступников как часть системы предупреждения преступлений и механизма охраны и защиты прав и свобод граждан от нарушений и посягательств является обязанностью, долгом (перед обществом и его членами), что не только соответствует и согласуется с нормами ст. 2, 45 Конституции Российской Федерации, согласно которым защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства, а государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется, но и отвечает общим закономерностям социально-политической жизни: отказ от преследования и наказания преступников со стороны государства грозит как засильем преступности, бесправием, социальной дезорганизацией и хаосом, так и анархией, прекращением существования такого государства, его разложением или заменой другой формой публичной власти. При этом уголовное наказание, безусловно, не является панацеей от преступного поведения, оно не может и не должно быть единственным и универсальным средством противодействия преступности (в этом процессе должен быть задействован весь имеющийся у общества и допускаемый моралью и правом арсенал эффективных и результативных мер от воспитательно-педагогических до инженерно-технических, включая общесоциальные меры, направленные на повышение уровня социально-экономического благополучия).

Уголовное наказание – это самая крайняя, последняя мера (*ultimum remedium*), которая не должна применяться, если другие средства, например, менее строгие юридические меры (административные, дисциплинарные, «полицейские» и т. п.) или меры моральной (нравственной), религиозной, корпоративной и иной социальной ответственности, достаточны и эффективны для предупреждения криминального поведения. Факт установления за какое-либо правонарушение уголовного наказания (пенализация) означает, что представляющая общество государственная власть считает данное нарушение в текущий момент наиболее вредоносным и опасным для общества и для себя.

Сущность уголовного наказания составляет возмездие, но [следуя древнему латинскому выражению *Verba debent intelligi cum effectu ut res magis valeat quam pereat* (слова следует толковать с таким результатом, чтобы они имели действие, а не теряли смысла)] его следует понимать не в абсолютистской пенологической традиции (К. Ф. Т. Хепп,

К. Р. Кестлин и др.) как уничтожение (или, как часто встречается в пенологической литературе, отрицание, ликвидацию, стирание, погашение, заглаживание и пр.) преступления, так как уже совершившееся, произошедшее в прошлом событие уничтожить, стереть, погасить и ликвидировать невозможно (это можно сделать лишь с порожденными им материальными и нематериальными последствиями, причем далеко не всегда и не только путем взыскания и возмещения, но и путем примирения и прощения, которые к уголовному наказанию отношения не имеют); не как месть со стороны государства преступнику (Ю. Варга, Г. Зейферт и др.), так как месть лишена императива соразмерности, равноценности и нередко содержит «карательный коэффициент». К тому же месть основана на гнев, обиде, неприязни либо ненависти к преступнику – человеческих страстях, нередко заглушающих требования этики и справедливости, тогда как возмездие может быть вполне совместимо с проявлениями сострадания и сочувствия виновному, оно не сиюминутно, надситуативно (не относится к классам *ad hoc* и *ad libitum*), ригористично и требует не страдания, а справедливого соответствия в рамках процедур правосудия [примером отличия возмездия от мести и кары может служить библейский сюжет о Симеоне и Леви, которые, решив осуществить возмездие за изнасилование их сестры Дины, нарушили при этом принцип соразмерности и превратили его в безмерную кару и слепую месть, в результате чего их отец Иаков назвал их мечи «орудиями жестокости» и проклял «гнев их, ибо жесток, и ярость их, ибо свирепа» (Книга Бытие, 49.5-7)]; не как искупление преступником вины (очищение) или его расплату (страдание, боль) за содеянное (И. Колер, Ф.В. Ферстер и др.); не как кару (В. К. Дуюнов, А. Е. Наташев и др.), вынужденное (позитивное, социальное) зло (Д. Баттальяни, К. Янка и др.) или же акт необходимого насилия (Ф. Аллфельд, И. И. Карпец и др.); не как удовлетворение (сатисфакция) государством частного и общественного «чувства мстительности» (или выпуск «социального гнева») (Э. Р. Бирлинг, Г. Ламмаш и др.); не как восстановление нарушенного права (так как уголовное наказание – это не гражданско-правовая реституция и оно может только лишить или ограничить какое-либо право самого делинквента за его нарушение и ущемление чужого права, тем самым подтверждая наличие, ценность и юридическую охрану последнего, но не может его восстановить (если под таким восстановлением понимать заглаживание преступного вреда, например, устранение негативных материальных последствий преступления путем возмещения убытков, компенсации ущерба и т. д., то законодатель небезосновательно относит это к сфере гражданского права и процесса, а не уголовного права, а идеальный вред от преступления крайне трудно поддается фиксации и расчету и преимущественно невознаградим), как, например, лишение свободы или смертная казнь не могут восстановить право на жизнь людям, убитым преступниками), а как соотнобразовывающееся с необходимостью утверждения права (поддержания существующего правопорядка и авторитета закона (так как безнаказанно попираемый закон лишается авторитета), чувства уважения к закону) и основывающееся на общечеловеческой морали и базовых, вневременных представлениях о справедливости долженствовании (это слово лучше всего подходит для описания (нежели слова «требование», «кондиция», «императив» и др.), так как оно означает «необходимость чего-либо, вытекающую из нравственного закона» [4, с. 756]) соразмерности (соответствия, эквивалентности) уголовной репрессии ее правовому основанию преступлению. Данная соразмерность определяется с опорой на текущую культурно-историческую, морально-нравственную и социально-политическую оценку качественно-количественных параметров преступного деяния, размера причиненного

вреда, значимости объекта посягательства, формы вины, личностных особенностей субъекта преступления и т. д.

Подчеркнем, что общие требования справедливости к уголовному наказанию не исчерпываются соразмерностью: помимо последней они также предусматривают, что уголовное наказание должно следовать только за преступление и применяться только к виновному в нем. Отметим также, что, так как основанием права наказывать выступает необходимость сохранения (оберегания) общества и установленного в нем правопорядка (а не следование императивам абсолютного духа или абсолютного разума), уголовное наказание при выражении своей возмездной сущности на практике в то же время нацеливается и на исправление преступников для нейтрализации той опасности, которая исходит от них, проявляется в их поведении и угрожает обществу (эта нейтрализация тоже является атрибутом и элементом защиты социума).

Возмездная сущность наказания не предполагает и не требует, чтобы содержание (свойства) конкретного наказания было сходно с содержанием (свойствами) совершенного преступления (стремление обеспечить такое соответствие приводило в ранние эпохи к сожжению имущества либо сжиганию заживо самих поджигателей, а в более поздние – к наложению на них наказания в виде общественных (обязательных, бесплатных) работ по тушению пожаров или же охране чужого ценного имущества). Так, лишение свободы как ценностный карательный эквивалент может применяться за насильственные преступления и за корыстные, за умышленные преступления и за совершенные по неосторожности и т. д. Возмездная сущность наказания не предполагает и не требует, чтобы абсолютно за каждое, без исключений, преступление следовало наказание, уголовное наказание может не применяться в связи с условным осуждением, истечением сроков давности, помилованием или амнистией как проявлениями милосердия и гуманизма со стороны органов государственной власти и т. д.

Именно принцип возмездия отличает наказание от мести и расправы, наделяет наказание должной соответствующей содеянному мерой и препятствует ее произвольному определению (вне соотношения с параметрами преступления) либо отказу от всякой меры, именно он задает рамки, лимиты уголовного наказания, его нижний и верхний пределы (минимум и максимум), нарушение которых повлечет за собой несправедливость (приведет к карательной недооценке (снисхождению, поблажке, потачке и пр.) либо карательной переоценке (чрезмерной репрессии, расправе, мести и пр.) на весах правосудия). При этом важно, чтобы не только общество и потерпевшие, но и сам преступник внутренне осознавал справедливость карательной меры (это имеет большое значение для его исправления, в особенности нравственного (внутреннего), признаком которого является раскаяние и порицание наказанным совершенного им злодеяния). Не секрет, что большинство преступников внешне выражает мнение, что их наказали несправедливо, строже и суровее, чем следует, однако внутри они четко и в полной мере сознают и также с позиций социального большинства оценивают справедливость наказания (так, перед ликом смерти распятый библейский разбойник раскаялся и сказал другому, что они оба «осуждены справедливо, потому что достойное по делам приняли» (Евангелие от Луки, 23.41), в отличие от Иисуса Христа, который ничего плохого не сделал).

Обозначенная выше сущность имеет не только практическую, но и субъективную интеллектуально-чувственную основу. Так, эволюционно развившийся из психологических и социальных условий жизни человеческий «внутренний голос» – совесть (именно ее затрагивают и вызывают тем самым чувства раздражения и протеста как не возна-

гражданное по справедливости благое дело (честный труд, большая заслуга и пр.), так и оставшееся без возмездия злое, преступное деяние) и человеческий рассудок (в нем на уровне общих начал и категорий также запечатлено рациональное стремление по-добающе воздавать и благодарить за добро и соответствующе отвечать, отрицательно реагировать на зло) указывают, что несоразмерное преступлению уголовное наказание несправедливо. Однако речь в данном случае ведется не о выводящейся из сверхопытных составляющих разума и каких-либо априорных этических начал абсолютной (высшей, космической, трансцендентной, метафизической и пр.) справедливости, отражение сути и преследование которой, думается, под силу лишь Абсолюту (Богу, якобинскому Верховному Существованию (*l'Être suprême*), живой мировой душе (абсолютному духу), разумной природе, единой самотворящей мыслящей субстанции и т. д.), а не человечеству, пенитенциарной практике и возможностям современного общества, а о посясторонней, имеющей эмпирическое начало и имманентной духовно-нравственному существованию и этическому сознанию человека справедливости.

Мы считаем, что справедливость как базовая категория морального сознания имеет социальную и эволюционную природу, как и нравственность в целом: ее социальные корни и общественная сущность были убедительно доказаны в фундаментальных исследованиях О. Г. Дробницкого и академика РАН А. А. Гусейнова. Нравственные идеи и представления о справедливости постепенно сформировались по мере развития и усложнения социальных отношений (их степень должна была быть довольно существенной, так как сообщества горилл и других высших приматов обладают сложно организованной социальной структурой, однако в них нет институтов и явлений морали, нравственности, справедливости, совести и стыда [который также не врожден и априорен, а появился и развился у людей эволюционным путем – в его основе лежал страх несоответствия общественным нормам и социального отвержения (избегания, изгнания)], хотя некоторые исследователи утверждают, что чувство справедливости либо его зачатки, слабые проявления свойственны обыкновенным шимпанзе (*pan troglodytes*), без которых они бы не зародились.

Общественный образ жизни и социальность по мере эволюции естественным путем привели человека к ограничению своего эгоизма, к учету интересов других людей, к сопереживанию, к общению с окружающими на началах взаимности и по определенным общим и взаимовыгодным стандартам и нормативам. Ограничение человеческого эгоизма и вседозволенности стало почвой для появления справедливости как понятия о должном. Главное социальное качество и назначение справедливости как добродетели заключается именно в ограничении эгоизма: она позволяет ограничить каждого человека ради других людей, так как они ограничиваются ради него. Постепенно нравственные воззрения и моральные идеи превратились в неизменные ориентиры, критерии и стандарты человеческого поведения.

Именно возникшие и укоренившиеся в сознании людей в процессе эволюции нравственные представления о справедливости сравнительно рано укротили и лимитировали месть, возвели ее в определенные рамки и подчинили определенным правилам, одним из которых было правило талиона – грубое, примитивное, но доступное и понятное каждому человеку выражение карательной справедливости. Запечатленная в талионе идея равенства обуздывает порождаемые преступлением у потерпевшей стороны и у общественности страсти, эмоции и чувства возмущения, гнева, обиды, мщения и удерживает карательную энергию общества в известных всем пределах, тем самым

защищая преступника как от произвола и субъективизма в определении наказания, так и от использования карательного мультипликатора или же коэффициента устрашения [примечательно, что, когда советские военнослужащие и юристы спрашивали американских, зачем была осуществлена унесшая сотни тысяч жизней мирных жителей Японии ядерная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки, в которой не было никакой практической необходимости и которая не была актом справедливого возмездия (воздающей справедливости), а была по сути безнравственным и бесчеловечным деянием, те прямо объяснили ее применением «коэффициента устрашения» (с запланированным эффектом, рассчитанным как на Японию, так и, как выяснилось, на СССР)].

Согласно данным антропологов, справедливость играла важную роль в естественном отборе как основном факторе эволюции: сообщества архаических людей (первобытные общины и племена), у которых она сформировалась и была развита в большей степени и которые более строго придерживались первых представлений о ней, получали преимущества в выживании, подтверждая тем самым закон естественного отбора, согласно которому в процессе эволюции выживает не наиболее сильный, а наиболее приспособленный. Советские ученые из Института биологии развития АН СССР и Института общей генетики АН СССР (Н. П. Дубинин, В. П. Эфроимсон и др.) пришли к выводам о том, что стремление к справедливости в процессе социального и биологического развития человека перешло не только на бессознательный уровень (человеческий мозг бессознательно формирует интуитивные образы справедливости уже в условиях потенциальных конфликтов; даже не обладающие развитым сознанием дети дошкольного возраста ощущают нарушения справедливости), но и на генетический уровень [5], а современные нейробиологи обнаружили и описали ряд связанных с эмоциональной сферой человека участков мозга, которые отвечают за чувство справедливости [6, с. 1092–1095]. Без этой эмпирической основы, однако будучи полностью уверенным в своих словах, Ф. Р. К. фон Биркмайер 22 февраля 1901 г. на собрании Мюнхенской юридической ассоциации сказал: «Но это неистребимое убеждение в том, что преступник должен быть наказан и что только возмездие справедливо, имеет свое глубочайшее основание в самой природе человека. В нашей чувственной природе одним из самых элементарных и мощных побуждений является стремление к возмездию...» [7, с. 73].

Из самой связанной с психологически обусловленным стремлением к справедливости возмездной сущности наказания вытекает такая цель уголовного наказания (так как восприятие обществом актов возмездия порождает именно такой результат в виде социально-психологической реакции, отклика), как ликвидация (снятие) общественного возмущения (также часто определяемого в психологической литературе как недовольство, негодование, неодобрение, раздражение, осуждение, отвращение и пр.) преступлением, которая в XIX в. кратко обозначалась как удовлетворение народного (общественного) чувства справедливости, включая и таковое у потерпевшей стороны, а в настоящее время интерпретируется как восстановление социальной справедливости (попытка представить его как некое коллективное (социальное) чувство мести беспочвенны, так как эта основанная на всеобщих моральных представлениях о должном и недожном, о добре и зле, на социальных чувствах справедливости, сопричастности, гражданственности, общественном правовом сознании и человеческой солидарности (суть которых удачно выражена в проповеди английского поэта и священника XVII в. Д. Донна: «Нет человека, который был бы как остров, сам по себе, каждый человек есть часть материка, часть суши; и если волной снесет в море береговой утес, меньше ста-

нет Европа, и так же, если смоем край мыса или разрушит замок твой или друга твоего; смерть каждого человека умалывает и меня, ибо я един со всем человечеством, а потому не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по тебе») реакция несводима и весьма далека от некоей потребности в мести либо чувства мстительности). В этом также проявляется важное практическое значение принципа воздающей справедливости, имеющего под собой твердые и формировавшиеся веками психологические основания. Немаловажно то, что составной частью этого коллективного отрицательного чувства являются и порожденные преступным актом негативные эмоции и переживания потерпевшей стороны как частицы общества, которые также подлежат нейтрализации (в настоящее время отдельная цель удовлетворения потерпевшего в большинстве государств перед уголовным наказанием небезосновательно не ставится, однако этот факт время от времени учащает в научной среде упреки в том, что современное уголовное законодательство самое большое внимание уделяет преступнику, тогда как фигуре потерпевшего им внимания уделяется мало и недостаточно). Причем подлежащее снятию посредством акта возмездия и основанное на задетых духовно-нравственных и социально-этических чувствах общественное недовольство порождает и поддерживает не только само совершенное преступление, но и отсутствие должного и соответствующего ему наказания, безнаказанность или необоснованные и несправедливые индульгенции. Необходимость достижения такого социально-психологического результата, связываясь с задачами и интересами государства по охране общества и самого себя от преступлений, подчеркивает и оттеняет обязанность государства наказывать, удовлетворяя тем самым ожидания и чаяния общества.

Однако цель морально-нравственного и психологического удовлетворения, конечно же, не единственная, а уголовное наказание не может быть самоцельным или бесцельным, то есть не иметь никаких практических целей (как считали некоторые разработчики абсолютных теорий, включая тех, которые называли описанную выше цель не целью, а приводящим моментом, внешним (сопутствующим, побочным) эффектом, эпифеноменом или модусом (случайным свойством) уголовного наказания). Р. фон Иерингу удалось убедительно показать, что цель есть «творец всякого права» и не существует такого правового института, который был бы не связан своим происхождением с какой-либо целью [8]. Основные утилитарные цели уголовного наказания – генеральная и частная превенция (они, по нашему мнению, достигаются не столько законодательным установлением адекватной (соответствующей всем параметрам того или иного преступления) угрозы наказания и ее корректировкой с учетом постоянной социальной динамики, сколько упорным и непрерывным обеспечением и практическим подтверждением идеи неизбежности (неотвратимости) наказания, которым в большой степени потворствует научно-технический прогресс – развитие и появление новых возможностей в криминалистике (экспертиза ДНК и др.) и оперативно-розыскной деятельности, дополняемые не выделяемым, как правило, в законе обезвреживанием [лишение преступника объективной возможности совершать преступления (например, посредством строгой изоляции)] и самой трудной в плане реализации целью – исправлением (в советском уголовном законодательстве также выделялась цель перевоспитания, а в мировой доктрине – коррекции (поведения, мышления) и приспособления к условиям социальной жизни) преступников, распадающимся на наиболее сложное в части достижения нравственное (глубокое, внутреннее) исправление, изменение мировоззрения, жизненных ценностей и идеалов, моральное преобразование и юридическое (граждан-

ское, внешнее) исправление, предполагающее только правопослушание, правоподчиненность, формальное соблюдение требований и условий общежития.

Возмездная сущность наказания не исключает учета личности виновного при определении меры наказания (если это не нарушает границ соответствия), включая и такую ее позитивистскую (детерминистскую) характеристику, как «общественная опасность». Однако следует подчеркнуть, что об общественной опасности личности можно судить лишь по ее деяниям и по их общественной опасности и неоднократности (рецидиву): человека объективно и верно характеризуют лишь его дела, каждая личность проявляет себя в поведении, в поступках (преступные мысли, желания и намерения в современном праве оправданно ненаказуемы) без таковых, нарушающих закон, о ее общественной опасности можно лишь догадываться, безошибочно предполагать, что не может быть отнесено к ориентирам и основаниям ни в сфере карательной деятельности, ни в сфере права в целом. В XVIII–XIX вв. некоторые немецкие ученые-криминологи (Г. А. К. Клейншрод, К. Г. Конопак и др.) предлагали к людям, не признанным виновными в совершении конкретных преступлений, однако находящимся под подозрением, неблагонадежным, «с дурной репутацией» применять не уголовные наказания, а профилактические меры безопасности [суть которых в целом не отличалась от некоторых форм наказания и мер пресечения (например, залога)], что на практике оборачивается все тем же юридическим произволом, попранием принципа *praesumptio innocentiae* и несправедливостью.

От таких не основывающихся на виновности «мер безопасности» следует отличать меры безопасности, согласующиеся с основанием уголовной ответственности. Этот институт во многом благодаря Ю. С. Макаревичу, называвшему основанием уголовной репрессии вину и общественную опасность деяния, впервые был закреплен в УК Польши 1932 г. (Кодексе Макаревича). Данные меры безопасности применяются в настоящее время в ряде европейских стран: в частности, в Норвегии используется сдерживание, продление срока лишения свободы на пять лет осужденным, сохраняющим общественную опасность (количество таких продлений не ограничивается, и, так как максимальный срок лишения свободы в Норвегии по Общегражданскому уголовному кодексу составляет 21 год (пожизненное лишение свободы предусмотрено только в Военном уголовном кодексе), оно с большой долей вероятности будет применяться к неонацисту А. Б. Брейвику, убившему в ходе террористических актов 77 человек). К мерам безопасности, известным действующему российскому уголовному законодательству, некоторые ученые относят не являющиеся разновидностью уголовного наказания принудительные меры медицинского характера, которые назначаются лицам, представляющим опасность для общества, даже при отсутствии вины ввиду их невменяемости.

Виды и размеры наказания в санкциях статей уголовного закона устанавливаются исходя из объективных и субъективных элементов конкретного преступления, степени и характера общественной опасности того или иного криминального акта (важности охраняемого законом блага и т. д.), которое при его совершении либо покушении на него обнаруживает, выказывает и «объективирует» такую несводимую к виновности категорию, как «общественная опасность личности» (*temibilità* в терминологии Р. Гарофало) учинившего его (только преступное деяние (включая неоконченное), а не чьи-либо наблюдения, предположения и диагнозы, может доподлинно сделать личность опасной для общества), и исключительно по этим параметрам можно ее постулировать, взвешивать и оценивать уровень «нравственно-правового падения» личности, иное грозит

субъективизмом, произволом, чрезмерно широким диапазоном усмотрения, нарушением прав человека и этических норм в уголовно-правовой и пенитенциарной сферах, как, заметим, и предложения определять меру уголовного наказания по выраженности в человеке криминальных наклонностей (криминальной установки), интенсивности и силе преступной (злой) воли, степени преступного (опасного) состояния и т. п. (их формулировали представители социологического и антропологического направлений в позитивизме, настаивающие на том, чтобы решающее значение при определении вида и размера уголовного наказания имели мировоззренческая позиция виновного, его правосознание, личное отношение к закону и правопорядку, репутация, наличие или отсутствие рецидива и ожидаемое от него поведение в будущем).

Индивидуализация наказания исходя из личностных особенностей преступника, а равно достижение целей исправления и специальной превенции вполне возможны и допустимы в рамках низшего и высшего лимитов уголовного наказания – значений, задающихся идеей соразмерности (соответствия), то есть при соблюдении последних (примером этому из сферы действующего права служит назначение наказания преступникам-рецидивистам: оно является более строгим, однако не выходит за пределы, предусмотренные законодателем). Заметим, что в части индивидуализации наказания отечественный законодатель закрепил исключительную норму, позволяющую назначить наказание даже ниже низшего предела при наличии «исключительных обстоятельств, связанных с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления, и других обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления» (в уголовном праве Франции такой законодательный подход возник еще в период реформы 1832 г.). Однако это исключение не попирает возмездную сущность наказания, не нарушает принцип соразмерности и идею справедливости, так как необходимым условием его применения является не просто наличие каких-либо исключительных обстоятельств, связанных с личностью виновного (его целями, мотивами, поведением и пр.), а наличие обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления, снижение таковой, согласно той же идее соразмерности (соответствия) и принципу воздающей справедливости, должно повлечь за собой снижение объема наказания, так как он в каждом случае должен соизмеряться и приводиться в соответствие с общественной опасностью конкретного преступления, поэтому нижний предел наказания в данном исключительном случае по ретрибутивистской логике и схеме возмездия (исключающей понимание высшего и низшего пределов как некоего прокрустова ложа) должен быть сдвинут еще ниже.

Последний пример с исключительными обстоятельствами интересен еще и тем, что он демонстрирует возможность реализации цели специального предупреждения (частной превенции) путем индивидуализации наказания без ущерба не только принципу справедливости, но и преследованию цели общего предупреждения (генеральной превенции), так как снижение предела наказания не препятствует предупреждению совершения преступлений гражданами, не имеющими опыта преступного поведения. Суть цели генеральной превенции заключается не в устрашении населения за счет строгости уголовного наказания, а в воздействии на сознание людей путем формирования в нем неразрывной ассоциативной связи между преступлением и наказанием за него – стойкого убеждения в том, что любое преступление будет рано или поздно должным образом, справедливо наказано и поэтому от преступного поведения следует непре-

менно воздерживаться. Данное внутреннее убеждение играет очень важную роль, так как влияет на восприятие человеком действительности, а также предопределяет выбор и направляет его поведение в конкретных ситуациях.

Принцип дифференциации и индивидуализации наказания без нарушения принципа справедливости (равновозмездности) реализуется не только при назначении наказания в рамках его низшего и высшего пределов, но и при установлении последних: например, российское уголовное законодательство не предусматривает пожизненное лишение свободы для женщин, а также закрепляет, что срок лишения свободы для несовершеннолетних не может превышать десять лет. Главное то, что без выхода за указанные пределы (в их демаркационном диапазоне) и без нарушения за счет этого принципа воздающей справедливости может не только соблюдаться важный принцип индивидуализации уголовного наказания (преследующийся как при его назначении, так и при его исполнении в русле платоновского «не всем одно и то же, а каждому свое, ибо для неравных равное стало бы неравным»), но и преследоваться выведенные и защищаемые пенологами-утилитаристами (но только правомерные и допускаемые моралью) прагматические задачи, вытекающие из основной цели противодействия преступности, – общего и специального предупреждения, в том числе и сложная задача нравственного (внутреннего) исправления осужденных.

Подчеркнем, что в рамках устанавливаемых возмездным принципом высшей и низшей границ утилитарные цели без ущерба для первого не только могут, но и должны преследоваться, раскрывая тем самым весь потенциал уголовного наказания. В этих же рамках может эффективно применяться и институт условно-досрочного освобождения, играющий существенную роль в исправлении осужденных и формировании у них привычки дисциплинированного и законопослушного поведения (установленные российским законодателем в ч. 3–5 ст. 79 УК РФ сроки, только после фактического отбытия которых судом может быть применено условно-досрочное освобождение, призваны обеспечить соблюдение принципа справедливости).

Предложенный нами подход снимает противоречие, которое некоторые исследователи усматривают в ч. 2 ст. 43 УК РФ, закрепляющей, что «наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений», и постулируют невозможность достижения всех этих целей при сохранении возмездной сущности уголовной репрессии. Утилитарные цели наказания достигаются прежде всего не за счет изменения (которое, конечно, в ряде случаев может быть условием их достижения либо обстоятельством, способствующим этому) размера уголовного наказания, а за счет правильного выбора и изменения его содержания и способа исполнения, то есть его конкретного вида, характера, места, обстоятельств и условий отбывания и др. Например, преследуя цель исправления и частной превенции в отношении состоятельного преступника и ориентируясь на сказанные еще Г. Гроцием слова о том, что «денежная пеня, тягостная для бедного, ничего не значит для богатого» [9, с. 554], разумно заменить материальную (денежную) санкцию на наказание личного характера либо скомбинировать эти два вида, сохранив при этом требуемое справедливостью соответствие наказания тяжести им содеянного. Возможность достижения прагматических целей уголовного наказания за счет изменений качественных характеристик последнего связана с тем, что хотя принцип возмездия простирается не только на количественную, но и на качественную сторону наказания (формируя диапазон соответствия в каждой из

них), он не требует применения за определенные преступления строго определенных видов наказания (если в кантовской и гегелевской теориях возмездия убийство человека безапелляционно требовало исключительно высшей меры наказания – смертной казни, то наше понимание возмездной сущности наказания допускает в этом случае соблюдение принципа воздающей справедливости применением лишения свободы, включая пожизненное за квалифицированные виды убийства).

Идея возмездия очень прочно укоренена эволюцией в этических, психологических и ментальных пластах человеческой цивилизации, о чем свидетельствует исторический опыт: человечество и сегодня не может отступить от нее в сфере уголовного наказания при всем желании и настойчивых требованиях отдельных пассионариев и социальных демиургов; не только самые смелые и дерзкие попытки консеквенциалистов и иных ее противников и отрицателей низложить ее на практике, отринуть и отойти от нее в реальной жизни, но и скромные aberrации и отступления оборачивались болезненными для социума провалами, острыми проблемами, разочарованиями и крахом, а сами реформаторы и экспериментаторы чаще всего быстро отправлялись в отставку, подвергались люстрации, гонениям, гневным упрекам и обвинениям (включая развивающие известный афоризм английского литератора С. Джонсона «благими намерениями вымощена дорога в ад») и пр. Более века назад антигегельянец Г. Еллинек и его сторонники называли ее «спекулятивным вымыслом», «софизмом», «варварством», «архаикой», «мифологемой», а В. С. Соловьев – «поразительной диковинкой в богатой кунсткамере человеческих заблуждений», однако она до сих пор является повсеместными стержнем и опорой уголовной репрессии, подтверждая как сделанное Й. Наглером во времена Г. Еллинека пророчество о том, что, «пока не изменится природа человека, мы будем применять уголовное право, основанное на возмездии (*Vergeltungsstrafrecht*)» [10, с. 152], так и слова философа и идеолога либертарианства М. Ротбарда: «Возмездие остается нашей единственной справедливой и жизнеспособной теорией наказания и равное наказание за тождественные преступления является фундаментом такого возмездного наказания. «Варварское» оказывается справедливым, в то время как «современное» и «гуманное» оказываются гротескными пародиями на правосудие» [11, с. 96].

Так как идея справедливости (соответствия) оберегает карательную сферу от размывания границ и лимитов, произвола, злоупотреблений и различного рода излишеств в лишении и ограничении прав наказываемых (по сути идея справедливости и принцип возмездия предотвращают перерождение наказания в преступление-метаморфозу, которую можно наблюдать в истории права в периоды их поспрапия и отвержения, когда не только деспоты, тираны и их палачи, экзекуторы и каратели, но и различного рода «экспериментаторы», «опытники», «архитекторы и конструкторы реформ уголовного наказания» сами обоснованно объявлялись преступниками и подлежали законному преследованию), можно заключить [вопреки сторонникам доктрин полезности, противопоставляющих принцип общественной пользы принципу справедливости либо утверждающим, что только польза делает наказание справедливым (должным, социально и нравственно оправданным)], что классическое уголовное наказание полезно для общества уже потому, что оно справедливо [что к нему бескомпромиссно предъявляется такое требование, что оно всегда и без исключений должно быть справедливым (соразмерным, соответствующим)], и что наказание ценно уже тем, что выражает собой стремление к справедливости как идеалу, абсолюту и высшей общечеловеческой ценности (конечно, в ходе этого бесконечного стремления возможны отдельные недочеты, ошибки и

недоработки, так как феномен преступности многолик, чрезвычайно разнообразен и динамичен, однако это не отрицает идею воздающей справедливости и возможность соразмерять наказание с преступлением). В то же время такой объем полезности для уголовного наказания недостаточен, если наказание закреплено в законе и назначается за преступления справедливо, но на практике не приводит к таким ожидаемым от него государством и обществом результатам, как предупреждение совершения новых преступлений и исправление преступников, оно теряет целесообразность и становится в профилактическом отношении почти что бесполезным, так как не защищает общество от криминальной угрозы, не сводит ее к социально приемлемому минимуму.

Не отрицая историческую динамику морально-нравственных ценностей, их естественную изменчивость, заметим, что представления о справедливости как соответствии поступка и воздаяния за него отличают вневременной, неизблемый характер, они не меняются тысячелетиями (даже на самых ранних ступенях развития – во времена архайки (дикости, варварства) человеческий коллектив не позволил бы никому убивать, калечить или изгонять других за что-либо, не представляющее для его членов серьезной опасности, – обратное означало бы для него пагубную аномию, самоуничтожение и неуклонно привело бы к исчезновению такой социальной единицы: не безмерное деструктивное насилие и иллюзорное гоббсовское *bellum omnium contra omnes*, а распределение ресурсов, сплоченность, сотрудничество и взаимное содействие помогали людям выживать и развиваться; средневековая практика сжигания ведьм и колдунов, которую критики идеи справедливости часто упоминают как пример «мракобесия и нелепых заблуждений, выдаваемых за справедливость», также не нарушала принцип соответствия: в ту пору она считалась необходимой и справедливой, так как основывалась на искреннем убеждении и непритворной вере в то, что казнимые действительно способны вызвать эпидемии (мор), неурожай, падеж скота и т. д., то есть крайне опасные для общества бедствия, а потому наказание соответствовало этой опасности), от исторической эпохи зависит не само соответствие, а лишь эталоны данного соответствия (например, в древнюю эпоху представления о справедливости требовали буквально (симметричного) соответствия по принципу талиона, а в современную нам мерилом (эталоном) соответствия является срок изоляции от общества, размер штрафа и т. д.).

Под изменения этих ценностных эталонов по мере социально-культурного развития общества государство подстраивает содержание уголовного наказания (меняет его виды (их принцип возмездия не предопределяет и не консервирует) и их интенсивность, условия исполнения и пр., причем в текущий период они все больше выбираются и варьируются в зависимости от индивидуальных особенностей наказываемых), а потому его формы и способы постепенно смягчаются по мере общественного и морального прогресса. В настоящее время параметры меры уголовного наказания и эталоны для его соотнесения с преступлением не абсолютны, а принцип воздающей справедливости удовлетворяется не стремлением к тождеству и буквальной симметрии наказания и преступления (как при следовании закону талиона), а их эквивалентным, пропорционально-ценностным соотношением, адекватностью наказания его основанию – криминальному акту – в рамках его низшего и высшего пределов, устанавливаемых исходя из современных нравственных, культурных и общественно-политических представлений и взглядов на характер и степень общественной опасности тех или иных преступных деяний.

Примечателен тот факт, что, критикуя гегелевскую традицию и ретрибутивизм в целом за невозможность (которую постулировали правоведы К. Биндинг, Б. Н. Чичерин,

Ф. Эткер и др.) указания четких, устойчивых, универсальных критериев (формулы, шаблона) определения меры наказания, его отвечающих императиву воздающей справедливости минимума и максимума, утилитаризм, подчиняя уголовное наказание принципу пользы, сам не предлагает никаких таких четких и строго определенных критериев и стандартов, кроме того, что они должны задаваться трудноуловимыми «пределами достижения полезных целей» и «достаточностью» [как и позитивизм в криминологии не смог дать четких критериев установления, градации и оценки внутренней «общественной опасности» личности, потому как при оценке проявлений преступного установить и взвесить их внутренние (субъективные) моменты (тем более предполагаемые) гораздо сложнее, чем внешние (объективные)], оказываясь в данном вопросе на ниве все той же неопределенности и относительности, которая привела к использованию отвергнутой пенитенциарной практики модели неопределенных приговоров (один из сторонников этой системы – немецкий психиатр Э. Крепелин утверждал, что суд вообще не должен заранее устанавливать какой-либо размер наказания, а общество должно самоограждаться от преступников, пока они для него опасны).

Производимая пенологами-утилитаристами замена справедливости по причине ее трудноуловимости на достаточность не решает проблему, а лишь усугубляет ее, так как достаточность точно такая же трудноуловимая категория: никто не может четко и определенно сказать, будет ли достаточным то или иное уголовное наказание или нет. Это подтверждает не только пенологическая наука, но и многовековой пенитенциарный опыт наличия большого числа рецидивных преступлений во все времена применения уголовных наказаний и их всевозможных моделей (устрашения, предостережения (удержания), покаяния, коррекции, некарательной терапии и др.).

Последствия замены принципа возмездного равенства на утилитарный принцип пользы и подчинение карательной деятельности одной лишь цели превенции можно проиллюстрировать следующим простым примером: один коррупционер украл из бюджета 10 тыс., другой – 10 млн (установленная в законе угроза достаточного наказания ни того, ни другого не остановила), цель утилитаристов, отрицающих идею возмездия (равенства) наказания, чтобы ни тот, ни другой более не совершали преступлений, а так как они совершили свои деяния с одинаковыми установками, мотивами, целями, способами и прочими обстоятельствами (просто одному удалось украсть больше, а другому в силу каких-то объективных причин меньше (если бы этих причин не было, он украл бы больше, те же 10 млн), то они вполне могут быть наказаны абсолютно одинаково и подвергнуться идентичному достаточному для достижения исправления и цели частной превенции принудительному воздействию, ведь требование равенства преступления и наказания, как считал С. В. Познышев, – неосуществимая, безнравственная и ложная фикция, лишенная всяких оснований и не имеющая под собой почвы [12, с. 58; 13, с. 3–4], главное, чтобы они оба исправились (с минимально возможными затратами на них, тяготами, страданиями и пр.) и никто более не совершал преступных деяний; принцип же воздающей справедливости требует, чтобы укравший 10 млн был наказан значительно строже, чем укравший 10 тыс., только так будет восстановлена социальная справедливость, уголовное наказание не должно исчерпываться одним лишь исправительным воздействием на преступника.

Можно привести и другой пример, показывающий, к чему может привести отказ от принципа возмездного равенства в пользу утилитарного принципа пользы. По данным общемировой уголовной статистики, гораздо большее число людей гибнет в результате

нарушений водителями правил дорожного движения, нежели из-за убийств, квалифицируемых в России по ст. 105 УК РФ. Согласно утилитаристской парадигме (доктрине полезности), так как первый вид криминального поведения гораздо более распространен, вредоносен и опасен для жизни людей, нежели второй вид криминального поведения (среднестатистический человек со значительно большей вероятностью будет лишен жизни по неосторожности водителем-нарушителем, нежели умышленным хладнокровным убийцей), то самые суровые санкции и строгие уголовные наказания в качестве сдерживающих факторов и предупредительных средств должны быть применены в отношении водителей, так как именно от их действий общество терпит наибольший вред, неся внушительные людские потери. Согласно принципу воздающей справедливости такой разрыв с учетом характеристик и компонентов вины и особенностей личности преступника несправедлив и недопустим.

Вторым по частоте и распространенности после релятивистских нападок на справедливость у пенологов-консеквенциалистов является довод о том, что преступление и наказание как разнопорядковые, разнородные феномены являются несоизмеримыми. Однако этот аргумент также не выдерживает критики: во-первых, нельзя не признать правоту Г. В. Ф. Гегеля в том, что преступление и уголовное наказание за него всегда могут быть соизмерены и соотнесены в ценностном отношении, во-вторых, данным соизмерением, установлением и приложением ценностных эквивалентов в области уголовного правосудия юридическая практика занимается еще со времен появления талиона – этой первой, простейшей и примитивной формулы воздающей справедливости и вплоть до настоящего времени (именно поэтому в современных уголовных кодификациях преступления небольшой и средней тяжести влекут за собой соответствующие им мягкие наказания, а тяжкие и особо тяжкие преступления – соответствующие им строгие наказания и т. д.).

По всегда вызывавшему большие сложности, дискуссии и споры вопросу об определении меры и низшего и высшего пределов уголовного наказания (удовлетворяющих идею возмездия и принцип справедливости конкретных минимума и максимума наказания, в диапазоне которых можно преследовать утилитарные цели) мы вслед за Г. В. Ф. Гегелем и его последователями, указывавшими, что в области внешнего мира невозможны никакие абсолютные определения, считаем, что вопрос о мере уголовного наказания и четких критериях соответствия последнего параметрам (тяжести, опасности и пр.) преступления не может быть разрешен теоретически: в нем пенологическая наука может предоставить только некоторые основы, начала и ориентиры.

Определить соотношение между преступлением и наказанием с исключительной точностью невозможно, в этой области может иметь место лишь приблизительный масштаб, который определяется с опорой на текущую, насущную оценку степени и характера общественной опасности того или иного преступления, включая, как известно, характеристики субъекта преступления и его виновности. Отметим, что предпринимались как научные (например, расстрелянным по «Делу лицейстов» инженером-железнодорожником Н. Д. Оранжевым, который предложил математический метод (использованный впоследствии в разработках В. И. Курляндского) соизмерения преступлений и наказаний (прием шкалирования), основанный на придании всем преступлениям значения количественных эквивалентов сообразно имеющимся уголовным санкциям и применении для учета смягчающих и отягчающих обстоятельств специальных коэффициентов [14], К. С. Цахариэ фон Лингенталем, который, в частности, предлагал определять срок ли-

шения свободы временем, необходимым работнику для того, чтобы заработать денежную сумму, равную сумме, в которую переведен причиненный преступлением вред), так и законодательные (например, в проекте Уголовного уложения Пруссии 1851 г. и проектах законов других немецких государств) попытки выработать четкие критерии такого соизмерения, которые оказались нежизнеспособными и не были восприняты ни практикой, ни законодателями.

О том, что определение соотношения между наказанием и преступлением есть истина неабсолютная, интуитивная, условная и приблизительная, помимо представителей гегельянства, не раз писали многие выдающиеся отечественные ученые (Н. А. Беляев, М. И. Ковалев, М. Д. Шаргородский и др.). Добавим, что данное соотношение обуславливается как наличными представлениями и насущными воззрениями: социально-политическими, духовно-религиозными, культурно-правовыми и пр. (именно поэтому в одни исторические эпохи какое-либо определенное преступление наказывалось строже, а в другие мягче, что, однако, не отрицает соблюдения в каждую из этих эпох принципа меры стремления обеспечить соответствие между преступлением и его текущей оценкой, выражающейся в наказании), так и вневременными и общечеловеческими (элементарными, базовыми) нравственными представлениями об обязательности меры, соразмерности, которые содержатся внутри единого цивилизационно-культурного наследия и отражены в индивидуальных моральных убеждениях – совести каждого человека (именно поэтому раскаявшиеся и являющиеся с повинной под гнетом угрызений совести преступники просят наказать их не как попало, а соразмерно тяготящей их вине, рассматриваемой современными специалистами не только как причина душевных мук и страданий, но и как разрушительное для психики чувство, которое провоцирует психосоматические расстройства). При этом нельзя также не учитывать силу исторически сложившихся юридических обыкновений того или иного народа и фактор преемственности с нормами, длительное время существовавшими в уголовном законодательстве, и предшествующей юридической практикой: мера наказания устанавливается в том числе и на основании накопленного тем или иным обществом карательного опыта; традиции, нравы и иные особенности этого общества также оказывают влияние на представления о мере уголовного наказания. В этом отношении убеждены, не следует игнорировать и пренебрегать общественным мнением, оно имеет важное значение для реализации образцов и идеалов справедливости в области уголовного права, играет роль индикатора социальных нужд и потребностей, обнаруживает ценностные приоритеты, интересы и стремления граждан страны и дает представления государству о «социальном заказе», актуальном для общества в области правоохранительной деятельности. По этому поводу в работе «О возмездном характере уголовного наказания» А. Л. Ременсон писал: «...позиция суда должна заключаться в том, чтобы он назначал справедливые наказания, то есть соответствующие морали и правосознанию масс, удовлетворяющие представлениям масс о справедливости... И не бояться общественного мнения, а, наоборот, чутко прислушиваться к нему и правильно его выражать такова задача суда, призванного осуществлять должное возмездие преступникам» [15, с. 92].

Уголовное наказание направлено как в прошлое (стремится справедливо воздать за содеянное и подтвердить тем самым обязательность соблюдения закона, не допустить безнаказанность как существенный криминогенный фактор), так и в будущее (стремится предотвратить возможные, новые и повторные преступления). Преследуя цели общей и частной превенции, наказание в первую очередь направлено на область волевой дея-

тельности людей – как преступника, так и обычных граждан, его задача в этой сфере – сдержать и не допустить проявления криминальных намерений и желаний. В данном случае для неустойчивых (сомневающих, недобропорядочных, предрасположенных к нарушению закона и т. п.) индивидов каждый акт наказания выступает примером того, что преступное поведение опасно и невыгодно для них. В то же время эти акты оказывают воздействие и на законопослушных и высокоморальных людей – укрепляют в них веру в торжество справедливости, ощущение защищенности со стороны государства и чувство безопасности. Эффекты наказания, обозначаемые как общая превенция и специальное предупреждение и рассматриваемые сегодня в качестве его законодательных целей, являются сопричастными возмездной сущности уголовного наказания, они присутствовали в нем на самых ранних этапах применения института наказания. М. Д. Шаргородский, относивший возмездие не к сущности, а к целям наказания, абсолютно верно подметил, что «когда общество, применяя наказание, ставило перед собой цель возмездия или цель возмещения вреда, то эти системы... объективно всегда оказывали и оказывают общее и специальное предупреждающее воздействие, оно было имманентно наказанию уже тогда, когда законодатель еще не отдавал себе отчета в этом его свойстве» [16, с. 16].

Соблюдая принцип соответствия (соразмерности, пропорциональности), следует стремиться к достижению различных утилитарных целей: целей общего и специального предупреждения, часто выделяемой релятивистами в отдельную (нередко – второстепенную) цель удовлетворения интересов потерпевшего (заглаживание, успокоение и удовлетворение его порожденных преступлением эмоций, чувств (ущемленного права, личного достоинства и пр.) и связанных с ними притязаний (но опять же не гневом-мстительного чувства, а колеблющего веру в закон и право чувства нарушенной справедливости, желания ее восстановления, торжества, утоление которого, наоборот, устраняет стремление к личной мести, к самосуду, к самоуправству), подкрепление в нем уверенности в надежной защите его правовых благ уголовным правом, компенсация его потерь и т. д.) и общества (снятие и нейтрализация негативных переживаний и возмущения, порожденных преступлением у общественности путем удовлетворения чувства справедливости, восстановление социальной справедливости в глазах народа). Частная превенция осуществляется путем исключения физической возможности совершить повторное преступления (имеет место при смертной казни, лишении свободы, включая пожизненное, аресте, химической кастрации и пр.), посредством исправления (перевоспитания) и за счет формирования у наказанного внутреннего страха (опасения) вновь подвергнуться наказанию [в психологии результаты этих мер формируют известную триаду: *non potest – non vult – non audeat* (не может – не хочет – не смеет)], а общая – путем четкого и ясного закрепления и непрерывного, наглядного (поэтому в предупредительной деятельности большую роль играют средства массовой информации, так как каждодневно наблюдаемое торжество воздающей справедливости в виде налагаемых на преступников заслуженных наказаний лучше всего закрепляет в массовом сознании представления о недопустимости криминального поведения) обеспечения – не потенциальной и абстрактной, а вполне реальной угрозы наказания (этим достигается не столько цель устрашения, сколько цель общественного воспитания, подчеркиваются, подтверждаются и укрепляются в общественном сознании опасность, недозволенность и недопустимость запрещенных под угрозой уголовного наказания вредоносных деяний), за счет неотвратимости и достаточной суровости наказания.

В заключение отметим, что цель общественной пользы нельзя превращать в какое-либо стремление извлечь посредством уголовного наказания виновного пользу для государства или общества (материальную, экономическую, практическую и пр.). Эта цель заключается в том, чтобы принести пользу в первую очередь самому осужденному как частице социума, исправить его и превратить в добропорядочного гражданина (приговоренные к лишению свободы, как известно, рано или поздно вернутся в общество, и прежде всего от того, как относились к ним в изоляции и подготовили к возвращению в социум, зависит их поведение на свободе и тем самым благополучие и безопасность общества). В этом прежде всего, как мы полагаем, выражается польза обществу.

Список источников

1. Геймбергер Й. Что такое справедливость с точки зрения уголовного права? СПб., 1904. 32 с.
2. Артеменков М. Н. Утилитарная теория наказания и ее роль в формировании современной пенитенциарной системы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 3. Ч. 1. С. 17–20.
3. Hart, H. L. A. 1968, *Punishment and Responsibility: Essays in the Philosophy of Law*, Oxford University Press, Oxford.
4. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935. Т. 1. 1562 с.
5. Эфроимсон В. П. Генетика этики и эстетики. СПб., 1995. 279 с.
6. Hsu, M., Anen, C. & Quartz, S. 2008, 'The Right and the Good: Distributive Justice and Neural Encoding of Equity and Efficiency', *Science*, iss. 320, pp. 1092–1095.
7. Birkmeyer, K. 1901, 'Gedanken zur Bevorstehenden Reform der Deutschen Strafgesetzgebung: vortrag gehalten in der Juristischen Gesellschaft München am Freitag, 22 Februar 1901, von Professor Dr. Birkmeyer in München', *Archiv für Strafrecht und Strafprozess*, pp. 67–100.
8. Иеринг Р. Цель в праве. СПб., 1881. Т. 1. 412 с.
9. Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М., 1994. 868 с.
10. Nagler, J. 1911, *Verbrechensprophylaxe und Strafrecht*, W. Engelmann, Leipzig.
11. Rothbard, M. N. 1998, *The Ethics of Liberty*, New York University Press, New York, London.
12. Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. М., 1912. 653 с.
13. Познышев С. В. Основы пенитенциарной науки. М., 1923. 343 с.
14. Оранжеев Н. Д. Преступление и наказание в математической зависимости: идея и схема ее применения. М., 1916. 69 с.
15. Ременсон А. Л. О возмездном характере уголовного наказания // Доклады по вопросам конкретной экономики и советского права. Томск, 1963. С. 86–93.
16. Шаргородский М. Д. Наказание по уголовному праву : в 2 т. М., 1958. Т. 2. Наказание по советскому уголовному праву. 239 с.

References

1. Heimberger, J. 1904, *What is justice from the point of view of criminal law?* St. Petersburg.

2. Artemenkov, M. N. 2011, 'The utilitarian theory of punishment and its role in the formation of the modern penitentiary system', *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*, iss. 3, part 1, pp. 17–20.
3. Hart, H. L. A. 1968, *Punishment and Responsibility: Essays in the Philosophy of Law*, Oxford University Press, Oxford.
4. Ushakov, D. N. (ed.) 1935, *Explanatory dictionary of the Russian language*, in 4 vols, vol. 1, Moscow.
5. Efromson, V. P. 1995, *Genetics of ethics and aesthetics*, St. Petersburg.
6. Hsu, M., Anen, C. & Quartz, S. 2008, 'The Right and the Good: Distributive Justice and Neural Encoding of Equity and Efficiency', *Science*, iss. 320, pp. 1092–1095.
7. Birkmeyer, K. 1901, 'Gedanken zur Bevorstehenden Reform der Deutschen Strafgesetzgebung: vortrag gehalten in der Juristischen Gesellschaft München am Freitag, 22 February 1901, von Professor Dr. Birkmeyer in München', *Archiv für Strafrecht und Strafprozess*, pp. 67–100.
8. Hering, R. 1881, *Purpose in Law*, vol. 1, St. Petersburg.
9. Grotius, G. 1994, *On the law of war and peace. Three books explaining natural law and the law of nations, as well as the principles of public law*, Moscow.
10. Nagler, J. 1911, *Verbrechensprophylaxe und Strafrecht*, W. Engelmann, Leipzig.
11. Rothbard, M. N. 1998, *The Ethics of Liberty*, New York University Press, New York, London.
12. Poznyshev, S. V. 1912, *The basic principles of the science of criminal law. The General part of criminal law*, Moscow.
13. Poznyshev, S. V. 1923, *Fundamentals of penitentiary science*, Moscow.
14. Orangireev, N. D. 1916, *Crime and punishment in mathematical dependence: the idea and scheme of its application*, Moscow.
15. Remenson, A. L. 1963, 'On the retaliatory nature of criminal punishment', in *Reports on specific economics and Soviet law*, pp. 86–93, Tomsk.
16. Shargorodsky, M. D. 1958, *Punishment under criminal law*, in 2 vols, vol. 2, *Punishment under Soviet criminal law*, Moscow.

Информация об авторе

К. В. Корсаков – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела права.

Information about the author

K. V. Korsakov – PhD (Law), Associate Professor, senior researcher at the law department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 02.07.2025; одобрена после рецензирования 14.09.2025; принята к публикации 24.11.2025.

The article was submitted 02.07.2025; approved after reviewing 14.09.2025; accepted for publication 24.11.2025.

Научная статья

УДК 343.241

doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.538-546

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК ЦЕЛЬ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Константин Антонович Сыч

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, vladimir_1@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме доктринального толкования восстановления социальной справедливости в качестве цели наказания. Совершенное виновным наказание рассматривается как социальный конфликт, который может быть разрешен посредством применения наказания, отвечающего принципу справедливости. В противном случае, особенно если суд назначает наказание без учета отмеченного принципа, конфликт может быть разрешен посредством самосуда или народной традицией. Восстановление социальной справедливости есть разрешение социального конфликта, вызванного неправомерными действиями виновного.

Ключевые слова: социальная справедливость, наказание, самосуд, социальное равновесие, социальный конфликт

Для цитирования

Сыч К. А. Восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания // Человек: преступление и наказание. 2025. Т. 33(1–4), № 4. С. 538–546. DOI: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.538-546.

Original article

RESTORATION OF SOCIAL JUSTICE AS A GOAL OF CRIMINAL PUNISHMENT

Konstantin Antonovich Sych¹

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, vladimir_1@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of the doctrinal interpretation of the restoration of social justice as the purpose of punishment. The punishment inflicted by the guilty is considered as a social conflict that can be resolved through the application of punishment that meets the principle of justice. Otherwise, especially if the court imposes punishment without taking into account the mentioned principle, the conflict can be resolved through lynching or folk tradition. The restoration of social justice is the resolution of a social conflict caused by the unlawful actions of the perpetrator.

Keywords: social justice, punishment, lynching, social balance, social conflict

For citation

Sych K. A. 2025, 'Restoration of social justice as a goal of criminal punishment', *Man: crime and punishment*, vol. 33(1–4), iss. 4, pp. 538–546, doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.538-546.

Назначение наказания – основной этап реализации уголовной ответственности. На данном этапе важным фактором является определение целевой направленности этого динамического процесса функционирования наказания. Сложившаяся в науке уголовного права позиция, согласно которой наказание преследует цель общего и частного предупреждения преступлений, нуждается, по крайней мере, в уточнении. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что назначаемая судом мера наказания носит ретроспективный характер. Преступление уже совершено виновным, причиненный вред общественным отношениям (юридическим благам) следует рассматривать как нарушение установленного уголовным законом социального равновесия. Принимая во внимание это обстоятельство, следует признать, что цель назначения наказания должна быть направлена на восстановление нарушенного совершенным преступлением социального равновесия. В этом контексте совершенное виновным преступление выступает как форма социального конфликта, возникшего между виновным, с одной стороны, и потерпевшим (обществом), с другой стороны. Разрешение социального конфликта, вызванного фактом совершенного преступления, может быть осуществлено средствами уголовной юстиции или обычного права (самосуда). Самосуд возможен лишь в случае, если назначенное судом наказание за совершение особо тяжких преступлений не отвечает требованиям принципа социальной справедливости. Вот почему назначенная судом справедливая мера наказания во многом предупреждает совершение самосудов над виновным в совершенном преступлении.

Принцип справедливости обеспечивает, с одной стороны, равенство граждан перед законом, с другой стороны, индивидуализацию уголовной ответственности. Однако юридическое равенство граждан и фактическое неравенство, вызванное социаль-

ными и личными качествами последних, во многом обеспечивается за счет принципа справедливости.

Понятием «личность» в литературе принято обозначать совокупность наиболее характерных свойств и особенностей, которые определяют человека как социальное существо и вместе с тем в наибольшей мере выражают его индивидуальность и неповторимость. Личность воплощает в себе черты общества, в котором она живет и проявляется в тех ролях, которые человек выполняет в общественных отношениях. Личность, совершившая умышленное преступление, отличается определенными социально-психологическими и индивидуальными особенностями. Для таких лиц характерно наличие антиобщественных ориентаций и взглядов, отрицательное отношение к интересам других лиц и общества в целом, выбор общественно опасного способа удовлетворения своих потребностей. Особенности поведения лиц, совершивших неосторожные преступления, являются легкомысленность в принятии решения, отсутствие необходимой внимательности или предусмотрительности в ходе своей профессиональной деятельности либо в обыденной жизни.

В структуре личности наибольшую значимость имеют ее социальные свойства и роли, система потребностей, физические и психологические особенности. Личность виновного с положительной или отрицательной стороны характеризуют самые разнообразные обстоятельства социального, биологического и психологического характера, которые могут иметь место до совершения преступления, в ходе его совершения и после преступления. В силу данного обстоятельства характер и тяжесть совершенного преступления, личность виновного в своей совокупности образуют общественную опасность деяния, нарушающую социальное равновесие. Совершенное общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, оказывает негативное воздействие на потерпевших и общественное сознание в целом. Главным образом это проявляется в ситуации, когда совершаются особо тяжкие преступления, связанные с посягательством на жизнь многих людей: квалифицированные виды убийств, террористические акты, экстремистские преступления.

Цель восстановления социальной справедливости преимущественно относится к стадии назначения меры наказания судом. Именно на стадии определения судом вида наказания, его размера раскрывается сущность понятия социальной справедливости, поэтому стадия назначения судом виновному меры наказания является наиболее важной формой реализации принципа справедливости в уголовном праве.

В соответствии с ч. 2 ст. 43 УК РФ первой целью применения наказания является восстановление социальной справедливости. Следует отметить, что эта цель наказания впервые закреплена в качестве законодательной цели в УК РФ 1996 г. В советской юридической литературе были представлены различные позиции на этот счет.

Так, М. Д. Шаргородский полагал, что наказание не ставит своей целью восстановление нарушенного права [1, с. 295]. Эта задача, по мнению автора, стоит перед гражданским правом: ни конфискация имущества, ни штраф как мера наказания не ставят перед собой цель, связанную с извлечением какой-либо материальной выгоды. Эту позицию разделяли и другие советские правоведы [2, с. 61].

В начале 1970-х годов профессор А. М. Яковлев, напротив, указывал, что уголовное наказание должно восстановить справедливость, поправленную в результате совершенного преступления [3, с. 109]. Следует отдать должное профессору А. М. Яковлеву, который высказал смелую для того времени позицию. Советская доктрина уголовного права приоритетными целями наказания признавала исправление и перевоспитание осужденных.

Современные исследователи проблемы института наказания занимают неоднозначные позиции относительно социальной справедливости как цели наказания. Так, профессор Д. А. Шестаков полагает, что восстановление социальной справедливости по постсоветскому законодательству означает, что осужденному следует «воздать по заслугам», то есть «око за око» [4, с. 157]. С приведенной позицией Д. А. Шестакова трудно согласиться.

Более аргументированно представлена позиция профессора И. Я. Козаченко, который в социальной справедливости как цели наказания выделяет два основных компонента: восстановление общественной справедливости и индивидуальной (личной) справедливости относительно пострадавшего от преступления [5, с. 18]. Профессор Н. Ф. Кузнецова, определяя цель наказания в виде восстановления социальной справедливости, указывает на следующие ее признаки: 1) оптимально возможное возмещение, заглаживание посредством наказания причиненного преступлением вреда личности, обществу, государству; 2) соразмерность опасности наказания опасности преступления, личности виновного смягчающим и отягчающим обстоятельствам; 3) запрет двойного наказания; 4) недопущение в качестве цели наказания причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства [6, с. 19].

В приведенном определении обращает на себя внимание то, что Н. Ф. Кузнецова признает за наказанием способность возмещения и заглаживания причиненного преступлением вреда личности, обществу, государству. С этим трудно согласиться, потому что наказание не способно возмещать вред. Даже штраф как вид наказания не способен возмещать вред, причиненный преступлением в силу того, что взысканная сумма с осужденного идет в доход государству. Не совсем понятна позиция Н. Ф. Кузнецовой и в отношении второго признака ее определения: соразмерность опасности наказания опасности преступления. В данном случае преступление и наказание поставлены в один ряд по степени опасности. С этим утверждением можно согласиться лишь частично. Несомненно, что наказание по своим социально-правовым качествам способно причинять вред личности осужденного, о чем свидетельствуют негативные последствия, например, отбытие наказания в виде лишения свободы на определенный срок (потеря квалификации, распад семьи, потеря социальных навыков, туберкулез и т. д.). Это так называемые негативные последствия наказания. Однако это не дает основания ставить в один ряд преступление и наказание как институты уголовного права.

Подобной позиции придерживаются и другие исследователи рассматриваемой проблемы [7, с. 20; 8].

Мы солидарны с точкой зрения профессоров В. В. Лукьянова, В. И. Зубковой, Г. Н. Борзенкова, которые полагают, что возмещение материального ущерба и компенсация морального вреда не относятся к предмету уголовного права и представляют собой предмет гражданско-правовых отношений [9; 10, с. 65; 11, с. 34].

Еще Аристотель отмечал, что «справедливость, основанная на идее равенства, является двух видов: первый составляет справедливость разделительную или награждающую (*distributive*), второй – справедливость исправительную (*corrective*); последняя, в свою очередь, разделяется на карательную и гражданскую [12, с. 137]. Карательная справедливость старается восстановить равенство, нарушенное преступными действиями. Трудно не заметить, что справедливость в таком смысле практически представляет собой философскую модификацию древнего принципа талиона (око за око, зуб за зуб и т. д.).

Отдельные авторы в исследуемый период высказывали суждения, достойные пристального внимания современной юридической науки. В частности, выдающийся бо-

гослов Средневековья Фома Аквинский, характеризуя справедливость как категории уголовного права и гражданского права, отмечал, что назначаемое наказание есть цена за нарушение права [13, с. 181]. «Ценник» виновному заранее известен, поэтому виновный, совершая преступление, дает как бы согласие на справедливое наказание.

Восстановить нарушенное конституционное право на жизнь человека юридически и фактически невозможно. Не вдаваясь в дискуссию по проблеме восстановления прав средствами уголовного закона, отметим лишь, что наказание по своей юридической природе не является средством, способным восстановить нарушенные преступлением права и интересы человека, общества и государства. Если исходить из буквального толкования русского слова «восстановить», то это означает «привести в прежнее состояние» [14, с. 99]. Возникает, естественно, вопрос о том, что значит «привести в прежнее состояние» применительно к социальной справедливости, рассматриваемой в качестве цели наказания? Именно это положение действующего закона (ч. 1 ст. 43 УК РФ) дало формальный повод исследователям этой проблемы для вывода о том, что отмеченная цель наказания направлена на восстановление физического статуса.

В Толковом словаре русского языка слово «справедливый» определяется как действующий беспристрастно, соответствующий истине, осуществляемый на законных основаниях [14, с. 757]. В философской литературе понятие «справедливость» определяется как соотношение между практической ролью различных индивидов (социальных групп) в жизни общества и их социальным положением, между деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием, заслугой людей и общественным признанием, а также эквивалентности взаимного обмена деятельностью и ее продуктами [15, с. 159]. Можно в определенном смысле сказать, что справедливость есть соотношение между парными категориями социальной действительности.

В юридической литературе категория «справедливость» применительно к уголовному наказанию рассматривалась как социальная справедливость в широком смысле и как юридическая справедливость в узком его понимании [16, с. 545–548]. В узком понимании справедливость наказания представляет собой его юридическую справедливость, законность к отдельному преступнику. Социальная справедливость уголовного наказания предопределяется тем, что посредством наказания охраняются интересы, блага и ценности, имеющие высокое социальное значение. Это находит свое выражение, прежде всего, в задачах уголовного законодательства (ч. 1 ст. 2 УК РФ). Уголовное наказание, назначенное судом, сопровождается в обществе моральным осуждением лица, совершившего преступление, и совершенного им деяния.

С социальной точки зрения уголовное наказание справедливо потому, что оно преследует цели, достижение которых соответствует интересам как государства, так и общества.

С юридической точки зрения виновный совершает преступление, то есть нарушает требования уголовно-правового запрета на то или иное деяние. Однако на социальном уровне совершенное деяние, причиняющее определенный вред потерпевшему, может быть рассмотрено как социальный конфликт, где интересы одной стороны (потерпевшего) ущемлены действиями другой стороны (виновного лица). Этот конфликт нарушает определенные, сложившиеся в обществе отношения, в общественном сознании вызывает гнев, осуждение и жажду мести. В этом случае с полным основанием можно вести речь о нарушении социальной справедливости деянием виновного.

Профессор З. А. Астемиров справедливо отмечает, что «восстановление социальной справедливости может иметь место тогда, когда по каждому уголовному делу конфликт

сторон (потерпевший, виновное лицо), который выражен в преступлении, решается на справедливых началах, воздаявая должное каждой из сторон конфликта, в известной мере примиряя их; виновное лицо должно получить справедливую кару за содеянное, а потерпевший в моральном, материальном иначе и, если требуется по характеру преступления, физическое восстановление» [17, с. 68–69].

Примирение сторон социального конфликта посредством наказания есть восстановление нарушенной совершенным преступлением социальной справедливости. Несправедливое наказание в социальном его понимании означает несоответствие назначенного судом наказания характеру и степени общественной опасности деяния и лица, его совершившего. Преступник, совершивший преступление, возбуждает, по мнению Н. С. Таганцева, презрение к самому себе, колеблет уважение к личностным достоинствам человека, побуждает к неправильным действиям, к мести [18, с. 11].

Очевидно, что в первобытном обществе, в котором нет «писаных» законов, нет ни судей, ни тюрем, реагирование на причинение вреда потерпевшему осуществлялось в форме частной мести, в том числе кровной мести, в случаях причинения смерти потерпевшему. Социальная справедливость заключалась в частной мести потерпевшей стороны. Социальная справедливость для народов, переживших обычай кровной мести, сводилась к мести потерпевшей стороны. При этом как нарушение социальной справедливости рассматривалось: 1) причинение смерти потерпевшему виновным; 2) неисполнение общественно-религиозной обязанности потерпевшей стороны (родственником убитого) по кровной мести. Восстановлением социальной справедливости в этих случаях может считаться лишь реальное осуществление кровной мести. Реализуемая кровная месть восстанавливала устоявшиеся общественные отношения и снимала с родственников обязанность кровной мести.

Трудно проследить общую тенденцию этого негативного социального явления, которое, к сожалению, имеет место в нашей действительности, поскольку единой статистики самосуда в стране не ведется. Следует признать, что это острейшая социально-правовая проблема, суть ее заключается в том, что общество не доверяет в ряде случаев официальному государственному правосудию, признавая, что выносимые судом приговоры, особенно по особо тяжким преступлениям, связанные с убийством при отягчающих обстоятельствах, несправедливы.

Известный криминолог Я. И. Гилинский ставит под сомнение социальную справедливость как цель наказания. При этом автор задался вопросом – справедливость с чьей точки зрения? Власти? Потерпевших? Обвиняемых? [19]. «Восстановление социальной справедливости» либо красивые слова, либо возвращение к принципу талиона: око за око, зуб за зуб [20, с. 180]. Социальная справедливость как цель уголовного наказания предполагает наличие некоей социальной ценности в виде сбалансированных интересов гражданина, общества и государства. Иными словами, эта цель заключается в обеспечении социального мира и благополучия людей, их уверенности в государственной защите.

Совершенное преступление нарушает сбалансированность общественных интересов, социальный мир и предсказуемость общественных отношений. Еще в 1865 г. профессор А. Ф. Бернер утверждал, что преступлением оскорбляется общая идея (закон, общество, государство), обыкновенно, кроме того, оскорбляется и отдельная воля (лицо, пострадавшее от преступления). Если преступление оскорбило преимущественно общественную волю, то и наказание должно быть направлено на удовлетворение последней [21, с. 560].

Суд, назначая виновному меру наказания за совершенное им преступление, учитывает обстоятельства, отягчающие и смягчающие наказание, но в первую очередь он исходит из характера и степени общественной опасности деяния и личности виновного. Цель восстановления социальной справедливости будет считаться достигнутой, если виновный в совершенном преступлении понесет известную долю лишений и ограничений прав и свобод.

Достижение цели восстановления социальной справедливости также предполагает не только торжество уголовного закона в общественном правовом сознании, но и торжество добра над злом. Осужденный к назначенному судом наказанию должен будет отнестись как к заслуженному возмездию, справедливой мере наказания. В противном случае непризнание осужденным наказания справедливым по объективным причинам ставит под сомнение и достижение целей исполнения (отбывания) назначенной судом меры наказания.

Осознание осужденным справедливости назначенного судом наказания вызывает (или, по крайней мере, должно вызывать) раскаяние в совершенном преступлении. Раскаяние виновного (осужденного), несомненно, предполагает признание вины в совершенном преступлении. Человек, как известно, может раскаиваться только в том, в чем действительно виноват. При этом не следует смешивать (отождествлять) раскаяние и признание вины. Осужденный может признавать вину, особенно под давлением безупречных доказательств, но не раскаиваться в совершенном преступлении.

Таким образом, уже на стадии назначения судом меры наказания достигается цель социальной справедливости посредством уравнивания совершенного виновным преступления, заслуженным правовым возмездием (карой) осужденному. Виновный получает несправедливое преимущество перед законопослушными гражданами путем нарушения уголовно-правового запрета, и это несправедливое преимущество может быть аннулировано заслуженным возмездием, заключенным в форму меры уголовного наказания. Процесс аннуляции незаслуженного преимущества или выгоды преступника, полученной в результате совершения преступления, достигается самим фактом назначения адекватной меры наказания. Социальная сущность наказания заключается не только в лишении или ограничении прав и свобод осужденного, но и в общественном порицании виновного, в осуждении преступления как средства причинения вреда юридическим благам, а также в восстановлении социальной справедливости, нарушенной в результате совершенного им преступления. Вот почему заслуженное возмездие преступнику и осуждение совершенного им преступления являются ретроспективным актом уголовного закона, направленным на восстановление социального равновесия.

Список источников

1. Шаргородский М. Д. Избранные труды. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 420 с.
2. Беляев Н. А. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях. Л., 1963. 182 с.
3. Яковлев А. М. Об изучении личности преступника // Советское государство и право. 1962. № 11. С. 109.
4. Шестаков Д. А. Российская уголовно-правовая политика под углом зрения исторической тенденции к смягчению репрессии // Правоведение. 1998. № 4. С. 157.
5. Козаченко И. Я. Социально-ценностные ориентиры УК // Российский юридический журнал. 1997. № 3. С. 18.

6. Кузнецова Н. Ф. Понятие и цели наказания // Курс уголовного права. Общая часть. : учеб. для вузов / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М. : Зеркало, 1999. Т. 2. Учение о наказании. 320 с.
7. Комиссаров В. С. Понятие и цели наказания // Российское уголовное право : в 2 т. / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. М. : ИНФРА-М, 2003. Т 1. Общая часть. 413 с.
8. Становский М. Н. Назначение наказания. СПб. : Юрид. центр Пресс, 1999. 398 с.
9. Лукьянов В. В. Понятие и цели наказания // Уголовное право России: Общая часть : учебник / под ред. Н. М. Крончева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. СПб. : Издат. дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2006. 728 с.
10. Зубкова В. И. Восстановление социальной справедливости – одна из целей уголовного наказания // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2003. № 1. С. 65.
11. Борзенков Г. Н. Уголовно-правовая защита интересов потерпевших от преступных посягательств на личную собственность // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2003. № 1. С. 34.
12. Кечемян С. Ф. Учение Аристотеля о государстве и праве. М. ; Л., 1947. 240 с.
13. Бермин Т. Д. Западная традиция: эпохи формирования. М., 1994. 324 с.
14. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. доп. М. : Азбуковник, 1999. 1360 с.
15. Философский энциклопедический словарь. М., 1983 . 1200 с.
16. Словарь философских терминов / под науч. ред. В. Г. Кузнецова. М. : ИНФРА-М, 2012. 1180 с.
17. Астемиров З. А. Проблемы теории уголовной ответственности и наказания. Махачкала, 2000. 220 с.
18. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. СПб., 1902. 480 с.
19. Гилинский Я. И. Уголовное право: реалии и перспективы // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию : материалы VI Российского конгресса уголовного права (Москва, 26–27 мая 2011 г.) / отв. ред. В. С. Комиссаров. М. : Проспект. 2011. 757 с.
20. Кулыгин В. В. Этнокультура уголовного права. М., 2002. 320 с.
21. Бернер А. Ф. Учебник уголовного права. Часть Общая и Особенная. СПб., 1865. 820 с.

References

1. Shargorodsky, M. D. 2004, *Selected works*, Legal Center Press, St. Petersburg.
2. Belyaev, N. A. 1963, *The goals of punishment and the means of achieving them in correctional labor institutions*, Leningrad.
3. Yakovlev, A. M. 1962, 'On the study of the criminal's personality', *The Soviet State and Law*, iss. 11, p. 109.
4. Shestakov, D. A. 1998, 'Russian criminal law policy from the point of view of the historical trend towards mitigation of repression', *Jurisprudence*, iss. 4, p. 157.
5. Kozachenko, I. Ya. 1997, 'Socio-value orientations of the Criminal Code', *Russian Law Journal*, iss. 3, p. 18.
6. Kuznetsova, N. F. 1999, 'The concept and purpose of punishment', in N. F. Kuznetsova, I. M. Tyazhkova (eds), *Course of criminal law, The General part*, vol. 2, *The doctrine of punishment*, Zerkalo, Moscow.

7. Komissarov, V. S. 2003, 'The concept and goals of punishment', in L. V. Inogamova-Hegai, V. S. Komissarov & A. I. Rarog (eds), *Russian criminal law*, in 2 vols, vol. 1, The General part, INFRA-M, Moscow.

8. Stanovsky, M. N. 1999, *The purpose of punishment*, Legal Center Press, St. Petersburg.

9. Lukyanov, V. V. 2006, 'The concept and goals of punishment', in N. M. Kronachev, B. V. Volzhenkin & V. V. Orekhov (eds), *Criminal law of Russia, General part: textbook*, St. Petersburg State University, St. Petersburg.

10. Zubkova, V. I. 2003, 'Restoration of social justice is one of the goals of criminal punishment', *Bulletin of the Moscow University, Series 11, Law*, iss. 1, p. 65.

11. Borzenkov, G. N. 2003, 'Criminal and legal protection of the interests of victims of criminal attacks on personal property', *Bulletin of the Moscow University, Series 11, Law*, iss. 1, p. 34.

12. Kechekyan, S. F. 1947, *Aristotle's doctrine of the state and law*, Moscow, Leningrad.

13. Bermin, T. D. 1994, *The Western tradition: the epochs of formation*, Moscow.

14. Ozhegov, S. I. & Shvedova, N. Y. 1999, Explanatory dictionary of the Russian language, 4th edn, ABC Book, Moscow.

15. *Philosophical encyclopedic dictionary* 1983, Moscow.

16. Kuznetsov, V. G. (ed.) 2012, *Dictionary of philosophical terms*, INFRA-M, Moscow.

17. Astemirov, Z. A. 2000, *Problems of the theory of criminal responsibility and punishment*, Makhachkala.

18. Tagantsev, N. S. 1902, *Russian criminal law*, St. Petersburg.

19. Gilinsky, Ya. I. 2011, 'Criminal law: realities and prospects', in V. S. Komissarov (ed.), *Criminal law: origins, realities, transition to sustainable development: proceedings of the VI Russian Congress of Criminal Law (Moscow, May 26–27, 2011)*, Prospekt, Moscow.

20. Kulygin, V. V. 2002, *Ethnoculture of criminal law*, Moscow.

21. Berner, A. F. 1865, *Textbook of criminal law. The General and Special parts*, St. Petersburg.

Информация об авторе

К. А. Сыч – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права.

Information about the author

K. A. Sych – Sc.D (Law), Professor, professor of the criminal law department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 13.12.2024; одобрена после рецензирования 18.01.2025; принята к публикации 28.11.2025.

The article was submitted 13.12.2024; approved after reviewing 18.01.2025; accepted for publication 28.11.2025.

Научная статья

УДК 343.85(049.32)

doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.547-560

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «“ВОРЫ В ЗАКОНЕ” ГЛАЗАМИ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ЭКСПЕРТА»

Николай Григорьевич Шурухнов¹, Александр Владимирович Акчурин²

¹ НИИ ФСИН России г. Москва, Россия, matros49@mail.ru

^{1,2} Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия

² akchur79@yandex.ru

Аннотация. В статье представлена рецензия на монографию А. П. Божченкова, Р. Г. Ардашева, Н. Н. Китаева «“Воры в законе” глазами следователя и эксперта». Авторы приходят к выводу о том, что монография является оригинальной, актуальной, отличающейся новизной. Ее результаты послужат важным заделом для отправных исследований в дальнейших научных работах. Однако выделяется и ряд недостатков монографии, которые не оказывают существенного влияния на ее положительную оценку в целом.

Ключевые слова: «воры в законе», монография, рецензия

Для цитирования

Шурухнов Н. Г., Акчурин А. В. Рецензия на монографию «“Воры в законе” глазами следователя и эксперта» // Человек: преступление и наказание. 2025. Т. 33(1–4), № 4. С. 547–560. DOI: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.547-560.

Original article

REVIEW OF THE MONOGRAPH "THIEVES IN LAW" THROUGH THE EYES OF AN INVESTIGATOR AND AN EXPERT"

Nikolay Grigorievich Shurukhnov¹, Alexander Vladimirovich Akchurin²

¹ Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russia, matros49@mail.ru

^{1,2} Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia

² akchur79@yandex.ru

Abstract. The article presents a review of the monograph by A. P. Bozhchenkov, R. G. Ardashev, N. N. Kitaev "Thieves in Law" through the eyes of an investigator and an expert. The authors conclude that the monograph is original, relevant, and distinguished by its novelty. Its results will serve as an important foundation for starting research in further scientific papers. However, there are also a number of disadvantages of the monograph, which do not significantly affect its overall positive assessment.

Keywords: "thieves in law", monograph, review

For citation

Shurukhnov, N. G. & Akchurin, A. V. 2025, 'Review of the monograph "Thieves in Law" through the eyes of an investigator and an expert"', *Man: crime and punishment*, vol. 33(1–4), iss. 4, pp. 547–560, doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.547-560.

Вступительная часть

Рецензируемая монография состоит из двух глав, шести параграфов, заключения, словаря специальных терминов и понятий, списка использованной литературы. Написана интересно, познавательно, квалифицированно, отдельные подразделы – с использованием профессиональной терминологии.

Подобные издания – штучная научная продукция, готовятся и выходят в свет нечасто в силу различных причин: 1) специфика проблемы, которую хорошо знают немногие из юристов, к тому же она, в значительной степени, является закрытой. Отдельные открытые ее процессы происходят в учреждениях уголовно-исполнительной системы (ранее в исправительно-трудовых учреждениях ГУИТУ и ГУЛИТУ МВД СССР), а они сами относятся к числу закрытых. Редкая информация о затронутых авторами вопросах проходит через суды. Что касается документированной информации о «ворах в законе» и их деятельности, то она содержится под грифом; 2) «воровское» поведение с появлением ст. 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии»¹, претерпело существенные изменения.

Одновременно с появлением ст. 210.1 УК РФ в воровскую идеологию² были внесены изменения. Ранее «вор в законе», прибывающий в исправительно-трудовое учрежде-

¹ См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности : федер. закон от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 17.08.2025).

² Воровская идеология существенно изменилась с момента появления в стране элементов рыночных отношений, возникли жестокие отношения между ворами старого уклада и новым преступным элементом. Эта проблема ждет своих исследователей.

ние представлялся руководству колонии, отвечал на вопросы: когда, где, в присутствии кого, по чьей инициативе происходило «коронование»? Об этом сразу информировались осужденные. С этого момента отбывающие наказание знали, к кому теперь нужно обращаться с разрешением межличностных конфликтов, обсуждением других вопросов, как правило, противоположной направленности, а руководство знало, кто будет влиять на морально-психологический, волевой климат контингента исправительного учреждения. При наличии «вора в законе» в колонии «дух его присутствия» витал везде, а данные им установки проявлялись в поведении других отбывающих лишение свободы. В настоящее время, как указывают опросы начальствующего состава УИС, все значительно изменилось. На вопрос: «Как ведут себя «воры в законе» и «авторитеты» в исправительных учреждениях?» – было получено два неожиданных ответа: 1) «тише воды, ниже травы», 2) «мы их не замечаем». Комментируя, респонденты сказали, что они не дают никакой информации о себе. Размышляя, делаем вывод о том, что такое их поведение – внешний атрибут, внутреннее – все иначе.

Для размышления над проблемой приведем статистику, показывающую применение ст. 210.1 УК РФ в уголовном судопроизводстве. В 2021 г. было осуждено 8 лиц, представлявших высшее положение в преступной иерархии, в 2022, 2023, 2024 гг. – соответственно 20, 33, 23¹.

Специалисты в области обозначенной тематики благодарны авторам монографии по ряду различных профессиональных и этических причин, которые в том числе дают возможность не только вспомнить, но и назвать тех, кто был у истоков проблемы и кого нет сегодня с нами.

Михаил Николаевич Гернет, который в течение нескольких десятилетий собирал, анализировал, систематизировал и обобщил огромный фактический материал, относящийся к истории царской тюрьмы [1];

Владимир Иванович Монахов с его книгой «Группировки воров-рецидивистов и некоторые вопросы борьбы с ними», изданной в 1957 г. [2]. Можем представить, как сложно было издать работу, даже под «грифом»;

Владимир Михайлович Анисимков с его диссертациями и книгами: «Антиобщественные традиции и обычаи «преступного мира» среди осужденных в местах лишения свободы и проблемы борьбы с ними» (1991 г.) [3]; «Тюремная община: «вехи» истории: историко-публицистическое повествование» (1993 г.) [4]; «Криминальная субкультура и ее нейтрализация в исправительных учреждениях России» (1998 г.) [5];

Николай Петрович Барабанов и его публикации по результатам исследования «воров в законе», «воровских группировок» [6].

Огромное спасибо и здравствующим сегодня:

Александр Ивановичу Гурову с его выкладками в «Литературной газете»: «Лев готовится к прыжку» и «Лев прыгнул» (совместно с Ю. Щекочиным) [7], в отдельных монографиях [8, 9] и статьях [10];

¹ См.: Данные судебной статистики «Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2021 год» // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79.&item=612>; данные судебной статистики «Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 год» // Там же. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79.&item=8946>; данные судебной статистики «Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 год» // Там же. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79.&item=8823>; данные судебной статистики «Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2024 год» // Там же. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79.&item=7649> (дата обращения: 17.08.2025).

Сергею Алексеевичу Кутякину за его интереснейшее и современное исследование «Организация противодействия криминальной оппозиции в уголовно-исполнительной системе России» [11, 12]. Была бы добротная диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Смею упрекнуть специалистов кафедры криминологии Академии ФСИН России, которые, не оказавшись прозорливыми, не пропустили работу. Тем самым потеряли классного специалиста, умеющего интересно рассказывать, практика, знающего тюремную материю.

Исследовательская часть

Авторы монографии «„Воры в законе” глазами следователя и эксперта» проделали огромную работу по поиску исходного материала для подготовки издания. Они анализировали различные статистические данные (Судебного департамента при Верховном Суде РФ, ГИАЦ МВД России, ФСИН России), определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, приговоры федеральных судов различных уровней, приказы МВД СССР. На профессиональном уровне, используя контент-анализ, осуществляли выборку информации различных сайтов Интернета, экспертных заключений, специальных исследований ученых-криминалистов, судебных медиков. Особо отметим использование собственных профессиональных знаний, умений и навыков, особенно в дактилоскопии. Представили профильные результаты и выводы авторов многочисленных монографий, диссертаций, статей, в том числе подготовленных иностранцами и изданных за рубежом.

Материал монографии представлен в соответствии с ее названием, излагается с позиций следователя и эксперта. Так, вначале общие сведения, характеризующие свойства личности «воров в законе», а затем их уникальные признаки, относящиеся к дактилоскопическим (дерматоглифическим) признакам (основные типы папиллярных узоров пальцев рук, основная дактилоскопическая формула, типы и подтипы папиллярных узоров, используемые для составления дополнительной дактилоскопической формулы, пальцевые приметы, сравнительный анализ дактилоскопических (дерматоглифических) признаков). Такой подход отличает монографию от ранее изданных работ, придает ей значительную новизну, вооружает исследователей новыми идеями. Отметим, что попытки изучения дактилоскопических узоров пальцев рук человека и их влияние на разновидности поведения предпринимались неоднократно. Однако сделать обоснованные (однозначные) выводы представлялось, по ряду различных причин, не всегда.

Уместно будет сказать о масштабной задумке ушедшего из жизни кандидата медицинских наук, доктора юридических наук, профессора С. С. Самищенко. Он был ведущим специалистом в области дактилоскопии [13–15] в России и за рубежом, пожизненным членом Международной ассоциации по идентификации (I.A.I.). У него были большие планы по развитию этой отрасли криминалистической техники и использованию результатов в раскрытии и расследовании преступлений. Он получил разрешение и провел дактилоскопирование несовершеннолетних, отбывающих наказание в Алексинской колонии Тульской области, однако жизнь распорядилась оставить отпечатки на дактилоскопических картах без анализа.

Во введении анализируемой монографии авторы указали, что в интернет-базе на 10 января 2025 г. числится 7862 «вора в законе», из которых активными являются 400, из них только 101 (25,3 %) находится в заключении, остальные – 299 (74,7 %) – остаются на свободе [16, с. 8]. Цифры сомнительные, как и сам источник, к которому мы, к сожалению, все прибегаем, даже употребление в тексте слова «в заключении» будет

смущать специалистов. Провести такую «инвентаризацию» дело не простое, так как процесс очень динамичный – выезды за пределы России, бесследное исчезновение в силу различных причин. Наиболее точно можно установить, сколько из них отбывает наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы лишь во ФСИН России¹.

Первая глава монографии «„Воры в законе” как обладатели высшего положения в преступной иерархии» включает в себя два параграфа: «Воры в законе» в России; Грузинские «воры в законе»: история и особенности.

Анализируя уголовно-правовую характеристику личности преступников в России за двадцатилетний период (2002–2022 гг.), авторы делают два на первый взгляд противоречивых вывода, указывая, что среди преступников-рецидивистов: увеличено количество лиц, ранее совершавших преступления, с 24,4 до 59,1 %; снижено количество рецидивистов, ранее судимых, с 85,3 до 52,1 %. Ссылаясь на А. Н. Варыгина [17, с. 223], они указывают, что «...почти половина преступников (47,9 %) избежали наказания (уголовные дела в отношении них были прекращены по нереабилитирующим основаниям, или же вообще было отказано в возбуждении уголовного дела в отношении них» [16, с. 10–11].

Уйти от ответственности, по мнению авторов, лидерам преступной среды помогают изощренные способы совершения и сокрытия преступлений, общее руководство совершением противоправных действий, создание сообществ, которые защищают любые интересы авторитета, наделенного особыми правами в криминальной среде. Это более всего относится к «ворам в законе», являющимися «...как правило, рецидивистами, принятыми «сходкой» авторитетов в свой круг...» [16, с. 11]. Приведенное соответствует старой «воровской идеологии», но она изменилась. Причем произошло это значительно раньше, чем наступил 2019 г. Стоит вспомнить «казанский феномен» (начиная с конца 1980-х годов), конфликт отцов и детей. Имеем в виду войну между ворами старого уклада и молодыми членами банды «Тяп-ляп» под руководством С. Антипова, позднее преступного сообщества «ХадиТакташ» под руководством Р. Галиакберова.

Воровские подходы к некоторым понятиям изменились. Об этом с возмущением говорил известный «вор в законе» «Япончик» В. Иванов, о котором на страницах монографии сказано немало. Его не стало, но осталось в устах специалистов словосочетание «апельсиновые воры в законе» (иногда их именуют «лаврошниками»). Так он называл выходцев из Грузии, которые покупали звание «вора в законе». Можно вспомнить изумленное лицо оперативного уполномоченного, проводившего задержание членов «воровской сходки» в Москве и получившего ответы гр. Н., что он «вор в законе», но судимостей не имеет.

Совершенно обоснованно авторы отмечают (ориентируясь на условия мест лишения свободы), что «воры в законе» подготавливают преступления и руководят их совершением. Они активно пополняют свои ряды и формируют новые преступные кадры, решают спорные вопросы, выступая в роли третейских судей, организуют финансирование преступной среды, отвечают за порядок в тюрьмах и колониях, регулируют отношения с другими преступными группами, защищая интересы тех, кто находится под их влиянием» [16, с. 11–12].

В изъятых в местах лишения свободы воровских установках неоднократно встречали особую заботу о молодежи (особенно той, которая переводилась из ВТК во взрос-

¹ На 1 января 1992 г. на оперативно-профилактических учетах ИТУ состояло 85 «воров в законе», 2 тыс. реальных «уголовных авторитетов» и 1245 возглавляемых ими группировок осужденных отрицательной направленности.

лые колонии по достижении 18 лет), взаимоотношениях с ней, снисходительном отношении к отдельным поступкам, высказываниям, обращая внимание на просвещение в значимости тюремных понятий. Такие установки связаны с тем, что «воры в законе» за счет молодежи расширяли преступные группировки, готовили своих последователей, о чем сказали авторы монографии. Еще один комментарий к авторским положениям в вышеприведенной цитате по организации финансирования преступной среды: они относятся не столько к налаживанию и сохранению дороги (связи с волей), сколько к взаимоотношениям с мужиками, работающей стратой в учреждениях уголовно-исполнительной системы, которые являлись материальной опорой лидеров преступной среды, поддержкой «общака» [18, с. 73–83].

Рассматривая иерархическую пирамиду преступного мира, авторы вслед за «вором в законе» ставят «положенца», отмечая, что он «...может принимать участие в «сходках», организуемых «ворами в законе», но не имеет на них права голоса... Остальные управленческие функции «положенца» подобны функциям «вора в законе», находящегося на криминальных должностях: «смотрящего» по субъекту РФ, «смотрящего» за всеми местами лишения свободы в субъекте РФ, «смотрящего» за определенным городом (административным или финансово-экономическим центром или за местом лишения свободы» [16, с. 15]. Жаль, что члены авторского коллектива в данном случае приводят эти рассуждения со ссылкой на других авторов. Здесь не все так просто. Начиная с того, что мы не встретим изданный типографским способом, отредактированный, принятый большинством преступного сообщества табель о рангах, равно как и отсутствует «воровской кодекс», «воровской закон». Все эти понятия толкуются из уст в уста, ведь это удобно. Мы устанавливали разночтение (когда на протяжении десятка лет занимались этой проблемой) в различных регионах. Комментарии «авторитетов» в Онежском УЛИУ (Архангельская область) расходились с трактовками «воров» в Тавдинском УЛИТУ (Свердловская область). Многое изменилось, но, к сожалению, дополнений и изменений в несуществующий «воровской кодекс» не вносилось. Очень хорошо, что на страницах 15–20 монографии на примере конкретных фактов дается критика легковесных высказываний, неверных толкований, порой извращений фактов, которые допускали и допускают журналисты.

В письмах, записках, обращениях «преступных авторитетов» фигурирует слово «постановка», содержание которой якобы принято на «воровской сходке»¹. Постановление в данном случае понимается как инструкция, правило обязательного поведения, нормативный акт, свод правил поведения истинных арестантов, которыми следует руководствоваться. Одна из записок с постановками была изъята в мае 1991 г. в СИЗО г. Южно-Сахалинска (готовилась и принималась в 1981–1982 гг. на «воровской сходке» в ИТК-5 г. Советская Гавань Хабаровского края) и имела следующее содержание:

«...прежде всего справедливость во всех отношениях, что касается нашей жизни, то есть человеческое, арестантское отношение друг к другу. Никто не вправе бросить человека, живущего этой жизнью. Обязанность каждого интересоваться жизнью ближ-

¹ Следует обратить внимание на то, что в силу специфики (предельное ограничение для передвижения) «воровские сходки» в далекие времена проводились дистанционно, без присутствия множества «воров в законе», но которые выразили свое отношение к принятию решения в письменной форме, в записке, которая передавалась по этапам из одного подразделения в другое, либо на основе свидетельства, содержание которого передавалось «вором в законе» от другого «преступного авторитета», у которого с ним была беседа по обсуждаемому на «сходке» вопросу.

него – мужик это или ффраер, помочь ему, если он этого заслуживает. А заслуживает это тот, кто живет нашей жизнью и добросовестно относится к нашему делу. В этой жизни мы Братья, обращаться друг к другу словом «Брат». «Вор в законе» – это человек чистой кристальной души, живущий воровскими идеями. Везде, всегда и во всем, что касается нашей жизни, последнее слово за воров. «Ффраер» – человек, отстаивающий идеи воров, живущий воровскими законами. «Мужик» – это честный, трудолюбивый человек, оплот и фундамент нашей жизни. Без мужика не будет ничего, об этом надо помнить всегда. ...Воровская постановка запрещает применение ножей, разборы в нетрезвом или одурманенном состоянии, продавать или покупать свыше установленной в ИТУ цены. Интриган – самый опасный человек в нашей жизни. Для тех, кто страдает за наше дело, необходима помощь – «общак». Собирают его добровольно, каждый по возможности вносит свою долю. Для порядочных арестантов тариф равен 20 % от всего, что имеет в зоне (игра, отоварка, посылки, перепродажа). Фонд распределяется нуждающимся – ПКТ, ШИЗО, тюрьма, больница, этапы, всем, кто заслуживает внимания. За справедливым распределением следит вор, в случае отсутствия – ответственный за зону. О любой несправедливости долг каждого сообщить ответственному. Все вопросы, касающиеся Братвы, решать сообща, но последнее слово за воров, при отсутствии – ффраером. Кто отступит от этой постановки, наш враг. Исключение те, кто не с нами, но не мешает нам...»¹.

Практически значимо, что в параграфе приводятся портрет современного «вора в законе», некоторые особенности и сложности получения доказательств для привлечения к уголовной ответственности по ст. 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии» и даются соответствующие рекомендации [16, с. 22].

Во втором параграфе первой главы «Грузинские «воры в законе»: история и особенности» приводятся данные выходцев из Грузии. Со ссылкой на интернет-ресурс указывается, что 20 % «воров в законе» (из 7 862) имеют грузинские фамилии «...(кавказские суммарно – около 42 %), русские – 48 %». При этом отмечают, что «...из числа «активных» грузинские фамилии имеют 58 % «воров в законе» (кавказские – 85 %), русские – всего лишь 12 %».

Обращает на себя внимание и тот ффакт, что из «коронованных» в последние годы (начиная с 2006 г.) 49 % составляют лица грузинской национальности (большинство), еще 29 % – представители других кавказских народов (в сумме – 78 %) и только 14 % – русские. До 1950 г. ситуация была иной. 30 % «воров в законе» были грузинами, 47 % (большинство) – представителями других кавказских народов (армяне – 77 %), русские – 18 %. В 1990-е годы – 26 % «воров в законе» были грузинами, 26 % – представителями других кавказских народов (в сумме – 52 %), русскими – 36 % (большинство)» [16, с. 23].

Авторы характеризуют идеологические расхождения русских и грузинских «воров в законе», указывая, что первые придерживаются более строгих понятий, например, отношение к семье. Корыстная направленность грузинских «воров в законе» проявляется в семейных отношениях, где они усматривают надежность и скрытность теневых промыслов. Однако жажда наживы приводит к жестокой конкуренции между семейными кланами, отмечаются экономические, да и политические преимущества для развития предпринимательства среди общинников. В 1990-х годах в России «воры» вынужденно сдали свои позиции в пользу новых силовых предпринимателей – бан-

¹ Личный архив автора рецензии.

дитов. В Грузии, по мнению исследователей, этого не произошло: грузинские «воры» сумели адаптироваться к новым условиям и сами перешли в силовых предпринимателей. В этот период их основной функцией «...стало обеспечение доверия путем предоставления защиты, а также посредничества между коррумпированной властью и деятелями теневой экономики» [16, с. 26]. Это факт бесспорный, нельзя исключить его влияния и на российскую противоправную деятельность. Самое большое влияние здесь оказали экономико-правовое и политическое развитие СССР, а потом и его развал. Со ссылкой на В. В. Жириновского авторы констатируют, что «...в отношении членов этнических преступных группировок мы имеем дело с качественно иной системой ценностей и принципиально иными представлениями о государственном устройстве, нормах поведения и морали» [16, с. 25].

Авторы приводят высказывание автора брошюры «Реформа полиции в Грузии и в России» Т. М. Михайловской, в которой она пишет: «Ни в одной другой союзной республике институт «воров в законе» не имел столь всеобъемлющего значения и влияния, как в Грузии. Воровской вертикалью было пронизано все – власть, полиция, бизнес. В 1990-х годах главного «вора в законе» в тбилисском аэропорту встречал лично министр внутренних дел и с кортежем отвозил домой» [16, с. 30].

А. П. Божженков, Р. Г. Ардашев, Н. Н. Китаев рассматривают специфику грузинского феномена «воры в законе», формирование соответствующего сообщества, влияние на население и общественное мнение, особенно на подрастающее поколение, добавление в их жизненный опыт уличной карьеры, где не на последнем месте были воровские перспективы. Значительное место отвели изложению влияния «воров в законе» на общество и в связи с этим противодействию властей Грузии профессиональной преступности, реформированию грузинской полиции (в результате было уволено 15 тыс. полицейских, что составило 50 % личного состава по стране). Следует сказать, что выводы и рассуждения авторского коллектива монографии базируются на разнообразном фактическом материале (выступлениях президента Грузии, приказах МВД, материалах средств массовой информации, статистических данных) [16, с. 32].

Вторая глава «Криминологическая характеристика личности „воров в законе“» состоит из 4 параграфов. В параграфе «„Воры в законе“ грузинской национальности» на основе анкетных данных и дактилоскопических карт осужденных с 1974 по 2018 год за различные преступления описывается этническая принадлежность 21 выходца из Грузии (грузины, имеритинцы, аджарцы, кахетинцы, картлинцы, хевсурцы). Приводятся место, год и месяц их рождения, возраст с момента совершения первого преступления и при «коронации» («короновании»). Указывается, что «коронование» происходило в возрасте от 18 до 41 года. Из 21 «вора в законе» 3 (14,3 %), по данным авторов монографии, не были признаны всеми «ворами» [16, с. 40]. Ими было отмечено, что «...один из отличительных признаков «воров в законе» грузинской национальности (выходцев из Грузии) связан с допустимостью покупки звания «вора в законе» лицами, никогда не содержащимися в местах лишения свободы» [16, с. 40].

В параграфе приводятся данные о видах преступлений и количестве судимостей, продолжительности криминальной и физической жизни. При этом отмечен следующий факт: «...рожденные в 50–60-е гг. в сравнении с рожденными в 1970-е гг. в среднем «короновались» в более раннем возрасте... дольше пребывали в статусе «вора в законе» и имели большую продолжительность жизни...» [16, с. 41]. Исследователи изучили и причину смерти, подробно (с рисунками) описали приметы и воровские клички (прозвища).

Один из подразделов первого параграфа второй главы – «Дактилоскопические (дерматоглифические) признаки» – представляет основные типы папиллярных узоров пальцев рук и основную дактилоскопическую формулу. Отмечено преобладание завитковых узоров на больших пальцах правой (76,2 %) и левой (57,1 %) руки. Отмечается их наибольшее распространение на пальцах правой руки¹. Приводятся типы и подтипы папиллярных узоров, используемые для выведения дополнительной дактилоскопической формулы. Дается таблица частоты встречаемости типов и подтипов папиллярных узоров пальцев рук «воров в законе», родившихся в Грузии, графически показано процентное соотношение типов папиллярных узоров на пальцах их рук, обозначаются пальцевые приметы.

Проводя сравнительный анализ дактилоскопических (дерматоглифических) признаков, авторы монографии делают вывод о том, что «...для «воров в законе» более характерны завитковые узоры и менее характерны петлевые узоры» [16, с. 50]. В целом петлевые узоры являются распространенными, на них приходится 65 % папиллярных узоров.

В процессе исследования дерматоглифических маркеров типов поведенческих реакций был сделан общий вывод: «сходство хронобиологических² и дерматоглифических³ характеристик, коррелирующих с силой, скоростью и уравновешенностью психических процессов, обусловлено типовыми особенностями акцентуации личности «воров в законе» (организованность, целеустремленность, воля, эмоциональная холодность и т. п.), позволяющими им завоевывать в преступной среде роль лидера (авторитета)» [16, с. 53].

Во втором параграфе второй главы монографии «„Воры в законе“ – представители народов Северного Кавказа и Закавказья негрузинской национальности» обсуждаются анкетные данные и дактилоскопические карты 24 граждан 8 различных национальностей указанных регионов, осужденных с 1975 по 2010 год за совершение различных преступлений. В группу входили армяне и курды – по 8 человек, 3 азербайджанца и по одному аварцу, ингушу, кумыку, осетину, чеченцу. Местом рождения 12 из них была Грузия. Период рождения охватывал 1937–1975 гг. Авторы попытались связать с числом Вольфа, числовым показателем солнечной активности, связанным с количеством солнечных пятен. В результате сделали вывод о том, что «...в основном связь образуется в первую половину (нарастания) 11-летнего цикла солнечной активности» [16, с. 54].

Первое преступление указанной группой «воров в законе» было совершено в возрасте от 14 до 29 лет (в среднем 20 ± 4 года, у грузин – $29 \pm 9,5$ года). «Коронование» происходило с 1957 по 2013 год в возрасте от 17 до 47 лет (средний возраст – 26 ± 8 лет, у грузин – 24 ± 6 лет). Количество судимостей в среднем было 3,5; у грузин – 2,9. Продолжительность преступной жизни у группы «воров в законе» – представителей Северного Кавказа и Закавказья составила от 3 до 56 лет (средний возраст – 23 ± 12 лет, у представителей Грузии – 14 ± 12 лет).

¹ Завитковые узоры являются наиболее сложными и, по общей статистике, как считают криминалисты, на них приходится 30 % от всего количества папиллярных узоров. По данным А. А. Паляшвили, исследовавшего 500 пальцевых следов-отпечатков мужчин грузинской национальности, завитковые узоры составляли 25,6 % [19, с. 203]

² Хронобиологическая характеристика – это описание биологических ритмов (биоритмов) периодически повторяющихся изменений характера и интенсивности биологических процессов и явлений.

³ Дерматоглифическая характеристика – это описание особенностей строения папиллярных узоров на пальцах, ладонях и подошвах, которые изучает наука дерматоглифика.

В статусе «воров в законе» пребывали от 1 года до 55 лет (в среднем указанный промежуток составлял $17 \pm 13,5$ года), несколько больше, чем у представителей Грузии, – $15,5 \pm 10$ лет). Отмечено, что «...рожденные в 1970-е гг. в среднем «короновались» в более зрелом возрасте, чем родившиеся в 1930–1960 гг. Такой же результат получен в отношении «воров в законе» грузинской национальности. Родившиеся в 1970 гг. имели меньшую продолжительность жизни в сравнении с предшественниками... и соответственно меньше пребывали в статусе «вора в законе»...» [16, с. 59]. От насильственной смерти ушло из жизни 12 человек, средний возраст убитых составил 42,5 года.

Авторы предприняли попытку установить приметы и воровские клички. При этом отметили, что «воры в законе» не имеют внешне заметных (броских) примет, несмотря на иное распространенное мнение. Анализируя типы папиллярных узоров пальцев рук и основную дактилоскопическую формулу, приводят характеризующие данные, отличительные признаки. Указывают, что «завитковые узоры наблюдались в $37,9 \pm 3,1$ % случаев (что реже, чем среди грузин, – $45,2 \pm 3,2$ %), чаще они были на больших пальцах правой руки (16,5 %) и левой руки (13,2 %), реже – на мизинцах правой (3,3 %) и левой (4,4 %) руки ...» [16, с. 63].

Подводя итог рассмотрения типов и подтипов папиллярных узоров, используемых для составления дополнительной дактилоскопической формулы, пальцевых примет, проведя сравнительный анализ дактилоскопических (дерматоглифических) признаков, дерматоглифических меркеров типов поведенческих реакций, авторский коллектив монографии отмечает, что применительно к двум группам «воров в законе» (представителей Грузии и Северного Кавказа и Закавказья) «...установлены общие (групповые) признаки данной категории преступников, не зависящие (или мало зависящие) от их этнотерриториальной принадлежности» [16, с. 71–72].

В третьем параграфе второй главы рассматриваются признаки 20 «воров в законе» русской национальности, осужденных с 1966 по 2004 год. Местом их рождения (с 1949 по 1981 год) была Российская Федерация, как правило, небольшие населенные пункты. Первое преступление ими было совершено в возрасте от 14 до 38 лет (средний возраст – 23 года). Посвящение в «воры в законе» происходило в возрасте от 21 до 40 лет (средний возраст – 32 года). Установлено, что преступная деятельность у «воров в законе» русской национальности начиналась раньше, но «коронование» происходило позже (в среднем через 9 лет), в отличие от «воров в законе» – выходцев из Грузии. Здесь больше сходства с группой уроженцев Северного Кавказа и Закавказья. Количество судимостей колебалось от 1 до 10 (в среднем 5), что больше, чем у грузин (3) и народов Северного Кавказа и Закавказья (3,5). Продолжительность преступной жизни составляла от 1 до 47 лет (в среднем 20 лет), что больше в сравнении с лицами грузинской национальности (14 лет) и меньше, чем у представителей Северного Кавказа и Закавказья (23 года). В статусе «вора в законе» пребывали от 1 до 43 лет – 11 лет, у грузин – 15,5 лет, у представителей Северного Кавказа и Закавказья – 17 лет.

Продолжительность жизни – от 24 до 64 лет, в среднем 43 года, как и продолжительность жизни у персон других групп. Насильственная смерть имела место у 10 человек. Авторами приводятся и другие причины ухода «воров в законе» из жизни, отмечают, что наибольшее количество было с 1999 по 2010 год. Обращают внимание на приметы анализируемых лиц, специфику и значение татуировок, воровских кличек. Значительное место отводится исследованию дактилоскопических (дерматоглифических) признаков. Указывают, что завитковые узоры (мы сосредоточили на них основное свое внимание)

«...наблюдались в $32,1 \pm 3,4$ %, что реже в сравнении с армянами (представителями Северного Кавказа и Закавказья) ($37,9 \pm 3,1$ %) и грузинами ($45,5 \pm 3,2$ %). Чаще всего они располагались на безымянных пальцах правой руки ($63,1$ %) и левой руки ($43,6$ %), а в целом чаще на пальцах правой руки ($52,2$ и $47,8$ %)» [16, с. 81]. На основе сравнения делается вывод о том, что среди завитковых узоров преобладает вариант с внутренним положением левой дельты. Авторы не встретили случая выведения папиллярного рисунка с помощью химических реактивов или механическим путем.

Исследуя дерматоглифические маркеры типов поведенческих реакций, авторы приводят, как нам показалось, интересные сведения, которые послужат использованию в дальнейших исследованиях специалистов. Они указывают, что «...6 и более завитковых узоров на 10 пальцах обеих рук в группе «воров в законе» наблюдалось в $26,1$ % случаев, тогда как в группе законопослушных граждан – в $19,4$ %...» [16, с. 86]. Сравнение внутреннего строения завитковых узоров показало наличие узоров с «простой» сердцевинной в форме круга (овала, спирали) в 9 наблюдениях из 20 ($45,0$ %) и с сердцевинной в форме «кошачьего глаза» – в 3 наблюдениях ($15,0$ %), что такой устойчивости у представителей Северного Кавказа и Закавказья не наблюдалось. «...По этой причине диагностическая ценность данного признака по отношению к «ворам в законе» русской национальности подлежит дальнейшему изучению» [16, с. 86].

По результатам дерматоглифического анализа делается вывод о возможности вероятного (около $0,90$) суждения о групповой принадлежности обследуемого лица и уточняется, что «...в отношении проверяемых результаты диагностики должны рассматриваться не как медицинский диагноз или юридический вердикт, а лишь как основание для более полного и всестороннего (комплексного криминологического) изучения личности» [16, с. 89].

В четвертом параграфе представлено обобщение полученных результатов в виде таблицы со сходными и различающимися признаками личности «вора в законе» различной национальности, с выделением 28 признаков (параметров, свойств). Авторы справедливо отметили: «Портрет «вора в законе», несомненно, более многолик, нежели это показано в таблице... – в каждом конкретном случае он индивидуально неповторим и не может быть исчерпывающе сведен к данным, представленным в том или ином виде, в той или иной форме, какой бы полной и всеобъемлющей она ни была. Вместе с этим нельзя не признать необходимость и возможность создания обобщенного, типового портрета «вора в законе» (осуществить его типологию). Проведенное исследование и его результаты отражают такую попытку» [16, с. 92].

Заключительная часть

На основании изложенного сделаем несколько выводов, некоторые из них не могут считаться бесспорными.

По предмету своего исследования монография А. П. Божченкова, Р. Г. Ардашева, Н. Н. Китаева «„Воры в законе“ глазами следователя и эксперта» является оригинальной, актуальной, отличающейся новизной. Ее результаты послужат важным заделом для отправных исследований в дальнейших научных работах. Давно говорится о значимости рисунков папиллярных узоров, их взаимосвязи с отдельными чертами характера человека, склонностями, свойствами личности, влиянии на направления противоправной деятельности, поведении на следствии и при отбывании наказания в виде лишения свободы, однако таких работ единицы. Рецензируемая монография, с ее отдельными недостатками, относится к числу первых.

Как представляется, незначителен массив эмпирического исследования, он не позволил выйти на закономерности. Требуется собрать, обработать, проанализировать такой объем фактического материала, чтобы он соответствовал «закону больших чисел», с выходом на повторяющиеся обстоятельства (события). Этот принцип теории вероятностей объясняет, что чем больше количество анализируемой выборки, тем чаще случайные события становятся предсказуемыми при большом количестве испытаний. Другими словами, если делать много независимых наблюдений за одним и тем же процессом, то средний результат этих наблюдений будет приближаться к ожидаемому значению (математическому ожиданию). Однако уточним, что «закон не гарантирует конкретный результат в отдельном испытании – он говорит только о тенденции средних значений при большом числе повторений».

Предмет исследования специфичен, многогранен, содержание человека – это масса различных лабиринтов, трудно определить, какой из них выведет на правильный путь, требуется руководствоваться совокупностью различных свойств личности. «Вор в законе» – особый феномен, к тому же идеология их появления и деятельности изменчива, как изменчиво многое в природе и человеческом обществе. Возможно, поэтому средства массовой информации иногда живо обсуждают информацию о якобы появлении, с одной стороны, безымянного «бездействующего вора в законе», с другой – вроде бы руководящего игорным бизнесом и имеющего «воровской авторитет», располагающего средствами. Сомнительно, все тайное через посредство кого-то или чего-то станет явным.

Вряд ли правильно было называть вторую главу криминологической характеристикой личности «воров в законе», отражающей национальность, место рождения, год и месяц рождения, возраст на момент совершения первого преступления и «коронования», виды преступлений и количество судимостей, этого недостаточно. Полагаем, что криминологи будут солидарны. В параграфах развернут несколько иной материал (он уникальный по своему содержанию): типизация рисунков папиллярных узоров, характеристика основной и дополнительной дактилоскопических формул, пальцевые приметы... По этой причине и название должно быть иным, может быть, «Социально-дактилоскопическая характеристика человека («вора в законе») и ее влияние на свойства личности и характер преступной деятельности».

Список источников

1. Гернет М. Н. История царской тюрьмы / Всесоюзный ин-т юридических наук Министерства юстиции СССР. М. : Юрид. изд-во М-ва юстиции СССР, 1941–1956. В 5 т.
2. Монахов В. И. Группировки воров-рецидивистов и некоторые вопросы борьбы с ними. М. : Издание Политического отдела Главного управления исправительно-трудовых колоний МВД СССР, 1957. 80 с.
3. Анисимков В. М. Антиобщественные традиции и обычаи «преступного мира» среди осужденных в местах лишения свободы и проблемы борьбы с ними : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. 241 с.
4. Анисимков В. М. Тюремная община: «вехи» истории: историко-публицистическое повествование. М., 1993. 69 с.
5. Анисимков В. М. Криминальная субкультура и ее нейтрализация в исправительных учреждениях России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. 319 с.

6. Барабанов Н. П. Криминальная субкультура осужденных в исправительных учреждениях: «воры в законе», «воровские группировки», лидеры уголовно-преступной среды, криминальные «авторитеты» // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 1. С. 17–25.
7. Щечокочин Ю., Гуров А. Лев прыгнул // Литературная газета. 1988. 20 июля.
8. Гуров А. И. Профессиональная преступность. Прошлое и современность. М., 1990. 304 с.
9. Гуров А. И., Рябинин В. Н. Исповедь «вора в законе». М., 1991. 229 с.
10. Гуров А. И. «Воры в законе» на воле и в зоне // На боевом посту. 1989. № 10.
11. Кутякин С. А. Организация криминальной оппозиции в уголовно-исполнительной системе России. Рязань, 2008. 156 с.
12. Кутякин С. А. Организация противодействия криминальной оппозиции в уголовно-исполнительной системе. Рязань, 2012. 362 с.
13. Самищенко С. С. Современная дактилоскопия (теория, практика и тенденции развития) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 369 с.
14. Самищенко С. С. Атлас необычных папиллярных узоров = Atlas of unusual papilla patterns. М. : Юриспруденция, 2001. 307 с.
15. Самищенко С. С. Современная дактилоскопия: основы и тенденции развития : курс лекций : учеб.-метод. пособие. М. : Моск. психол.-соц. ин-т ; ПолиграфПрофи, 2004. 455 с.
16. Божченков А. П., Ардашев Р. Г., Китаев Н. Н. «Воры в законе» глазами следователя и эксперта. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2025. 144 с.
17. Варыгин А. Н. Личность современного преступника: изменения, подходы к изучению и воздействию на нее // Личность преступника в изменяющемся мире (Долговские чтения) : сб. материалов III Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 23–24 марта 2023 г.). М., 2023. С. 220–226.
18. Шурухнов Н. Г. Неформальная дифференциация в исправительно-трудовых учреждениях // Социологические исследования. 1992. № 7. С. 73–83.
19. Палиашвили А. А. К вопросу о статистическом методе определения идентификационной ценности деталей папиллярных узоров в дактилоскопической экспертизе // Вопросы криминалистики. 1963. № 8–9(23–24). С. 201–207.

References

1. Gernet, M. N. 1941–1956, *The history of the Tsar's prison*, in 5 vols, Legal Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR, Moscow.
2. Monakhov, V. I. 1957, *Groups of repeat offenders and some issues of combating them*, Publication of the Political Department of the Main Directorate of Correctional Labor Colonies of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, Moscow.
3. Anisimkov, V. M. 1991, *Antisocial traditions and customs of the "criminal world" among prisoners in places of deprivation of liberty and the problems of combating them: PhD thesis (Law)*, Moscow.
4. Anisimkov, V. M. 1993, *Prison community: "milestones" of history: historical and journalistic narrative*, Moscow.
5. Anisimkov, V. M. 1998, *Criminal subculture and its neutralization in correctional institutions of Russia: Sc.D thesis (Law)*, Moscow.
6. Barabanov, N. P. 2015, 'Criminal subculture of convicts in correctional institutions: "thieves in law", "thieves' groups", leaders of the criminal environment, criminal "authorities"', *Penal law*, iss. 1, pp. 17–25.

7. Shchekochikhin, Yu. & Gurov, A. 1988, 'The lion jumped', *Literaturnaya gazeta*, July 20.
8. Gurov, A. I. 1990, *Professional crime. The past and the present*, Moscow.
9. Gurov, A. I. & Ryabinin, V. N. 1991, *Confessions of a "thief in law"*, Moscow.
10. Gurov, A. I. 1989, "'Thieves in law' on the outside and in the zone", *At a combat post*, iss. 10.
11. Kutyakin, S. A. 2008, *Organization of the criminal opposition in the Russian penal system*, Ryazan.
12. Kutyakin, S. A. 2012, *Organization of counteraction to criminal opposition in the penal system*, Ryazan.
13. Samishchenko, S. S. 2003, *Modern fingerprinting (theory, practice and development trends): Sc.D thesis (Law)*, Moscow.
14. Samishchenko, S. S. 2001, *Atlas of unusual papillary patterns*, Jurisprudence, Moscow.
15. Samishchenko, S. S. 2004, *Modern fingerprinting: fundamentals and development trends: a course of lectures: textbook*, Polygraphprofi, Moscow.
16. Bozhchenkov, A. P., Ardashev, R. G. & Kitaev, N. N. 2025, *"Thieves in law" through the eyes of an investigator and an expert*, IGU Publishing House, Irkutsk.
17. Varygin, A. N. 2023, 'The personality of a modern criminal: changes, approaches to studying and influencing it', in *The personality of a criminal in a changing world (Dolgov readings): collection of materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference (Moscow, March 23–24, 2023)*, pp. 220–226, Moscow.
18. Shurukhnov, N. G. 1992, 'Informal differentiation in correctional labor institutions', *Sociological research*, iss. 7, pp. 73–83.
19. Paliashvili, A. A. 1963, 'On the issue of a statistical method for determining the identification value of papillary pattern details in fingerprint examination', *Voprosy kriminalistiki*, iss. 8–9(23–24), pp. 201–207.

Информация об авторах

Н. Г. Шурухнов – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник (НИИ ФСИН России), профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики (Академия ФСИН России);

А. В. Акчурин – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника академии по научной работе.

Information about the authors

N. G. Shurukhnov – Sc.D (Law), Professor, leading researcher (Research Institute of the FPS of Russia), professor of the criminal procedure and criminalistics department (Academy of the FPS of Russia);

A. V. Akchurin – Sc.D (Law), Associate Professor, deputy head of the academy for scientific work.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 13.12.2024; одобрена после рецензирования 18.01.2025; принята к публикации 28.11.2025.

The article was submitted 13.12.2024; approved after reviewing 18.01.2025; accepted for publication 28.11.2025.

ВЕКТОР УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья

УДК 343.9

doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.561-567

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВОВЛЕЧЕНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УЧАСТИЕ В ТЕЛЕФОННОМ МОШЕННИЧЕСТВЕ

Виталий Викторович Копылов¹, Олег Михайлович Прокофьев²

^{1,2} Тверской филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, г. Тверь, Россия

¹ kopylov_70@inbox.ru

² bimtim22@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются проблемы организации противодействия телефонному мошенничеству в нашей стране. Рассматриваются факторы, способствующие развитию киберпреступности, и последствия данного вида преступлений. Изучается новая тенденция в развитии телефонного мошенничества, связанная с активным вовлечением несовершеннолетних в участие в IT-преступлениях. Исследуются проблемы организации противодействия вовлечению несовершеннолетних в участие в телефонном мошенничестве в качестве дропов. Одной из проблем можно отметить недостаточную просветительскую работу в образовательных учреждениях по данному направлению. В конце статьи даются рекомендации.

Ключевые слова: IT-преступления, киберпреступность, телефонное мошенничество, несовершеннолетние, образовательные учреждения, дроп

Для цитирования

Копылов В. В., Прокофьев О. М. Проблемы организации противодействия вовлечению несовершеннолетних в участие в телефонном мошенничестве // Человек: преступление и наказание. 2025. Т. 33(1–4), № 4. С. 561–567. DOI: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.561-567.

MANAGEMENT VECTOR

Original article

THE PROBLEMS OF ORGANIZING COUNTERACTION TO THE INVOLVEMENT OF MINORS IN TELEPHONE FRAUD

Vitaly Viktorovich Kopylov¹, Oleg Mikhailovich Prokofiev²

^{1,2} Tver Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Tver, Russia

¹ kopylov_70@inbox.ru

² bimtim22@yandex.ru

Abstract. The article examines the problems of the organization of countering telephone fraud in our country. The factors contributing to the development of cybercrime and the consequences of this type of crime are considered. A new trend in the development of telephone fraud is being studied, related to the active involvement of minors in IT crimes. The article examines the problems of organizing counteraction to the involvement of minors in participating in telephone fraud as drops. One of the problems can be noted the insufficient educational work in educational institutions in this area. Recommendations are given at the end of the article.

Keywords: IT crimes, cybercrime, telephone fraud, minors, educational institutions, drop

For citation

Kopylov, V. V. & Prokofiev, O. M. 2025, 'The problems of organizing counteraction to the involvement of minors in telephone fraud', *Man: crime and punishment*, vol. 33(1–4), iss. 4, pp. 561–567, doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.561-567.

На протяжении более 20 лет в нашей стране не ослабевает общественный интерес к вопросам, связанным с организацией противодействия кибермошенничеству. Так, в 2024 г. киберпреступниками в России был установлен новый криминальный рекорд. Ущерб по итогам года от преступлений телефонных мошенников составил 68 млрд рублей, а по некоторым оценкам, – 200 млрд рублей (АППГ – 156 млрд руб.), и это притом, что банки за этот же период предотвратили осуществление мошеннических переводов на 13,5 трлн руб. (АППГ – 5,8 трлн руб.).

Телефонное мошенничество в нашей стране существенным образом эволюционировало и из разновидности IT-мошенничества превратилось в полноценную национальную угрозу с миллионами потерпевших граждан России (только за 2024 г. потерпевших 344 тыс. человек (АППГ – 113 тыс. человек) и миллиардами (168–200 млрд) рублей ущерба, которые переводятся за пределы России. В ряде случаев похищенные средства идут на содержание ВСУ (95 % мошеннических call-центров находится на территории Украины).

Ежедневно граждане России получают свыше 20 млн звонков от телефонных мошенников. Из 1,5 млрд звонков с незнакомых номеров на смартфоны 800 млн пришлось на нежелательные, причем 55 млн из них были заблокированы автоматически. Боль-

ше всего подобных нежелательных и мошеннических звонков пришлось на банковские услуги и мошенников, выдающих себя за сотрудников банков, за год их число увеличилось на четверть¹.

Число противоправных деяний в киберпространстве увеличилось более чем вдвое, их доля в общем массиве преступлений, совершенных на территории России, составляет около 40 %, по тяжким и особо тяжким составам – 60 %². Причем раскрываемость преступлений данного вида остается стабильно низкой и составляет около 23–25,9 %.

Невольно возникает вопрос: «Почему на протяжении стольких лет телефонное мошенничество в России стабильно растет и развивается, в чем причина такого положения дел»? На наш взгляд, данный вид киберпреступлений получил свое бурное развитие в нашей стране вследствие совокупности таких благоприятных для телефонного мошенничества факторов, как:

- недостаточный уровень профессиональной подготовки кадров и технического оснащения подразделений органов внутренних дел, обеспечивающих расследование и раскрытие киберпреступлений [3];

- невозможность оперативного своевременного получения государственными органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность, информации о прохождении телефонных соединений по сетям операторов связи;

- недостаточная вовлеченность банковского сообщества в организацию противодействия киберпреступности [3];

- высокая организация данного вида преступлений. Совершаются подобные преступления организованной преступной группой с четким распределением обязанностей, отлично технически оснащенной, их организаторы и участники глубоко законспирированы (только бесконтактные формы общения между собой), при совершении мошеннических действий применяются передовые достижения современных IT-технологий в сфере связи, имеется разветвленная сеть информаторов (осведомителей) в отделениях банков и отделениях связи [2];

- отсутствие единого органа, который бы организовывал, координировал, разрабатывал стратегии противодействия телефонному мошенничеству в различных сферах и направлениях, консолидировал усилия в вопросах противодействия телефонному мошенничеству. Только в 2022 г. было создано в структуре МВД России Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникативных технологий (УБК) (Указ Президента РФ от 30 сентября 2022 г. № 688). Оно было создано поздно, время было упущено, проблема необратимо разрослась в нашей стране и приняла катастрофические размеры. Как следствие предыдущей проблемы – межведомственная разобщенность, отсутствие единой стратегии противодействия телефонному мошенничеству, механизмов оперативного взаимодействия (информирования) правоохранительных органов, банковского сектора, операторов связи, образовательных организаций и т. п. В связи с этим Президент Российской Федерации В. В. Путин в качестве необходимых этапов по совершенствованию борьбы с киберпреступления-

¹ См.: Комитет Государственной Думы по информационной политике, информационным технологиям и связи : пояснительная записка к законопроекту. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/842276-8> (дата обращения: 20.08.2025).

² См.: За пять лет число киберпреступлений увеличилось более чем вдвое. URL: <https://news.rambler.ru/community/53474014-za-pyat-let-chislo-kiberprestupleniy-uvelichilos-bolee-chem-vdvoe> (дата обращения: 20.08.2025).

ми отметил, что «нужно наладить более четкое взаимодействие с банковским сообществом, интернет-провайдерами, операторами сотовой связи» [1];

– недостаточная информированность абонентов операторов подвижной радиотелефонной связи о получении телефонного звонка, совершаемого через сеть или поступающего из иностранного государства;

– креативность киберпреступников в организации телефонного мошенничества, новые подходы и способы совершения преступлений.

Телефонные мошенники не только используют последние достижения IT-технологий в сфере связи, отдельные технологии электросвязи, недостаточно урегулированное действующим законодательством в области связи (виртуальные АТС, SIM-боксы и т. д.), но и активно вовлекают в мошенническую деятельность детей и подростков.

Число киберпреступлений, совершенных несовершеннолетними, выросло в более чем 74 раза (в 2020 г. несовершеннолетними было совершено 54 преступления, в 2023 г. – 4000). Вовлечение несовершеннолетних в телефонное мошенничество существенно растет во многом благодаря тому, что подросткам свойственны такие качества, как неполнота сформированности собственных нравственных установок, отсутствие жизненного опыта, внушаемость, недостаточное прогнозирование последствий совершаемых действий, желание самоутвердиться и завоевать авторитет у ровесников, стремление получить «легкие» деньги для своих нужд [4]. Киберпреступники активно используют несовершеннолетних в качестве дропов или курьеров.

Дроп или дропер – это активный участник мошеннического call-центра. При совершении телефонного мошенничества дроп осуществляет обналачивание денег, полученных в результате мошенничества. Дроперы оформляют на себя банковские карты (их количество может достигать 20–30 штук) либо приобретают их у других граждан. На счета банковских карт, подконтрольных дропам, переводят похищенные у граждан денежные средства. Для обналачивания денежных средств могут использоваться как сами банковские карты, так и их виртуальные образы, созданные в электронных кошельках платежной системы «Payu» на смартфонах членов преступной группы. Дроперами в основном являются студенты (учащиеся, старшеклассники), которые оформляют банковскую карточку и за небольшую сумму передают эту карточку и все сведения о ней для последующих денежных переводов. Подбор дропов осуществляется через сайт ДаркНет, либо в чатах Telegram, либо среди знакомых. Так, дропер через некоторое время может сам стать дроповодом, рекрутировать в процесс обналачивания и оформления банковских карт новых дропов. Дропер получает свой процент от суммы обналаченных им денежных средств в качестве вознаграждения, а остальную часть при необходимости либо передает курьеру, либо делает «закладку» или вносит через другие терминалы на другой банковский счет или на счет электронного кошелька. Дроперы в ряде случаев осуществляют фиктивное оформление банковского счета с эмитированием платежной (банковской) карты в качестве электронного средства платежа к указанному счету и именно с этого счета забирают деньги, которые впоследствии обналачивают [2].

В настоящее время активно разрабатываются и реализуются меры по ликвидации каналов вывода похищенных средств с привлечением так называемых дропов, передающих злоумышленникам за денежное вознаграждение свои банковские карты и счета¹, разрабатываются способы по нейтрализации деятельности дропов.

¹ См.: Выступление В. Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/vystuplenie-vladimira-kolokoltseva-na-rasshirennom-zasedanii-kolleгии-mvd-rossii> (дата обращения: 20.08.2025).

По сведениям, предоставленным IT-специалистами Сбербанка, количество дропов (дроперов) в нашей стране, по разным подсчетам, от 500 тыс. до 2 млн человек. Эти цифры позволяют понять и увидеть всю глубину проблемы и осознать ее масштабы. С учетом того что в состав типового мошеннического call-центра входят организатор, куратор, звонари, дропы и курьеры, то получается, что около 2 млн преступников занимаются телефонным мошенничеством в отношении граждан России, из них около 1 млн преступников – это дроперы и курьеры, которые находятся на территории России и непосредственно обеспечивают перевод, обналичивание и доставку денежных средств, полученных в результате телефонного мошенничества. Как показывает статистика расследования уголовных дел по фактам совершения телефонного мошенничества, большинство из дропов – это несовершеннолетние граждане России. В связи с этим возникают вопросы: Как организована работа по противодействию вовлечению несовершеннолетних в участие в телефонном мошенничестве? Как организована работа в учебных заведениях по выявлению среди учащихся лиц, участвующих в мобильном мошенничестве (в качестве дропов, курьеров)? Разработаны ли алгоритмы оперативного информирования правоохранительных органов в случае выявления подобных фактов? Как осуществляется работа по профилактике мобильного мошенничества с подростками, их родителями и т. п.? Как налажено взаимодействие с отделами полиции ПДН по данному направлению? и ряд других вопросов.

По данному направлению разработан и направлен в образовательные организации ряд документов:

– письмо Министерства просвещения Российской Федерации от 4 октября 2024 г. № 12-849 «О направлении обзора распространенных схем мошенничества». Суть этого письма в том, что предлагается обзор наиболее распространенных схем мошенничества, среди которых махинации со счетами мобильных телефонов, сообщения о попавшем в беду родственнике и просьбы о помощи, сообщения о выигрыше в лотерею, телефонные вирусы, перевод денег на безопасный счет, обвинение в противозаконных действиях, фишинговые сайты, сообщение от руководителя, имитация голоса родных в аудиосообщениях¹;

– распоряжение Правительства РФ от 24 июня 2023 г. № 1667-р «Об утверждении комплекса мер по профилактике негативных социальных явлений в детской и молодежной среде на 2023–2025 гг.».

Данный комплекс мер предусматривает проведение различных семинаров, направленных на профилактику терроризма и экстремизма в молодежной среде, негативных социальных явлений при реализации молодежной политики и т. п., развитие сети центров информационной безопасности в регионах, создание центра компетенций в области профилактики негативных социальных явлений в детской и молодежной среде [URL: <https://www.pravo.gov.ru>. № 0001202306270034. 2023 (дата обращения: 20.08.2025)].

Образовательные учреждения перегружены различного рода указаниями, циркулярами и письмами о необходимости осуществления в отношении учащихся профилактических мероприятий по нейтрализации негативных явлений (профилактика терроризма и экстремизма, межнациональных и межконфессиональных конфликтов, неонацизма и национализма, потребления психотропных и наркотических веществ, девиантного поведения, распространения ВИЧ-инфекции, курения, алкоголизма и т. п.).

¹ См.: О направлении обзора распространенных схем мошенничества : письмо Министерства просвещения Российской Федерации от 4 октября 2024 г. № 12-849. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410419871/#review> (дата обращения: 20.08.2025).

Профилактические мероприятия по противодействию вовлечению несовершеннолетних в участие в телефонном мошенничестве стали одними из многих в этой череде указаний. В конечном итоге в образовательных учреждениях все мероприятия по профилактике вовлечения несовершеннолетних в телефонное мошенничество свелись к тому, что в рамках информационной безопасности учащимся разъясняются некоторые аспекты данного преступления.

Одним из способов противодействия вовлечению несовершеннолетних в участие в телефонном мошенничестве в качестве дропов предлагается введение уголовной ответственности за дроперство. Это достаточно радикальная, но явно избыточно суровая мера, так как, попав в места лишения свободы, несовершеннолетние не исправятся, а получат дополнительный криминальный опыт.

Просветительские меры – это самая эффективная форма воспитательного воздействия на несовершеннолетних для предотвращения совершения ими преступлений. На наш взгляд, проблема в том, что время для просветительских мероприятий в образовательных организациях упущено. Проблема разрослась и помимо просветительских мероприятий необходимы более эффективные и конкретные меры.

Непонятно почему до настоящего времени не разработаны и не приняты федеральные (региональные) программы по противодействию вовлечению несовершеннолетних в участие в телефонном мошенничестве, ведь телефонное мошенничество – это полноценная национальная угроза.

Киберпространство в нашей стране остается источником опасности и угроз для детей и молодежи. События 2016 г. это наглядно показали, именно тогда были зафиксированы группы смерти, всплеск самоубийств школьников. До настоящего времени проблема безопасности киберпространства не нашла своего разрешения, так как более 10,5 млн детей в России стали подписчиками групп смерти¹.

Как показывает практика, только совместными усилиями органов власти, системы образования, организаций гражданского общества и, конечно, профилактической работой органов МВД России можно снизить уровень подростковой преступности². Как отмечал В. В. Путин, «нужно и дальше делать все, чтобы защитить молодых людей от криминальных угроз, от втягивания в противоправную деятельность, в том числе в наркобизнес и киберпреступность»³.

Список источников

1. Копылов В. В., Субботин А. А. Проблемы и перспективы в организации борьбы с мобильным мошенничеством в России // Вестник экономической безопасности. 2024. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-v-organizatsii-borby-s-mobilnym-moshennichestvom-v-rossii> (дата обращения: 20.05.2025).

2. Копылов В. В., Прокофьев О. М., Калошина Ю. С. Особенности совершения дистанционных хищений денежных средств граждан с использованием метода социальной инженерии // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. URL: <https://vestnik.mvd.ru/>

¹ См.: Общественник Мизулина раскрыла число подписанных на «группы смерти» российских детей. URL: <https://yamal-media.ru/news/obschestvennik-mizulina-raskryla-chislo-podpisannyh-na-gruppy-smerti-rossijskih-detej> (дата обращения: 20.08.2025).

² См.: Расширенное заседание коллегии МВД. URL: https://radishevo.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti-193_1953.html (дата обращения: 20.08.2025).

³ Там же.

cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-soversheniya-distantsionnyh-hischeniy-denezhnyh-sredstv-grazhdan-s-ispolzovaniem-metoda-sotsialnoy-inzhenerii (дата обращения: 20.05.2025).

3. Копылов В. В., Анисимова Т. В., Прокофьев О. М. Анализ факторов, способствующих росту киберпреступности в банковском секторе Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-faktorov-sposobstvuyuschih-rostu-kiberprestupnosti-v-bankovskom-sektore-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 20.05.2025).

4. Кудрявцев В. Н., Эминов В. Е. Криминология : учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2012. 800 с.

References

1. Kopylov, V. V. & Subbotin, A. A. 2024, 'Problems and prospects in the organization of the fight against mobile fraud in Russia', *Bulletin of Economic Security*, iss. 2, viewed 20 May 2025, <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-v-organizatsii-borby-s-mobilnym-moshennichestvom-v-rossii>.

2. Kopylov, V. V., Prokofiev, O. M. & Kaloshina, Yu.S. 2022, 'Features of remote theft of citizens' funds using the method of social engineering', *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 3, viewed 20 May 2025, <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-soversheniya-distantsionnyh-hischeniy-denezhnyh-sredstv-grazhdan-s-ispolzovaniem-metoda-sotsialnoy-inzhenerii>.

3. Kopylov, V. V., Anisimova, T. V. & Prokofiev, O. M. 2021, 'Analysis of factors contributing to the growth of cybercrime in the banking sector of the Russian Federation', *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 5, viewed 20 May 2025, <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-faktorov-sposobstvuyuschih-rostu-kiberprestupnosti-v-bankovskom-sektore-rossiyskoy-federatsii>.

4. Kudryavtsev, V. N. & Eminov, V. E. 2012, *Criminology: textbook*, 5th edn, Norma, Moscow.

Информация об авторах

В. В. Копылов – кандидат юридических наук, профессор кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки;

О. М. Прокофьев – преподаватель кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки.

Information about the authors

V. V. Kopylov – PhD (Law), professor of the tactical-special, fire and physical training department;

O. M. Prokofiev – lecturer of the tactical-special, fire and physical training department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 14.05.2025; одобрена после рецензирования 10.07.2025; принята к публикации 28.11.2025.

The article was submitted 14.05.2025; approved after reviewing 10.07.2025; accepted for publication 28.11.2025.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ – ИСПРАВЛЕНИЕ

Научная статья

УДК 343.852

doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.568-579

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОГО ЗАДЕРЖАНИЯ, ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ И СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ

Дмитрий Борисович Чернышев¹

¹ Уральский юридический институт МВД России, г. Екатеринбург, Россия, sledstvient404@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2025-2286>

Аннотация. В статье приведены результаты исследования проблем квалификации преступлений, связанных с незаконным задержанием, незаконным заключением под стражу и содержанием под стражей. Рассмотрены имеющие значение для квалификации объективные и субъективные признаки преступления, предусмотренного статьей 301 Уголовного кодекса Российской Федерации. Отдельное внимание уделено анализу формы выражения общественно опасного деяния, установлению умысла на совершение данного преступления, а также кругу лиц, выступающих в качестве субъекта. Исследовано содержание признака «незаконное» по отношению к каждому виду деяния. Рассмотрены вопросы определения момента окончания преступления в случае выражения деяния в форме как активного действия, так и бездействия. Сделанные автором выводы проиллюстрированы примерами из судебной практики.

Ключевые слова: незаконное задержание, заключение под стражу, содержание под стражей, следователь, процессуальный порядок

Для цитирования

Чернышев Д. Б. Вопросы квалификации незаконного задержания, заключения под стражу и содержания под стражей // Человек: преступление и наказание. 2025. Т. 33(1–4), № 4. С. 568–579. DOI: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.568-579.

CRIME – PUNISHMENT – CORRECTION

Original article

ISSUES OF QUALIFICATION OF UNLAWFUL DETENTION

Dmitry Borisovich Chernyshev¹

¹ Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, sledstvient404@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2025-2286>

Abstract. The article presents the results of a study of the problems of qualification of crimes related to illegal detention, illegal detention and detention. The objective and subjective signs of a crime under Article 301 of the Criminal Code of the Russian Federation, which are important for qualification, are considered. Special attention is paid to the analysis of the form of expression of a socially dangerous act, the establishment of intent to commit this crime, as well as the circle of persons acting as the subject. The content of the sign "illegal" in relation to each type of act is investigated. The issues of determining the moment of the end of a crime are considered both in the case of expressing an act in the form of active action and inaction. The conclusions drawn by the author are illustrated by examples from judicial practice.

Keywords: illegal detention, detention, investigator, procedural procedure

For citation

Chernyshev, D. B. 2025, 'Issues of qualification of unlawful detention', *Man: crime and punishment*, vol. 33(1–4), iss. 4, pp. 568–579, doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4). 4.568-579.

Введение

Необходимость охраны конституционных прав человека в сфере отправления правосудия, в том числе путем установления уголовной ответственности за их нарушение, имеет глубокие исторические предпосылки, связанные с событиями первой половины XX века, когда в период организованных на территории СССР политических репрессий лицами, ответственными за соблюдение законности, допускались значительные злоупотребления, в результате чего тысячи людей понесли незаслуженное наказание [1, с. 35–37]. Государственная реакция в форме массовой реабилитации лиц, признанных жертвами политических репрессий в 1990-е годы, продемонстрировала несомненную необходимость существования в уголовном законодательстве норм, защищающих граждан от необоснованных и незаконных репрессивных проявлений в рамках уголовного судопроизводства. В связи с этим с момента принятия в 1996 г. Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) в нем содержится гл. 31 «Преступления против правосудия», включающая в себя ст. 301, предусматривающую ответственность за незаконные задержание, заключение под стражу, а также содержание под стражей. В настоящем исследовании предприняты попытки анализа и толкования признаков данной нормы при ее применении.

Материалы и методы

При проведении исследования применялось классическое сочетание общенаучного метода диалектического познания, а также частнонаучных методов анализа, обобщения,

и систематизации. В качестве эмпирических материалов использовались вступившие в силу обвинительные и оправдательные приговоры судов по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 301 УК РФ.

Результаты исследования и их обсуждение

Норма, предусмотренная ст. 301 УК РФ, являясь выражением уголовно-правовой оценки грубого нарушения уголовно-процессуального законодательства, общественная опасность которого является достаточной для его криминализации, по сути, содержит в себе два самостоятельных преступления, выражающих совершение двух процессуальных действий. Так, ч. 1 ст. 301 УК РФ устанавливает ответственность за незаконное применение меры процессуального принуждения в виде задержания, часть 2 содержит в себе нарушение при избрании и исполнении меры пресечения – заключение под стражу. При этом они сходны по объекту преступного посягательства и субъективной стороне. В связи с этим при описании объективной стороны содержание ч. 1 и 2 будет рассматриваться отдельно.

Видовым объектом рассматриваемого преступления являются общественные отношения, возникающие в рамках реализации органами государственной власти функций по осуществлению правосудия. Основной непосредственный объект можно определить как общественные отношения, связанные с применением должностными лицами органов государственной власти мер процессуального принуждения и пресечения в рамках осуществления уголовного судопроизводства. В качестве дополнительного объекта выступают конституционные права потерпевших на личную свободу и неприкосновенность [2, с. 137].

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 301 УК РФ, сформулирована в виде формального состава и предполагает уголовную ответственность за совершение общественно опасного деяния, которое выражается в заведомо незаконном задержании.

До вынесения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» в научных кругах велась дискуссия относительно юридической природы незаконного задержания, криминализованного в ч. 1 ст. 301 УК РФ. Так, некоторые ученые предлагали относить к данному общественно опасному деянию в том числе случаи применения должностными лицами незаконного административного задержания [3, с. 109]. В настоящее время Верховный Суд РФ разъяснил, что под незаконным задержанием следует понимать применение меры процессуального принуждения в виде задержания подозреваемого при отсутствии предусмотренных ст. 91 УПК РФ оснований и обязательных условий либо бездействие, выражающееся в умышленном непринятии уполномоченным должностным лицом установленных законом мер к освобождению лица, задержанного по подозрению в совершении преступления. Таким образом, применение по отношению к потерпевшему незаконного административного задержания не образует состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 301 УК РФ, и при наличии оснований должно квалифицироваться по ст. 286 УК РФ.

Рассуждая о содержании понятия «задержание», следует отметить, что оно может пониматься в двух значениях: «фактическое задержание» и «юридическое задержание». В первом случае речь идет о задержании лица по подозрению в совершении преступления, выражающемся в ограничении свободы лица на передвижение, и принудительном доставлении в орган государственной власти, осуществляющий уголовное преследо-

вание. На данном этапе уголовное дело о преступлении может еще не быть возбужденным либо по возбужденному уголовному делу может не быть составлен протокол задержания. Указанные действия сотрудников правоохранительных органов направлены на обеспечение производства по уголовному делу с целью лишения преступника возможности скрыться от правосудия [4, с. 84–85]. Юридически задержание связано с совершением процессуального действия, предусмотренного ст. 91, 92 УПК РФ. Задержание может осуществляться только после возбуждения уголовного дела и согласно п. 11 ст. 5 УПК РФ является мерой процессуального принуждения, применяемой на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления. Данная формулировка проводит границу между фактическим и юридическим задержанием, вводя дальнейшую процедуру в процессуальную плоскость, регламентирует последовательность действий по ограничению свободы лица. Целью его является обеспечить условия для выяснения причастности (или непричастности) подозреваемого к совершению преступления [3, с. 109]. Согласно ч. 1 ст. 91 УПК РФ основаниями для задержания лица являются обнаружение его в момент совершения преступления или непосредственно после его совершения, прямое указание на лицо как на совершившее преступление со стороны потерпевших либо очевидцев либо обнаружение на лице, одежде или в его жилище явных следов преступления. Мотивом задержания является объективное опасение должностного лица, что подозреваемый в случае нахождения на свободе может воспрепятствовать расследованию уголовного дела любым способом [5, с. 124]. Порядок задержания изложен в ст. 92 УПК РФ и предписывает обязательное составление протокола задержания с указанием времени фактического задержания. О факте задержания в течение 12 часов уведомляется прокурор. В случае возникновения оснований, перечисленных в ч. 1 ст. 94 УПК РФ (неподтверждение подозрения, отсутствие оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, выявленные нарушения в процедуре задержания), задержанное лицо подлежит незамедлительному освобождению. В связи с тем что п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ отождествляет юридическое задержание с фактом признания лица подозреваемым, а также с самим названием данной меры принуждения «задержание подозреваемого», ее применение до возбуждения уголовного дела недопустимо. Из этого можно сделать вывод о том, что задержание может быть осуществлено на стадии предварительного расследования, то есть при наличии возбужденного уголовного дела [6, с. 22].

С уголовно-процессуальной точки зрения задержание является законным при соблюдении всех условий, содержащихся в ст. 91, 92 УПК РФ. Однако что делает задержание незаконным? Согласно позиции Верховного Суда РФ незаконным является применение рассматриваемой меры процессуального принуждения при отсутствии указанных ранее оснований и условий. Незаконным задержанием также является бездействие, выражающееся в непринятии мер к освобождению лица в случае возникновения обстоятельств, перечисленных в ч. 1 ст. 94 УПК РФ. В частности, суд отмечает, что заведомо незаконным является задержание, произведенное при отсутствии возбужденного уголовного дела, если преступление, в котором подозревается задерживаемое лицо, не предусматривает в качестве наказания лишения свободы (например, ст. 139 УК РФ).

В качестве примера можно привести приговор Чертановского районного суда г. Москвы, вынесенный по ч. 1 ст. 301 УК РФ в отношении гр. Г. Судом установлено, что подсудимая, занимая должность начальника отделения дознания, в ходе расследования уголовного дела по факту серии краж велосипедов с целью оказания давления на потер-

певшего, занимающегося предпринимательской деятельностью, связанной со скупкой и перепродажей велосипедов, и склонения его к признанию в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 175 УК РФ, составила протокол о его задержании в порядке ст. 91, 92 УПК РФ по подозрению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 175 УК РФ. При этом уголовное дело по данному факту она не возбудила, в протоколе задержания она указала номер другого уголовного дела, не имеющего отношения к потерпевшему¹.

Исходя из перечисленных Верховным Судом РФ критериев незаконности задержания можно сделать вывод о том, что они основаны на фактических нарушениях принципов уголовно-процессуального законодательства, а не на формальном нарушении процедуры совершения конкретного процессуального действия. Таким образом, нарушение порядка задержания, установленного ст. 92 УПК РФ (например, ненаправление уведомления прокурору в установленный срок), при фактическом наличии оснований для задержания не образует объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 301 УК РФ.

Так, приговором Пермского областного суда от 21 ноября 2003 г. была оправдана гр. И., обвиняемая в том, что, являясь следователем, вынесла постановление о возбуждении уголовного дела по ч. 1 ст. 111 УК РФ в отношении гр. Ч. и в нарушение требований ст. 146 УПК РФ, не согласовав возбуждение уголовного дела с прокурором, приступила к производству предварительного следствия, в порядке ст. 91, 92 УПК РФ составила протокол задержания гр. Ч. по подозрению в совершении им преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ. На основании этого протокола он был помещен в изолятор временного содержания. На следующее утро гр. И. обратилась к прокурору за согласием на возбуждение уголовного дела, и в 11 часов прокурор дал согласие на возбуждение уголовного дела в отношении Ч. По мнению стороны обвинения, решение о наличии в деянии состава преступления оформляется постановлением следователя о возбуждении уголовного дела, которое должно быть согласовано с прокурором. И., не получив у прокурора согласия на возбуждение уголовного дела, незаконно задержала гр. Ч. Суд в своем решении отметил, что задержание гр. Ч. было законно, поскольку к этому были основания, предусмотренные законом, согласно которому задержание подозреваемого не ставится в зависимость от возбуждения против него уголовного дела².

Анализируя разъяснения Верховного Суда РФ о способах совершения рассматриваемого преступления, можно сделать вывод о том, что деяние может выразиться в форме как действия (составление протокола задержания), так и бездействия (непринятие мер по освобождению лица по основаниям, перечисленным в ст. 94 УПК РФ). Следует отметить, что общественно опасное деяние в форме действия всегда выражается в составлении протокола. Совершение действий, связанных с фактическим лишением лица возможности перемещаться в пространстве (например, удержание против его воли в кабинете оперативных сотрудников, следователя, в дежурной части), без составления протокола задержания подозреваемого объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 301 УК РФ, не образует и подлежит квалификации по ст. 286 УК РФ.

¹ См.: Приговор Чертановского районного суда г. Москвы от 25 сентября 2017 г. // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 2 февраля 2004 г. URL: <https://www.vsrfl.ru/files/10154> (дата обращения: 18.07.2025).

В связи с тем что общественно опасное деяние может выражаться в различных формах, необходимо определить момент окончания преступления в каждом из перечисленных случаев. Учитывая, что действие всегда выражается в составлении протокола задержания, преступление при таких условиях можно считать оконченным в момент подписания указанного протокола следователем, так как отсутствие в нем подписи подозреваемого (например, в случае отказа от подписания) не означает недействительность задержания. Некоторые авторы связывают момент окончания преступления с моментом помещения лица в изолятор временного содержания подозреваемых и обвиняемых [3, с. 111]. Тем не менее юридически лицо утрачивает право на свободное перемещение именно в момент составления протокола задержания. При этом не имеет значения, в течение какого времени после составления протокола лицо было фактически лишено возможности перемещаться.

Другая ситуация с определением момента окончания преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 301 УК РФ, совершенного путем бездействия. Как отметил Верховный Суд РФ, оно выражается в умышленном, несмотря на возникновение оснований для освобождения подозреваемого, непринятии мер по его освобождению. При этом характер таких мер определяется процессуальным положением субъекта. В частности, суд выделяет три группы должностных лиц, которые могут совершить указанное преступление путем бездействия в зависимости от их должности и процессуального статуса.

В первую группу входят дознаватель, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, следователь и руководитель следственного органа. Их обязанности – вынесение постановления об освобождении задержанного в случае, если им стали известны обстоятельства, перечисленные в ч. 1 ст. 94 УПК РФ, обязывающие их освободить задержанного. Полагаем, что временем окончания преступления при таких обстоятельствах является время получения указанными лицами соответствующих сведений, если они до истечения 48 часов с момента фактического задержания не приняли мер по освобождению подозреваемого путем вынесения соответствующего постановления. На практике может возникнуть трудность в установлении указанного момента. Полагаем, то в случае наличия основания, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 94 УПК РФ (неподтверждение подозрения в совершении преступления), данный момент определяется временем составления либо получения лицом процессуального документа, закрепляющего доказательства непричастности подозреваемого (например, заключение эксперта, протокол допроса свидетеля). Если основанием освобождения является установление отсутствия основания для задержания либо нарушение при задержании требований ст. 91 УПК РФ, то временем совершения преступления является момент получения этих сведений. Такая ситуация может возникнуть, когда уголовное дело, в котором имеются подобные основания для освобождения подозреваемого, было изъято руководителем следственного органа, начальником подразделения дознания, начальником органа дознания от другого сотрудника и передано для производства предварительного расследования. В таком случае моментом совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 301 УК РФ, в форме бездействия является момент вынесения следователем либо дознавателем постановления о принятии уголовного дела к производству. Руководитель следственного органа, начальник органа дознания и начальник подразделения дознания обязаны вынести постановление об освобождении подозреваемого в момент изъятия уголовного дела у следователя либо дознавателя, этим моментом определяется время окончания преступления. В соответствии с ч. 2

ст. 94 УПК РФ указанные лица обязаны освободить подозреваемого по истечении 48 часов с момента фактического задержания в случае, если в отношении его не была избрана мера пресечения в виде содержания под стражей либо судом не был продлен срок задержания. Освобождение осуществляется путем составления соответствующего постановления и направления его в место содержания. В случае неисполнения данной обязанности момент окончания преступления определяется временем ее возникновения, то есть временем истечения 48 часов фактического задержания (в условиях военного положения – 30 суток)¹.

Второй вид субъектов, которые могут совершить преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 301 УК РФ, путем бездействия – начальники места содержания подозреваемых. Задержанные лица содержатся в специальных помещениях под охраной сотрудников полиции в условиях, исключающих угрозу их жизни и здоровью². К таким учреждениям относятся изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел; изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых пограничных органов федеральной службы безопасности, гауптвахты, а также места, определяемые капитанами морских судов и начальниками зимовок (в случаях, установленных УПК РФ)³. Начальник такого учреждения обязан незамедлительно освободить содержащееся в нем лицо в случае получения постановления об освобождении либо по истечении срока 48 часов с момента фактического задержания, отраженного в протоколе задержания, если в отношении подозреваемого судом не была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу либо не продлен срок задержания. Таким образом, в случае невыполнения им указанной обязанности преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 301 УК РФ, окончено с момента получения им постановления об освобождении либо в момент истечения 48 часов фактического задержания.

Третий вид субъекта, который может совершить преступное бездействие, образующее объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 301 УК РФ, – прокурор. Согласно ст. 33 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» прокурор в рамках реализации надзорных функций уполномочен посещать места содержания лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления, в том числе проверять законность их задержания и нахождения в учреждении⁴. В случае установления оснований для освобождения задержанного прокурор (заместитель прокурора) обязан незамедлительно вынести постановление об освобождении подозреваемого. Следовательно, если прокурор при наличии оснований для освобождения лица не вынес соответствующее постановление, то преступление следует считать оконченным с момента получения прокурором таких сведений.

¹ См.: О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 31 июля 2023 г. № 396-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_453251/3d0cac60971a511280cbb229d9b6329c07731f7/#dst100013 (дата обращения: 25.07.2025).

² См.: Об утверждении Положения об условиях содержания, нормах питания и порядке медицинского обслуживания задержанных лиц в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации : постановление Правительства Рос. Федерации от 16 апреля 2012 г. № 301. URL: <https://rg.ru/documents/2012/04/23/soderzhaniye-dok.html> (дата обращения: 25.07.2025).

³ См.: О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : федер. закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7270 (дата обращения: 25.07.2025).

⁴ См.: О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон от 17 января 1992 г. № 2202-1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262 (дата обращения: 25.07.2025).

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 301 УК РФ, выражается в форме прямого умысла, на что указывает признак заведомости. Так, субъект должен осознавать, что у него отсутствуют основания для задержания, либо что задержание осуществляется при отсутствии возбужденного уголовного дела, либо что лицо задерживается по подозрению в совершении преступления, не предусматривающего наказание в виде лишения свободы, и желает совершить такие действия. Мотивы незаконного задержания квалифицирующего значения не имеют.

В качестве примера можно привести оправдательный приговор, вынесенный судом Еврейской автономной области 31 мая 2002 г. в отношении бывшего следователя гр. П. Подсудимая обвинялась в том, что в ходе расследования уголовного дела в отношении гр. Н. по факту кражи телевизора задержала его в порядке ст. 91, 92 УПК РФ, отметив в протоколе основание задержания, предусмотренное п. 2 ч. 1 ст. 91 УПК РФ, а именно указание на него потерпевших и очевидцев как на лицо, совершившее преступление. Вместе с тем согласно материалам уголовного дела никто из очевидцев прямо не указал на гр. Н. как на лицо, совершившее кражу, имевшийся свидетель дал показания, что гр. Н. продал ему данный похищенный телевизор. Суд отметил, что гр. П. действовала с учетом своего профессионального опыта, добросовестно полагая, что, задерживая Н., она поступает в соответствии с законом. Убеждение П. как следователя в причастности Н. к преступлению с учетом конкретных обстоятельств дела при его задержании исключает в ее действиях признак заведомости незаконного задержания¹.

Субъектами данного преступления, как упоминалось выше, могут являться следователь, дознаватель, руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, прокурор, а также начальник места содержания подозреваемого.

Диспозиция ч. 2 ст. 301 УК РФ имеет существенные отличия от ч. 1 в первую очередь по характеру совершенного общественно опасного деяния, которое сформулировано в виде заведомо незаконного заключения под стражу и содержания под стражей. Исходя из формы выражения деяния определяется также субъект преступления.

Заключение под стражу, в отличие от задержания подозреваемого, является мерой пресечения, при этом из всех перечисленных в ст. 98 УПК РФ она наиболее тяжкая, в связи с чем право на ее избрание передано суду. Заключение под стражу может применяться только по уголовным делам о преступлениях, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок более 3 лет (иными словами, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие), при этом в качестве условия в ч. 1 ст. 108 УПК РФ указано отсутствие возможности применения иной, более мягкой, меры пресечения. Для избрания в отношении лица меры пресечения в виде заключения под стражу оно должно находиться в статусе подозреваемого либо обвиняемого по уголовному делу.

Поводом для избрания судом меры пресечения в виде заключения под стражу является поступление в суд мотивированного ходатайства следователя, согласованного с руководителем следственного органа, либо ходатайства дознавателя, согласованного с прокурором (ч. 3 ст. 108 УПК РФ). Ходатайство рассматривается судьей единолично с обязательным участием прокурора, подозреваемого (обвиняемого), защитника. При рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения судья исследует наличие законных оснований, перечисленных в ст. 97 УПК РФ, а также невозможность приме-

¹ См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 февраля 2003 г. URL: <https://www.vsrfl.ru/files/9974> (дата обращения: 25.07.2025).

нения иной, более мягкой, меры пресечения¹. Незаконным заключением под стражу является принятия такого решение судьей при отсутствии оснований, указанных в ст. 97 УПК РФ, либо избрание такой меры пресечения в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести (за исключением случаев, предусмотренных пп. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ); либо при наличии возможности для избрания иной, более мягкой, меры пресечения. При оценке обоснованности вынесенного следователем либо дознавателем ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу судья руководствуется принципом свободы оценки доказательств, руководствуясь внутренним убеждением, законом и совестью (ст. 17 УПК РФ). В связи с этим трудно определить формальные границы достаточности доказательств, нарушение которых делает решение судьи незаконным. Полагаем, что одним из фактов, указывающих на незаконный характер принятого решения, является его отмена в апелляционном порядке в соответствии с ч. 11 ст. 108 УПК РФ. Однако такое решение само по себе не предопределяет наличие в действиях судьи, вынесшего постановление об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей, признаков преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 301 УК РФ, так как необходимо установить также признаки субъективной стороны преступления – прямой умысел, на который указывает содержащийся в диспозиции нормы признак заведомости. Так, незаконное решение о заключении под стражу может быть принято судьей на основании недостоверных сведений, содержащихся в ходатайстве следователя (дознавателя), и сопровождающих его материалов уголовного дела. В таком случае судья подлежит уголовной ответственности по ч. 2 ст. 301 УК РФ. Следователь (дознаватель), направивший судье ходатайство об избрании меры пресечения, содержащее заведомо недостоверные сведения об обстоятельствах, имеющих значение для принятия судом решения, также не может нести ответственность по ч. 2 ст. 301 УК РФ, так как он не имеет самостоятельных полномочий для принятия решения о заключении под стражу. При наличии достаточных данных такие действия следователя (дознавателя) подлежат квалификации по ст. 286 и 292 УК РФ [2, с. 139].

Второй вид деяния, составляющего объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 301 УК РФ, – незаконное содержание под стражей. Указанное деяние может совершаться как в форме действия, так и в форме бездействия. В первом случае субъектом указанного преступления выступает судья, вынесший заведомо незаконное постановление о продлении срока содержания под стражей. Согласно ч. 2 ст. 109 УПК РФ в случае, если закончить предварительное следствие в срок 2 месяца не представляется возможным и основания для применения меры пресечения в виде заключения под стражу не отпали, суд по ходатайству следователя, согласованному с руководителем следственного органа, а также по ходатайству дознавателя, согласованного с прокурором, может продлить срок содержания под стражей до 6 месяцев (в отдельных случаях до 12 месяцев). При этом основания и условия для продления меры пресечения те же, что и для ее первоначального применения, и указаны в ч. 1 ст. 97 и ч. 1 ст. 108 УПК РФ. Следовательно, признаки незаконности аналогичны тем, что были перечислены при описании незаконного заключения под стражу: принятие такого решения судьей при отсутствии оснований, указанных в ст. 97 УПК РФ, либо избрание такой меры пресечения в

¹ См.: О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184 (дата обращения: 25.07.2025).

отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести (за исключением случаев, предусмотренных пп. 1–4 ч. 1 ст. 108 УК РФ), либо при наличии возможности для избрания иной, более мягкой, меры пресечения. Как и незаконное заключение под стражу, незаконное продление срока содержания под стражей, совершенное судьей под влиянием заблуждения, вызванного недостоверными сведениями, содержащимися в ходатайстве следователя (дознателя), не образует состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 301 УК РФ. Соответственно следователь и дознаватель, предоставившие ходатайство о продлении срока содержания под стражей и сопутствующие материалы, содержащие заведомо недостоверные сведения, подлежат ответственности по ст. 286, 292 УК РФ.

Незаконное содержание под стражей может выражаться в форме бездействия, то есть в невыполнении должностным лицом обязанности по освобождению лица, заключенного под стражу, в случаях, когда такое освобождение является обязательным. К таким случаям может относиться неисполнение начальником места содержания под стражей постановления об освобождении подозреваемого (обвиняемого), а также неисполнение обязанности по освобождению лица при истечении определенного постановлением суда срока содержания под стражей, указанной в ст. 50 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

Статья 110 УК РФ предусматривает еще одно основание для освобождения лица из-под стражи – выявление у подозреваемого или обвиняемого тяжелого заболевания, препятствующего его содержанию под стражей и удостоверенного медицинским заключением. Решение об изменении меры пресечения в виде заключения под стражу на более мягкую принимается следователем, дознавателем или судом не позднее 3 суток с момента получения копии соответствующего медицинского заключения. Таким образом, неисполнение ими данного требования также может образовывать объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 301 УК РФ, в форме бездействия.

Момент окончания преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 301 УК РФ, определяется в зависимости от характера совершенного деяния. В случае совершения судьей заведомо незаконного заключения под стражу преступление окончено в момент вынесения соответствующего постановления. В случае совершения судьей действия, связанного с незаконным содержанием под стражей, преступление окончено в момент вынесения постановления о продлении срока содержания под стражей. Действия начальника места содержания под стражей, связанные с заведомо незаконным содержанием под стражей, квалифицируются как оконченное преступление в момент истечения установленного судом срока содержания под стражей либо в момент получения постановления об освобождении подозреваемого (обвиняемого), которое им не было исполнено. Действия следователя, дознавателя либо суда, связанные с невыполнением обязанности по освобождению лица по основанию, предусмотренному ч. 1.1 ст. 110 УК РФ (выявление тяжкого заболевания, препятствующего содержанию под стражей), квалифицируются как оконченное преступление по истечении 3 суток с момента получения соответствующего медицинского заключения. Время незаконного содержания лица под стражей для квалификации по ч. 2 ст. 301 УК РФ значения не имеет.

В связи с прямым указанием в диспозиции нормы на признак заведомости можно сделать вывод о том, что указанное преступление может быть совершено только с прямым умыслом. Отсутствие правовых оснований для заключения под стражу, наличие оснований для освобождения лица (либо препятствующих дальнейшему содержанию

под стражей) должны быть очевидны для субъекта в момент совершения действия либо бездействия.

Субъект преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 301 УК РФ, – лицо, уполномоченное уголовно-процессуальным законодательством принимать решение о заключении под стражу (судья) либо о продолжении содержания под стражей (судья, следователь, дознаватель, начальник места содержания под стражей).

Диспозиция ч. 3 ст. 301 УК РФ касается материального состава и определяет уголовную ответственность за действия, предусмотренные ч. 1, 2 этой статьи, повлекшие за собой тяжкие последствия. Перечень последствий указанных действий, которые следует расценивать как тяжкие, приведен в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» и включает в себя наступление по неосторожности смерти потерпевшего, самоубийство или покушение на самоубийство потерпевшего, наступление у него тяжкого заболевания, причинение крупного материального ущерба, связанного с утратой принадлежащего имущества либо права на имущество. На основании формулировки данного пункта перечень тяжких последствий является закрытым. Для квалификации по ч. 3 ст. 301 УК РФ необходимо установление причинно-следственной связи между действиями субъекта и наступившими последствиями. Исходя из буквального толкования данного перечня можно сделать вывод о том, что самоубийство близких потерпевшему лиц и наступление у них тяжких заболеваний диспозицией ч. 3 ст. 301 УК РФ не охватывается.

Выводы

Таким образом, в различных частях ст. 301 УК РФ содержатся признаки нескольких отдельных преступлений, отличающихся как по форме выражения общественно опасного деяния, так и по субъекту. Говоря о незаконном задержании, следует отметить, что деяние заключается именно в юридическом задержании, а не в фактическом, причем незаконность выражается в отсутствии соответствующих оснований для задержания потерпевшего, а не в формальном нарушении процедуры. Субъектом незаконного заключения под стражу является лицо, непосредственно принимающее решение о заключении потерпевшего под стражу (судья), а субъектами незаконного содержания под стражей – лица, не исполняющие обязанности по освобождению потерпевшего, когда данные действия предписаны им законом. Во всех случаях задержания и заключения под стражу следует устанавливать осознание субъектом незаконности таких действий.

Список источников

1. Степанов М. Г. Репрессивная политика советского государства в 1939–1953 гг. (на материалах Хакасии) : дис. ... канд. ист. наук. Абакан, 2005. 219 с.
2. Махнева А. Д. Незаконное задержание, заключение или содержание под стражей // *Союз криминалистов и криминологов.* 2019. № 4. С. 136–144.
3. Метельский П. С. Уголовно-правовая характеристика незаконных задержания, заключения под стражу или содержания под стражей (статья 301 УК РФ) // *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Право.* 2010. Т. 6, № 2. С. 109–120.
4. Байсалуева Э. Ф. Незаконность задержания как основание привлечения к ответственности по части 1 статьи 301 УК РФ // *Вестник Сибирского юридического института МВД России.* 2018. № 4(33). С. 83–87.

5. Толманов А. Н. Цели и мотивы задержания подозреваемого: понятие, характеристика и назначение // Вопросы взаимодействия правоохранительных органов и их подразделений при раскрытии и расследовании преступлений : сб. тр. межвед. круглого стола / под общ. ред. С. В. Клещева, Ю. В. Сидорова, Д. О. Туманова, Е. А. Доценко. Тверь, 2022. С. 123–126.

6. Борков В. Н. Заведомо незаконное задержание как специальный вид должностного злоупотребления // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 1(50). С. 20–25.

References

1. Stepanov, M. G. 2005, *The repressive policy of the Soviet state in 1939–1953 (based on the materials of Khakassia): PhD thesis (Historical Sciences)*, Abakan.

2. Makhneva, A. D. 2019, 'Illegal detention, imprisonment or detention', *Union of Criminologists and Criminologists*, iss. 4, pp. 136–144.

3. Metelsky, P. S. 2010, 'Criminal and legal characteristics of illegal detention, detention or detention (Article 301 of the Criminal Code of the Russian Federation)', *Bulletin of Novosibirsk State University, Series Law*, vol. 6, iss. 2, pp. 109–120.

4. Baisalueva, E. F. 2018, 'Illegality of detention as a basis for prosecution under part 1 of Article 301 of the Criminal Code of the Russian Federation', *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 4(33), pp. 83–87.

5. Tolmanov, A. N. 2022, 'Goals and motives for the detention of a suspect: concept, characteristics and purpose', in S. V. Kleshchev, Yu. V. Sidorov, D. O. Tumanov & E. A. Dotsenko (eds), *Issues of interaction between law enforcement agencies and their units in the detection and investigation of crimes*, pp. 123–126, Tver.

6. Borkov, V. N. 2023, 'Knowingly illegal detention as a special type of official abuse', *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 1(50), pp. 20–25.

Информация об авторе

Д. Б. Чернышев – кандидат юридических наук, старший преподаватель.

Information about the author

D. B. Chernyshev – PhD (Law), senior lecturer.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 29.07.2025; одобрена после рецензирования 10.09.2025; принята к публикации 28.11.2025.

The article was submitted 29.07.2025; approved after reviewing 10.09.2025; accepted for publication 28.11.2025.

Научная статья

УДК 343.847

doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.580-588

РАЗВИТИЕ ТЕХНОЛОГИЙ КОНТРОЛЯ ЗА ОСУЖДЕННЫМИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Надежда Андреевна Силантьева¹

¹ Сургутский государственный университет, г. Сургут, Россия, nade2010@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0001-0043-877X>

Аннотация. Предметом исследования являются эволюция и модернизация цифровых технологий контроля за осужденными, отбывающими наказание, не связанное с лишением свободы, в контексте исторического и правового развития уголовно-исполнительной системы. Объектом исследования выступают процессы внедрения и использования цифровых технологий как в российской, так и в международной практике. Анализируется влияние научно-технического прогресса, социально-экономических факторов и государственной политики на формирование электронного мониторинга. Особое внимание уделяется сравнению отечественного и зарубежного опыта, включая практики США, Великобритании и стран Европейского союза. Рассматриваются ключевые проблемы внедрения цифровых средств надзора в России, а также перспективы их дальнейшего совершенствования с учетом мировых тенденций. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на реализуемые стратегии, масштабы применения цифрового мониторинга в России пока значительно уступают практике западных стран, где электронный контроль осужденных стал неотъемлемым элементом уголовной политики. Для успешной интеграции современных технологий в отечественную уголовно-исполнительную систему необходимо восполнение существующих нормативных пробелов, модернизация технической инфраструктуры, а также адаптация зарубежного опыта с учетом национальных правовых и институциональных особенностей.

Ключевые слова: электронный мониторинг, уголовно-исполнительная система, цифровые технологии, контроль за осужденными, правовое регулирование

Для цитирования

Силантьева Н. А. Развитие технологий контроля за осужденными: историко-правовой анализ // Человек: преступление и наказание. 2025. Т. 33(1–4), № 4. С. 580–588. DOI: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.580-588.

Original article

DEVELOPMENT OF TECHNOLOGIES FOR MONITORING CONVICTS: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

Nadezhda Andreevna Silantieva¹

¹ Surgut State University, Surgut, Russia, nade2010@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-0043-877X>

Abstract. The subject of the study is the evolution and modernization of digital technologies for monitoring convicts serving non-custodial sentences in the context of the historical and legal development of the penal system. The object of the research is the processes of introduction and use of digital technologies in both Russian and international practice. The influence of scientific and technological progress, socio-economic factors and government policy on the formation of electronic monitoring is analyzed. Special attention is paid to the comparison of domestic and foreign experience, including the practices of the USA, Great Britain and the countries of the European Union. The key problems of introducing digital surveillance tools in Russia, as well as the prospects for their further improvement, taking into account global trends, are considered. The conducted research allows us to conclude that, despite the strategies being implemented, the scale of digital monitoring in Russia is still significantly inferior to the practice of Western countries, where electronic monitoring of convicts has become an integral element of criminal policy. For the successful integration of modern technologies into the domestic penal system, it is necessary to fill existing regulatory gaps, modernize the technical infrastructure, as well as adapt foreign experience, taking into account national legal and institutional characteristics.

Keywords: electronic monitoring, penal system, digital technologies, control over convicts, legal regulation

For citation

Silantyeva, N. A. 2025, 'Development of technologies for monitoring convicts: historical and legal analysis', *Man: crime and punishment*, vol. 33(1–4), iss. 4, pp. 580–588, doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.580-588.

В выступлении на Петербургском международном экономическом форуме в 2023 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил, что Россия является одной из ведущих стран в сфере цифровизации, охватывающей как гражданскую, так и административную сферы¹. Этот процесс затрагивает и уголовно-исполнительную систему (УИС), в которой цифровые технологии становятся не только инструментом контроля за осужденными, отбывающими наказание, не связанное с лишением свободы, но и важным фактором модернизации всей системы исполнения наказаний. Понимание сущности цифрового мониторинга и его исторического развития необходимо для объективной оценки влияния этих технологий на уголовную политику, правосудие и права человека

¹ См.: Путин В. В. назвал Россию одним из мировых лидеров в области цифровизации. URL: <https://www.kp.ru/online/news/5319482>.

в условиях стремительной цифровой трансформации. Следует отметить, что средства цифрового слежения за осужденными прошли длительный путь развития, отражая изменения в социально-экономической, политической и технологической сферах.

До появления цифровых технологий государства использовали различные механизмы отслеживания лиц, избежавших тюремного заключения, но находившихся под надзором властей. Во многих европейских странах, а также в Российской империи применялась система поручительства, при которой осужденного передавали на поруки третьему лицу или общине. При этом «пределы применения поручительства по Своду законов состояли в тяжести совершенного преступления, а именно ст. 880 гласила о том, что «отдача на поруки допускалась лишь по таким преступлениям, по которым не предусмотрено тяжкого наказания» [1, с. 129].

Некоторые государства внедряли системы идентификации правонарушителей с использованием специальных документов или меток. Как справедливо заметила И. А. Дзугова, «одним из краеугольных вопросов успешности уголовного преследования был вопрос об идентификации личности» [2, с. 79]. В ряде стран преступников, избежавших заключения, клеймили. Наложение клейма было сохранено и в Своде законов Российской империи 1832 и 1842 годов, и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года [3, с. 104].

Впоследствии в Англии стали применяться методы надзора над освобожденными каторжниками, а в 1860-х годах начали внедрять систему пробации, при которой осужденные обязаны были регулярно отчитываться перед инспекторами пробации. В 1907 г. этот надзор получил законодательную основу, которая позволяла судам назначать и нанимать сотрудников службы пробации [4, с. 137].

Франция и Германия в XIX в. внедрили систему регистрации бывших преступников, предполагающую обязательную явку в полицию через установленные промежутки времени. Россия ввела письменную регистрацию в 1870 г. [3, с. 107]. Этот метод можно считать прообразом современных систем электронного мониторинга, при которых осужденные обязаны регулярно подтверждать свое местоположение.

В США одним из первых методов контроля над преступниками, избежавшими тюрьмы, стала система условно-досрочного освобождения и пробации, введенная в середине XIX века. Надзор осуществлялся с помощью личных встреч с инспекторами, а позднее через телеграфные сообщения между правоохранительными органами разных штатов. Тогда же стало очевидным, что надзор без лишения свободы требует гораздо меньших расходов, чем надзор в исправительном учреждении, и что он более эффективен [5, с. 122].

После Октябрьской революции 1917 г. контроль за осужденными в России претерпел кардинальные изменения. Формирование новой уголовно-исполнительной системы происходило на фоне социально-экономических потрясений, политической нестабильности и смены концептуального подхода к наказаниям. В условиях социалистического государства наказание за преступления приобрело карательный и идеологический характер, где преступник воспринимался не только как нарушитель закона, но и как потенциальный враг государства: «Гражданин, который совершит преступление, разрывает свой союз с обществом, а поэтому перестает быть гражданином этого общества. Такой человек становится врагом общества, и поэтому государство может поступать против преступника как против своего врага...» [6, с. 107].

В западных странах развитие технологий контроля за осужденными шло иным путем. Здесь главным вектором развития стало стремление к индивидуализации наказания,

что обусловило внедрение пробационных систем, альтернативных форм контроля и в конечном итоге электронного мониторинга.

Советский Союз пошел по пути тотального контроля за осужденными, что особенно отчетливо проявилось в создании системы исправительно-трудовых лагерей (ГУЛАГ) [7, с. 108]. Несмотря на отсутствие цифровых технологий, учет заключенных был организован с высокой степенью детализации. Применение перфокарт и картотечных систем, разработанных в 1930-е годы, позволило осуществлять централизованное ведение данных о заключенных, их передвижениях и трудовой деятельности. На наш взгляд, этот период можно рассматривать как уверенный переход к созданию автоматизированных систем надзора, пусть и не в цифровом формате, но с четкой структурой хранения и обработки информации. После смерти Сталина и ликвидации ГУЛАГа в 1950-е годы система надзора за осужденными была реформирована. Одним из ключевых рычагов трудового перевоспитания в советской тюрьме являлась возобновленная в 1954 г. практика условно-досрочного освобождения, были внедрены также новые механизмы учета, основанные на использовании компьютерных технологий [8, с. 760].

В 1960–1970 гг. в МВД СССР начали появляться первые компьютеризированные базы данных преступников [9, с. 424]. Внедрение компьютеров в деятельность правоохранительных органов позволило более эффективно анализировать информацию, но говорить о полноценном цифровом мониторинге еще не приходилось.

В 1980-е годы в Советском Союзе были предприняты первые попытки создания автоматизированных систем слежения за осужденными [10, с. 19]. В этот период разрабатывались технологии радиочастотного мониторинга для отслеживания передвижений условно осужденных, но до полноценного внедрения этих решений в практику дело так и не дошло. Советская пенитенциарная система по-прежнему придерживалась традиционных методов наблюдения.

В отличие от СССР, в западных странах развитие технологий контроля за осужденными происходило в рамках либеральных реформ уголовного правосудия. В США еще в 1920-х годах началась разработка централизованных систем учета преступников, что привело к созданию Федерального бюро расследований (англ. Federal Bureau of Investigation, FBI) и его первых национальных баз данных [11, с. 31].

Существенный прорыв произошел в 1983 г., когда начались первые эксперименты с электронными средствами контроля. Судья Дж. Лав из города Альбукерке предложил предпринимателю М. Госсу создать систему для наблюдения за группой осужденных. В результате был разработан первый электронный браслет, который передавал сигнал на приемник, установленный в доме правонарушителя. В случае попытки снять браслет или выйти за пределы разрешенной зоны система автоматически отправляла сигнал тревоги в полицию [12]. Спустя год компания Controlled Activities Corporation запустила серийное производство подобных устройств, а компания Digital Products Corporation представила усовершенствованный вариант браслета, который не требовал регулярной замены батареи. Судебные органы одобрили эксперимент по их использованию [13].

В Великобритании и Франции обсуждение возможности применения электронного контроля началось в 1981 г., однако на практике он был внедрен только в 1990-х годах. По мнению И. Н. Медведевой, одной из причин возникновения и развития технологий электронного мониторинга в 1980–1990-е годы в большинстве стран можно назвать переполненность тюрем в результате чрезмерного применения тюремного заключения [14, с. 328].

После распада Советского Союза криминогенная обстановка в России и странах СНГ резко ухудшилась, что привело к необходимости реформирования уголовно-исполнительной системы [15, с. 211]. Прежняя система, основанная на строгих карательных мерах, оказалась неэффективной в условиях глубокого экономического кризиса и массовой преступности. Переполненность мест лишения свободы и значительные затраты на содержание осужденных требовали поиска альтернативных подходов к исполнению наказаний. В то же время в странах Запада, особенно в США, уже активно применялись более сложные системы слежения, включая биометрические устройства, способные распознавать голос, лицо или отпечатки пальцев. Эти технологии позволяли существенно снизить нагрузку на пенитенциарные учреждения, обеспечивая при этом эффективный контроль за осужденными [16, с. 207].

Российские ученые и практики изучали зарубежный опыт, в частности электронный мониторинг в США и странах Европы. В первой половине 1990-х годов в научных публикациях начали появляться предложения о внедрении электронных браслетов для контроля лиц, освобожденных условно-досрочно или осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы. Однако на практике такие инициативы реализованы не были, во многом из-за экономических трудностей и отсутствия соответствующей нормативно-правовой базы.

Ключевым этапом стала вторая половина 2000-х годов. В этот период Европейский союз предоставил России финансовую поддержку в виде гранта, целью которого было содействие в развитии системы электронного мониторинга осужденных. В рамках инициативы российские специалисты получили возможность изучить опыт европейских стран, где электронные браслеты уже зарекомендовали себя как эффективный инструмент надзора. Одним из ключевых направлений реализации проекта стало тестирование электронных средств контроля в пилотных регионах России. Для этого были закуплены современные устройства, оснащенные системой спутникового слежения GPS и радиочастотными технологиями. Эти устройства позволяли в режиме реального времени отслеживать местоположение осужденных и фиксировать любые попытки нарушения установленных ограничений [17, с. 125].

Принципиальное значение для дальнейшего развития технологий контроля за осужденными имел Федеральный закон от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы», который внес поправки в ст. 60 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, предоставив уголовно-исполнительным инспекциям полномочия в использовании аудиовизуальных, электронных и иных технических средств для контроля за осужденными, отбывающими наказание в виде ограничения свободы.

Не менее существенную роль в развитии данной сферы сыграла принятая в 2010 г. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, в рамках которой были определены основные направления использования системы электронного мониторинга, включая контроль за осужденными и подозреваемыми, находящимися под домашним арестом или под запретом определенных действий.

Перечень технологических средств, применяемых в системе, был определен постановлением Правительства Российской Федерации от 31 марта 2010 г. № 198 «Об утверждении перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств

надзора и контроля, используемых уголовно-исполнительными инспекциями для обеспечения надзора за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы». Важнейшим элементом системы электронного мониторинга являлся электронный браслет, который фиксировал перемещения осужденных и был защищен от несанкционированного снятия. Его сигналы принимались контрольными устройствами, которые были двух видов: стационарными и мобильными, что давало возможность отслеживать перемещения осужденных как в определенной зоне, так и за ее пределами.

Таким образом, благодаря поддержке Европейского союза и применению современных технологий, в России была создана система электронного мониторинга осужденных. Она не только обеспечила соблюдение установленных ограничений, но и способствовала сокращению числа повторных преступлений, одновременно снизив нагрузку на пенитенциарные учреждения. Однако, несмотря на положительные сдвиги, практика применения электронного мониторинга в России столкнулась с рядом проблем. Прежде всего это недостаточная техническая оснащенность и ограниченная инфраструктура. Так, электронные браслеты функционируют в оптимальном режиме при температуре не ниже 5° С, а во многих регионах нашей страны климатические условия намного суровее, например, средняя полоса России, территории Сибири и Крайнего Севера [18, с. 124].

В рамках Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года одним из ключевых направлений, отмеченных в четвертом разделе, является цифровая трансформация уголовно-исполнительной системы, и, несмотря на заявленные цели, практика внедрения цифровых технологий в этой сфере остается ограниченной. Использование электронных браслетов и других средств мониторинга все еще носит точечный характер, а технические и организационные проблемы препятствуют их широкому применению.

В отличие от России, в развитых странах, таких как США, Великобритания, Франция, технологии электронного контроля применяются массово, охватывая широкий спектр преступлений и категорий осужденных. В этих странах электронный мониторинг рассматривается как эффективная альтернатива тюремному заключению, позволяя снизить нагрузку на пенитенциарную систему и способствуя реабилитации осужденных. В России же основным инструментом остается электронный браслет, работающий по радиочастотному или спутниковому принципу, к тому же его применение сдерживается как законодательными ограничениями, так и недостаточным финансированием.

По нашему мнению, основными причинами сравнительно ограниченного распространения электронного мониторинга в России являются:

1) институциональные барьеры, включая бюрократическую сложность принятия решений, недостаточную подготовку кадров и несовершенство нормативно-правовой базы. Несмотря на существующие законодательные инициативы, правоприменительная практика остается неоднородной;

2) низкий уровень технической оснащенности уголовно-исполнительной системы. Внедрение современных цифровых средств требует значительных финансовых вложений, разработки надежной инфраструктуры. В ряде случаев устаревшие технологии и технические сбои снижают доверие к системе электронного мониторинга, что затрудняет его широкое применение;

3) сохранение в российском обществе устойчивой традиции восприятия наказания как меры карательного воздействия, тогда как электронный мониторинг во многом направлен на ресоциализацию осужденных. В условиях, когда пенитенциарная система

исторически ориентирована на изоляцию преступников, переход к альтернативным формам контроля требует серьезных изменений в общественном сознании и подходах к уголовной политике.

Для решения данных проблем необходим комплексный подход. Требуется дальнейшее совершенствование нормативно-правовой базы, включая четкое определение оснований для применения электронного мониторинга и разработку единых стандартов его использования. Более того, необходимо усиление технической поддержки, модернизация оборудования и создание эффективной системы мониторинга, исключающей технические сбои.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что развитие цифровых технологий слежения за осужденными, отбывающими наказание, не связанное с лишением свободы, представляет собой закономерный процесс, обусловленный эволюцией уголовно-исполнительной политики, научно-технического прогресса и социально-экономических факторов. Анализ исторических этапов данного явления демонстрирует, что цифровой мониторинг является логическим продолжением традиционных механизмов контроля, используемых государством на протяжении нескольких столетий.

Современный этап развития характеризуется стремлением к цифровой трансформации уголовно-исполнительной системы, что зафиксировано в государственных стратегиях. Тем не менее масштабы применения цифрового мониторинга в России пока уступают западным странам, где электронный контроль осужденных стал неотъемлемой частью уголовной политики. Для успешной интеграции современных технологий в российскую практику необходимо восполнение нормативных пробелов, совершенствование технической инфраструктуры и адаптация международного опыта с учетом национальных особенностей уголовно-исполнительной системы.

Список источников

1. Зиновьева Е. С. Эволюция института поручительства в отечественно-процессуальном законодательстве XIX века // *Юридическая наука и практика : вестник Нижегородской академии МВД России.* 2020. № 4(52). С. 128–133.
2. Темирова Ф. М., Дзугова И. А. Исторические аспекты применения методов идентификации человека в правоохранительной сфере // *Вестник науки.* 2018. № 9(9). С. 79–81.
3. Койсин А. А. История становления и развития уголовной (криминалистической) регистрации // *Сибирский юридический вестник.* 2018. № 2. С. 104–115.
4. Анисимов С. А. К вопросу об истории становления и развития пенитенциарного направления в Англии // *Пробелы в российском законодательстве.* 2019. № 6. С. 135–139.
5. Кубанцев С. П. Применение probation и досрочного освобождения от отбытия наказания в виде лишения свободы в США // *Журнал российского права.* 2006. № 1(109). С. 121–131.
6. Упоров И. В. Преступники – враги общества (из истории российской уголовно-правовой мысли конца XVIII – начала XIX в.) // *Общество и право.* 2006. № 2(12). С. 106–109.
7. Бердинских В. А. ГУЛАГ как неизбежность развития советской системы (1920-е годы) // *Известия Коми НЦ УрО РАН.* 2023. № 1(59). С. 103–110.
8. Сальникова А. А., Герасимова Е. А. Советская политическая тюрьма 60–70-х годов XX века: концепция власти и повседневные реалии // *Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки.* 2016. Т. 158. Кн. 3. С. 754–764.

9. Мгедлидзе Р. Л. К вопросу об истории возникновения и развития информационных систем, используемых в раскрытии преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2007. № 2. С. 419–425.

10. Хабаров А. В. Исторический опыт применения технических средств обеспечения безопасности осужденных и персонала в уголовно-исполнительной системе России // Уголовно-исполнительное право. 2011. № 2. С. 16–21.

11. Левин Я. А. Бюро расследований в период Первой мировой войны: кратковременное могущество // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2016. № 1(2). С. 24–33.

12. Bohn, J., Coroama, V., Langheinrich, M., Mattern, F. & Rohs, M. 2004, 'Livingina World of Smart Everyday Objects- Social, Economic and Ethical Implications', *Journal of Human and Ecological Risk Assesment*, iss. 5, vol. 10, pp. 763–786.

13. Gable, R. 2009, 'Leftto theirowndevices: shouldmanufacturersof of fender monitoring equipment reliable fordesignd efect?', *Journal of law, technology & policy*, iss. 2, pp. 336–399.

14. Медведева И. Н. О некоторых особенностях применения электронного мониторинга поднадзорных лиц в странах Европейского союза // Право и управление. 2024. № 9. С. 327–332.

15. Майстренко Г. А. Реформирование системы исполнения наказаний в Российской Федерации: пути, решения // Право и управление. 2023. № 3. С. 211–214.

16. Тимофеева Е. А. История развития и опыт применения электронного мониторинга в зарубежных странах // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2018. № 3. С. 206–215.

17. Душкин А. В. Исторические и технические аспекты создания системы электронного мониторинга подконтрольных лиц в России // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2012. № 2. С. 124–128.

18. Голубцова К. И., Давлетшина К. И. Проблемные вопросы эксплуатации систем электронного мониторинга подучетных лиц в Федеральной службе исполнения наказаний и перспективные направления их решения // Вестник Самарского юридического института. 2021. № 5(46). С. 122–127.

References

1. Zinovieva, E. S. 2020, 'The evolution of the institution of surety in the domestic procedural legislation of the 19th century', *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 4(52), pp. 128–133.

2. Temirova, F. M. & Dzugova, I. A. 2018, 'Historical aspects of the application of human identification methods in the law enforcement sphere', *Bulletin of Science*, iss. 9(9), pp. 79–81.

3. Koisin, A. A. 2018, 'The history of the formation and development of criminal (criminalistic) registration', *Siberian Law Bulletin*, iss. 2, pp. 104–115.

4. Anisimov, S. A. 2019, 'On the question of the history of the formation and development of the penitentiary system in England', *Gaps in Russian legislation*, iss. 6, pp. 135–139.

5. Kubantsev, S. P. 2006, 'The use of probation and early release from serving a sentence of imprisonment in the USA', *Journal of Russian Law*, iss. 1(109), pp. 121–131.

6. Uporov, I. V. 2006, 'Criminals are enemies of society (from the history of Russian criminal law thought at the end of the XVIII – beginning of the XIX century)', *Society and Law*, iss. 2(12), pp. 106–109.

7. Berdinskikh, V. A. 2023, 'GULAG as the inevitability of the development of the Soviet system (1920s)', *Izvestiya Komi NC Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, iss. 1(59), pp. 103–110.

8. Salnikova, A. A. & Gerasimova, E. A. 2016, 'The Soviet political prison of the 60–70s of the XX century: the concept of power and everyday realities', *Scientific notes of Kazan University. The Humanities series*, vol. 158, book 3, pp. 754–764.

9. Mgedlidze, R. L. 2007, 'On the history of the emergence and development of information systems used in the detection of crimes', *Actual problems of Russian law*, iss. 2, pp. 419–425.

10. Khabarov, A. V. 2011, 'The historical experience of using technical means to ensure the safety of convicts and staff in the Russian penal system', *Penal law*, iss. 2, pp. 16–21.

11. Levin, Ya. A. 2016, 'Bureau of Investigation during the First World War: short-term power', *New historical perspectives: from the Baltic to the Pacific Ocean*, iss. 1(2), pp. 24–33.

12. Bohn, J., Coroama, V., Langheinrich, M., Mattern, F. & Rohs, M. 2004, 'Livingina World of Smart Everyday Objects- Social, Economic and Ethical Implications', *Journal of Human and Ecological Risk Assesment*, iss. 5, vol. 10, pp. 763–786.

13. Gable, R. 2009, 'Leftto theirondevices: shouldmanufacturerssof of fender monitoring equipment reliable fordesignd efect?', *Journal of law, technology & policy*, iss. 2, pp. 336–399.

14. Medvedeva, I. N. 2024,, 'On some features of the use of electronic monitoring of supervised persons in the countries of the European Union', *Law and management*, iss. 9, pp. 327–332.

15. Maistrenko, G. A. 2023, 'Reforming the penal enforcement system in the Russian Federation: ways, solutions', *Law and management*, iss. 3, pp. 211–214.

16. Timofeeva, E. A. 2018, 'The history of development and experience of using electronic monitoring in foreign countries', *Bulletin of the Voronezh Institute of the FPS of Russia*, iss. 3, pp. 206–215.

17. Dushkin, A. V. 2012, 'Historical and technical aspects of creating an electronic monitoring system for controlled entities in Russia', *Bulletin of the Voronezh Institute of the FPS of Russia*, iss. 2, pp. 124–128.

18. Golubtsova, K. I. & Davletshina, K. I. 2021, 'Problematic issues of the operation of electronic monitoring systems for registered persons in the Federal Penitentiary Service and promising areas for their solution', *Bulletin of the Samara Law Institute*, iss. 5(46), pp. 122–127.

Информация об авторе

Н. А. Силантьева – аспирант кафедры уголовного права и процесса.

Information about the author

N. A. Silantieva – postgraduate student of the criminal law and procedure department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 26.05.2025; одобрена после рецензирования 13.07.2025; принята к публикации 28.11.2025.

The article was submitted 26.05.2025; approved after reviewing 13.07.2025; accepted for publication 28.11.2025.

АНАЛИЗ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Научная статья

УДК 338.4:343.8

doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.589-598

НОРМАТИВНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ ПРОИЗВОДСТВА ТЕКСТИЛЬНЫХ ИЗДЕЛИЙ В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Инна Юрьевна Давыдова¹

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, diu2004@mail.ru

Аннотация. Статья содержит результаты комплексного анализа современного состояния и перспектив обращения с отходами производства текстильных изделий в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Тематика работы обусловлена необходимостью повышения уровня трудовой занятости осужденных на производствах учреждений уголовно-исполнительной системы. Методика исследования предполагала комплексный анализ отходов текстильного производства с учетом их нормативной номенклатуры, массы, класса опасности, для того чтобы оценить возможность адаптации инновационных технологий для развития экономики замкнутого цикла в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Предложения по совершенствованию организационно-хозяйственного управления материально-техническим обеспечением в отношении образующихся отходов текстильных производств основаны на требованиях действующего федерального законодательства в области охраны окружающей среды. Разработанные рекомендации имеют инновационный характер и связаны с новейшими безотходными технологиями в текстильной отрасли.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, нормативное правовое регулирование, безотходное производство, текстильные отходы

Для цитирования

Давыдова И. Ю. Нормативное правовое регулирование обращения с отходами производства текстильных изделий в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2025. Т. 33(1–4), № 4. С. 589–598. DOI: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.589-598.

COMPETITIVENESS ANALYSIS

Original article

REGULATORY LEGAL REGULATION OF WASTE MANAGEMENT OF TEXTILE PRODUCTION IN INSTITUTIONS OF THE PENAL SYSTEM

Inna Yurievna Davydova¹

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, diu2004@mail.ru

Abstract. The article contains the results of a comprehensive analysis of the current state and prospects of waste management of textile production in institutions of the penal system. The topic of the work is determined by the need to increase the level of employment of convicts in the production facilities of the penal system. The research methodology assumed a comprehensive analysis of textile production waste, taking into account their regulatory nomenclature, weight, and hazard class, in order to assess the possibility of adapting innovative technologies for the development of a closed-loop economy in institutions of the penal system. Proposals to improve the organizational and economic management of material and technical support in relation to the generated waste from textile industries are based on the requirements of current federal legislation in the field of environmental protection. The recommendations developed are innovative in nature and are related to the latest waste-free technologies in the textile industry.

Keywords: penal system, regulatory legal regulation, waste-free production, textile waste

For citation

Davydova, I. Yu. 2025, 'Regulatory legal regulation of waste management of textile production in institutions of the penal system', *Man: crime and punishment*, vol. 33(1–4), iss. 4, pp. 589–598, doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.589-598.

Введение

В настоящее время определены основные направления совершенствования и развития уголовно-исполнительной системы (УИС) Российской Федерации. Среди приоритетов – совершенствование деятельности УИС, в том числе производственно-хозяйственной деятельности¹. Акценты сделаны на создании условий для привлечения осужденных к оплачиваемому труду на полный рабочий день, а также для развития производства УИС.

Целеполагание касается дальнейшего увеличения трудовой занятости осужденных на производственных объектах УИС². Перечень видов экономической деятельности, допустимых в учреждениях, содержит более двухсот позиций, из них шесть позиций

¹ См.: Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р. С. 7. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 24.03.2025).

² См.: Там же. С. 16–17.

связаны с производством текстильных изделий – коды ОКВЭД 2 13.1, 13.2, 13.3, 13.91, 13.92¹.

Федеральное законодательство устанавливает ряд принципов и приоритетных направлений государственной политики в области обращения с отходами². В связи с этим важным обстоятельством является положение о необходимости комплексной переработки материально-сырьевых ресурсов в целях уменьшения количества отходов³.

Реализация направлений совершенствования производственно-хозяйственной деятельности учреждений УИС, которые обоснованы Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, тесным образом связана с актуальной задачей перехода на безотходное производство.

Цель исследования заключается в анализе современного состояния и перспектив обращения с текстильными отходами в учреждениях УИС для обоснования внедрения безотходных производств.

Задачи исследования: поиск способов включения требований федерального законодательства в области обращения с отходами производства и потребления в практику осуществления текстильного производства в учреждениях УИС и разработка практических предложений по улучшению производственной логистики путем снижения запасов отходов производства.

Материалы и методы

Методы исследования основаны на комплексном анализе ситуации с отходами текстильной промышленности – классификация, масса, класс опасности отходов. Впервые были выявлены причинно-следственные связи между видами производства различных текстильных изделий, образующимися отходами и возможностью адаптации безотходных технологий к производственно-хозяйственной деятельности учреждений УИС.

Результаты

На первом этапе исследования было учтено, что нормирование отходов текстильной отрасли связано с требованиями государственных стандартов и положениями общероссийских классификаторов.

Во-первых, были рассмотрены аспекты стандартизации в отношении технических условий, которые характеризуют отходы текстильной отрасли, предназначенные для различных перерабатывающих производств. Согласно ГОСТ 4644-75 сортированные хлопчатобумажные отходы текстильного производства представляют собой обрезки тканей, трикотажа и нетканых полотен, исходным материалом которых является хлопок, в том числе в смеси с химическими волокнами. В зависимости от дальнейшего использования в перерабатывающей промышленности отходы разделяют на шесть категорий, учитывая род волокна, способ выработки, вид, показатели нормированной и фактической влажности, код ОКП. Технические требования также включают в себя нормирование содержания в отходах посторонних нетекстильных примесей (фурнитуры), загрязненных тканевых остатков и т. п., а в некоторых случаях – массовой доли хлопкового волокна. В соответствии с ГОСТ 1220-76 к сортированным отходам производ-

¹ См.: Об утверждении перечня основных видов деятельности, связанных с трудовой адаптацией осужденных : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 27 октября 2007 г. № 1499-р. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.04.2025).

² См.: Об отходах производства и потребления : федер. закон от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.04.2025).

³ См.: Там же.

ства шерстяных и полушерстяных материалов относят обрезки тканей и трикотажных полотен, валяльно-войлочных изделий и нетканых материалов; при этом в отходах не должно быть посторонних примесей и загрязненных компонентов. Разделение этих отходов по пятнадцати категориям осуществляют на основе ряда характеристик – способ выработки и тонины, массовая доля шерстяного волокна, нормированная влажность, цвет, а также учитывают код ОКП.

Во-вторых, в отношении текстильных производств, реализуемых в учреждениях УИС, было изучено классификационное положение отходов по степени опасности для окружающей среды. На основании ч. 1 ст. 16.3 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ. [URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 17.03.2025)], исчисление размера платы за негативное воздействие на окружающую среду при размещении отходов зависит от их класса опасности. Федеральный классификационный каталог отходов включает в себя более семидесяти видов отходов производства текстильных изделий, для которых установлен класс опасности¹. Более половины отходов имеет 5-й класс (безвредные). Часть отходов производства текстильных изделий (примерно 20 %) отнесена в каталоге к 4-му классу (малоопасные). Для одиннадцати видов отходов установлен 3-й класс опасности (умеренно опасные).

На втором этапе исследования была изучена целесообразность применения наилучших доступных технологий для снижения негативного воздействия на окружающую среду при размещении отходов текстильных производств учреждений УИС.

В итоге были получены результаты (табл. 1) сопоставления требований нормативно-правовых документов в отношении следующего:

- области применения наилучших доступных технологий, регламентируемые нормативно-правовым документом;
- разрешенные виды экономической деятельности, связанные с трудовой адаптацией осужденных, применительно к текстильным производствам;
- классы опасности отходов производства текстильных изделий, включенные в ФККО.

На третьем этапе работы были рассмотрены перспективы актуализации обращения с отходами текстильных производств в учреждениях УИС с целью разработки соответствующих рекомендаций (табл. 2, 3).

При обосновании инновационных предложений учитывали необходимость их ответственности приоритетным направлениям государственной политики в области обращения с отходами, установленных ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89 «Об отходах производства и потребления». Главным направлением является безотходное производство, то есть такая организация хозяйственной деятельности, при которой достигается максимальное использование исходного сырья и материалов.

Обсуждение

Класс опасности отходов влияет на выбор безотходных технологий. В отличие от безвредных отходов (5-й класс), отходы 4-го класса и тем более 3-го класса опасности требуют предварительного обезвреживания перед дальнейшим использованием. В таблице 1 представлены результаты анализа номенклатуры опасных отходов текстильного производства в учреждениях УИС, которые дифференцированы по видам экономической деятельности и их принадлежности к областям применения наилучших доступных технологий. Из таблицы 1 следует, что области применения наилучших

¹ См.: Об утверждении Федерального классификационного каталога отходов : приказ Росприроднадзора от 22 мая 2017 г. № 242. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.05.2025).

Таблица 1

Опасные отходы производства текстильных изделий

№ п/п	Область применения наилучших доступных технологий	Вид экономической деятельности с кодами ОКВЭД 2	Наименование опасных отходов производства текстильных изделий по ФККО
1	2	3	4
1	Производство текстильных изделий (промывка, отбеливание, мерсеризация)	13.1 Подготовка и прядение текстильных волокон	<i>Четвертый класс опасности:</i> отходы флотационной очистки сточных вод крашения и отбеливания волокон в производстве пряжи, содержащие преимущественно натуральные волокна; отходы технических тканей с пропиткой из синтетических волокон в их производстве; обтирочный материал, загрязненный пропиточным раствором при производстве технических тканей с пропиткой из синтетических волокон; осадок физико-химической очистки сточных вод промывки технологического оборудования от остатков пропиточного раствора при производстве технических тканей с пропиткой из синтетических волокон; обтирочный материал, загрязненный дисперсией акрилового сополимера при производстве геосетки из полиэфирных волокон, пропитанной дисперсией акрилового сополимера
2			<i>Третий класс опасности:</i> отходы (воды) промывки технологического оборудования производства технических тканей с пропиткой из синтетических волокон, загрязненные пропиточным раствором; отходы чистки оборудования при производстве геосетки из полиэфирных волокон, пропитанной дисперсией акрилового сополимера; отходы чистки оборудования при производстве геосетки из полиэфирных волокон, пропитанной дисперсией поливинилхлоридов в пластификаторе; обтирочный материал, загрязненный дисперсией поливинилхлоридов в пластификаторе при производстве геосетки из полиэфирных волокон, пропитанной дисперсией поливинилхлоридов в пластификаторе

Окончание таблицы 1

1	2	3	4
3	Крашение текстильных волокон, отбеливание, крашение текстильной продукции	13. 3 Отделка тканей и текстильных изделий	<i>Четвертый класс опасности:</i> отходы фотоэмульсии при смыве шаблонов рисунка для нанесения на текстильные изделия в их производстве; обрезная кромка при производстве клеенки на основе тканей с покрытием из поливинилхлорида; эмульсия несиликонсодержащая, отработанная при пропитке полипропиленового нетканого полотна
4			<i>Третий класс опасности:</i> отходы печатной краски при нанесении рисунка на текстильное изделие; отходы жидких парафинов при пропитке лент из текстильных волокон в их производстве; отходы пропиточного состава на основе резорцинформальдегидных смол и латекса при пропитке ткани в производстве прорезиненных текстильных материалов; отходы геосетки из полиэфирных волокон, пропитанной дисперсией поливинилхлоридов в пластификаторе, при производстве геосетки

доступных технологий затрагивают такие способы производства текстильных изделий, как промывка, отбеливание, мерсеризация, крашение текстильных волокон, отбеливание, крашение текстильной продукции. Применение наилучших доступных технологий способствует уменьшению как количества образующихся опасных отходов, указанных в таблице 1, так и степени их опасности для окружающей среды. По поводу данных технологий необходимо дать ряд пояснений.

Рекомендации по отнесению какой-либо технологии к категории наилучшей доступной технологии устанавливает приказ «Об утверждении методических рекомендаций»¹.

Наилучшие доступные технологии представлены в информационно-технических справочниках, которые являются документами по стандартизации и утверждаются приказами Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии. Несмотря на добровольный характер применения этих справочников, изложенные рекомендации позволяют повысить качество управленческих решений.

Производство текстильных изделий является предметом рассмотрения информационно-техническим справочником ИТС 39-2023². Представленная в нем информация касается экологических проблем, связанных с производством тканей, трикотажа и текстильных изделий, которые подлежат отделочной технологической обработке – беление,

¹ См. : Об утверждении методических рекомендаций : приказ Минпромторга России от 23 августа 2019 г. № 3134. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 16.03.2025).

² ИТС 39-2023. Информационно-технический справочник по наилучшим доступным технологиям «Производство текстильных изделий (промывка, отбеливание, мерсеризация, крашение текстильных волокон, отбеливание, крашение текстильной продукции)» : приказ Росстандарта от 19 декабря 2023 г. № 2726. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 08.04.2025).

Таблица 2

Безопасные отходы производства текстильных изделий

№ п/п	Группа отходов по агрегатному составу	Наименование безопасных отходов производства текстильных изделий по ФККО
1	Волокно	Улюк волокнистый; волокно хлопковое регенерированное; пух (хлопковый, подвальный, чесальный или трепальный, в том числе трепальный от льняной пряжи); подбор волокна хлопкового; окрайки волокна хлопкового; орешек чесальный; очес (кардный или гребенной); костра (льняная или лубяных волокон); угары (необработанные или обработанные льняные, а также от шелкового производства); отходы (прядомые или непрядомые шерстяные, шелка-сырца, а также перемотки и вязания, искусственных нитей и волокон, синтетических нитей и волокон); лоскут весовой (тканей из шелковых нитей или из хлопковых волокон, шерстяных тканей, льняных тканей, тюля гардинного перевивочного, полотна гардинного вязаного, полотна тюлевого гладкого, полотна кружевного); концы пряжи шерстяных волокон, хлопковых волокон; путанка (шерстяных волокон, льняной пряжи и нитей, хлопковых волокон); обрезь валяльно-войлочной продукции; обрезки и обрывки хлопчатобумажных, льняных, шерстяных, полушерстяных, шелковых, смешанных тканей, а также тканей из полиамидного, полиэфирного или полиакрилового волокна; срыв (не подлежащий роспуску или срыв-роспуск); кетельная обрезь (стрижка)
2	Пыль	Пыль хлопковая
3	Изделие из одного волокна	Отходы низких стандартов (включая очесы, прядильные отходы и расщипанное сырье) при подготовке и прядении текстильных волокон из хлопка; концы пряжи хлопковых волокон; подметь ткацкая
4	Изделия из нескольких волокон	Лоскут весовой из смешанных волокон при производстве трикотажного полотна
5	Изделия из волокон	Отходы смешанных волокон при производстве трикотажного полотна, а также брезентовых тканей при производстве текстильных изделий
6	Прочие формы твердых веществ	Обрезь кожи при раскрое одежды; подножный лоскут (от меховых или шубных овчин, а также от шкурок каракуля, кролика, норки); скорняжный лоскут от меховых или шубных овчин, а также от шкурок каракуля или кролика

крашение, печатание и т. п. Для снижения количества образующихся отходов, их повторного использования, а также с целью подготовки для размещения на полигоне предложено несколько методов. Например, рекомендованы переработка отходов в собственном технологическом цикле, использование текстильных отходов в качестве вторичного сырья, внедрение малоотходных технологических процессов, модернизация оборудования и другие традиционные методические подходы. Однако в ИТС 39-2023 также представлены инновационные способы решения проблемы образования опасных отходов при отделке текстильных изделий. Перспективные технологии, которые направлены на развитие экологически безопасного текстильного производства, основаны на

новейших способах выполнения отделочных работ. Это технологии с использованием ферментов, плазмы, ультразвука, энергии электромагнитных колебаний ВЧ/СВЧ диапазона, микрокапсулированных препаратов, наночастиц металлов, воздуха, сшивающих агентов, биополимеров.

Как было отмечено, в учреждениях УИС при производстве текстильных изделий также образуются отходы 5-го класса опасности (безопасные), которые не нуждаются в предварительном обезвреживании перед вторичным использованием. Тем не менее не следует их накапливать в большом количестве. Для снижения массы образующихся текстильных отходов 5-го класса опасности в учреждениях УИС можно рекомендовать новейшие технологии, применение которых уже доказало свою эффективность.

В таблице 2 представлены текстильные отходы 5-го класса опасности с указанием агрегатного состава в соответствии с ФККО, поскольку от этого во многом зависит пригодность отходов для дальнейшего использования в учреждениях УИС. Анализ полученных результатов показывает, что подавляющая часть отходов имеет волокнистый состав. Кроме того, присутствуют отходы, представляющие собой пыль, а также прочие формы твердых веществ. Весьма важным обстоятельством является масса образующихся отходов, поскольку от этого показателя зависит размер платы за негативное воздействие на окружающую среду при размещении отходов. Решение проблемы снижения массы текстильных отходов основано на двух концептуальных подходах – социально-экономическом и технологическом.

Социально-экономические изменения должны быть направлены на развитие экономики замкнутого цикла в текстильной отрасли и поддерживаться обновленными методами экономического стимулирования и контроля со стороны государства, а также повышением уровня информированности населения при обращении с отходами [1, с. 422].

Технологические решения рассматриваемой проблемы разнообразны, некоторые из них являются традиционными, но перспективу развития имеют те, что отвечают современным экологическим вызовам.

В качестве инновационного подхода предлагают внедрение таких технологий производства текстильных изделий, при разработке которых изначально заложены перспективы экологически безопасной переработки [2, с. 262].

Учитывая обширный мировой и российский опыт в данной области [3, с. 244–246], можно рекомендовать ряд современных перспективных направлений для развития безотходного производства текстильных изделий в учреждениях УИС (табл. 3).

Для учреждений УИС переход на новейшие технологии будет означать существенное снижение размера платы за негативное воздействие на окружающую среду. Это важный шаг в совершенствовании системы оценки эффективности деятельности УИС, а также повышения уровня открытости и формирования положительного мнения о деятельности пенитенциарной системы, как того требуют вызовы и цели Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в период до 2030 года.

Выводы и рекомендации

1. Нормативное правовое регулирование, действующее в Российской Федерации в области обращения с отходами производства и потребления, создает все необходимые условия для развития экономики замкнутого цикла в учреждениях УИС.

Таблица 3

**Инновационные технологии утилизации
безопасных отходов производства текстильных изделий**

№ п/п	Группа отходов	Технология
1	Волокно, изделия из волокон	Восстановление полимерного сырья из несортированных текстильных отходов из полиамидных, полиэфирных и целлюлозных волокон. Армирование цементных композитов волокнами льна, хлопка, полиамида, шерстяных очесов. Создание композиционных материалов на основе разволокненных текстильных отходов и полипропиленовой мешковины, льняной костры. Получение нетканых материалов из синтетических волокон. Изготовление пластических кож из хлопковых волокон. Производство технических войлоков и фетров из шерстяных отходов. Изготовление синтетических войлоков из полиэфирных, полиамидных и других волокон. Производство бумаги из синтетических и натуральных волокон
2	Пыль	Производство листового материала, тары с ячейками для укладки яиц из волокнистой хлопковой пыли. Внесение пылеватых и мелковолокнистых отходов в почвы для улучшения структуры. Изготовление топливных брикетов из хлопчатобумажной пыли и льняной костры

2. Разрешенные виды производства текстильных изделий в учреждениях УИС сопряжены с образованием отходов в основном пятого класса опасности (безвредные); отходов третьего класса (умеренно опасные) и четвертого класса (малоопасные) существенно меньше.

3. Происхождение, агрегатный состав и свойства отходов влияют на возможность их применения в качестве вторичных ресурсов. Нормативное правовое регулирование в области обращения с умеренно опасными и малоопасными отходами, которые образуются при промывке, мерсеризации, отбеливании и крашении текстильных волокон и продукции, направлено на применение наилучших доступных технологий. Безопасные отходы пятого класса можно использовать как вторичное сырье без предварительного обезвреживания.

4. Для развития безотходного производства текстильных изделий в учреждениях УИС можно рекомендовать значительный перечень новейших технологий, которые являются экономически эффективными и в России, и за рубежом. Как показали проведенные исследования, наибольшую актуальность для текстильных производств в учреждениях УИС представляют инновационные технологии, связанные с переработкой безвредных волокнистых и пылеватых отходов.

5. Дальнейшее развитие экономики замкнутого цикла по отношению к видам производства, которые существуют или запланированы в учреждениях уголовно-исполнительной системы, будет иметь важные социально-экономические последствия. Это не только предпосылки для снижения размера платы за негативное воздействие на окружающую среду, но и повышение социальной ответственности пенитенциарной системы.

Список источников

1. Долгушин А. Б., Цуканов А. А., Петров А. Д. Перспективы перехода текстильной промышленности России на экономику замкнутого цикла // Экономика промышленности. 2021. Т. 14. № 4. С. 418–424.
2. Азанова А. А., Хисамиева Л. Г. Технологии переработки текстильных отходов: проблемы и перспективы // Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. 2023. № 3(405). С. 257–263.
3. Щепочкина Ю. А. Перспективные направления переработки технологических отходов текстильной промышленности // Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. 2024. № 1(409). С. 242–251.

References

1. Dolgushin, A. B., Tsukanov, A. A. & Petrov, A. D. 2021, 'Prospects for the transition of the Russian textile industry to a closed-cycle economy', *Industrial economics*, vol. 14, iss. 4, pp. 418–424.
2. Azanova, A. A. & Khisamieva, L. G. 2023, 'Textile waste processing technologies: problems and prospects', *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Technology of the textile industry*, iss. 3(405), pp. 257–263.
3. Shchepochkina, Yu. A. 2024, 'Promising areas of processing of technological waste from the textile industry', *News of higher educational institutions. Technology of the textile industry*, iss. 1(409), pp. 242–251.

Информация об авторе

И. Ю. Давыдова – доктор биологических наук, доцент, профессор кафедры тылового обеспечения уголовно-исполнительной системы.

Information about the author

I. Y. Davydova – Sc.D (Biological Sciences), Associate Professor, professor of the logistics of the penal system department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки).

Статья поступила в редакцию 15.05.2025; одобрена после рецензирования 10.09.2025; принята к публикации 28.11.2025.

The article was submitted 15.05.2025; approved after reviewing 10.09.2025; accepted for publication 28.11.2025.

Научная статья

УДК 343.829

doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.599-613

ПОРЯДОК ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОВЕРОК ПОТРЕБЛЕНИЯ И ОПЛАТЫ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Любовь Анатольевна Маленкова¹

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, mla11@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные вопросы потребления, оплаты топливно-энергетических ресурсов учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы и особенности их проверки. Оценке эффективности расходования средств федерального бюджета, связанных с оплатой энергетических ресурсов, всегда уделяется пристальное внимание со стороны контрольных органов. Представлены нормативно-законодательные акты, используемые в ходе осуществления контрольных действий в отношении приобретения, потребления и оплаты топливно-энергетических ресурсов. Предложенный алгоритм проверки позволит субъектам контроля более профессионально, полно, объективно и всесторонне осуществлять контрольные действия в отношении получения, потребления и оплаты топливно-энергетических ресурсов, делать оценку эффективности использования бюджетных средств на указанные цели.

Ключевые слова: контрольные действия, потребление, оплата, проверка, топливно-энергетические ресурсы, энергосбережение, энергоэффективность, уголовно-исполнительная система

Для цитирования

Маленкова Л. А. Порядок осуществления проверок потребления и оплаты топливно-энергетических ресурсов в уголовно-исполнительной системе // Человек: преступление и наказание. 2025. Т. 33(1–4), № 4. С. 599–613. DOI: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.599-613.

Original article

THE PROCEDURE FOR CARRYING OUT CHECKS OF CONSUMPTION AND PAYMENT OF FUEL AND ENERGY RESOURCES IN THE PENAL SYSTEM

Lyubov Anatolyevna Malenkova¹

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, mla11@mail.ru

Abstract. The article discusses the main issues of consumption, payment of fuel and energy resources by institutions and bodies of the penal enforcement system and the specifics of their verification. Close attention is always paid to assessing the effectiveness of spending federal budget funds related to the payment of energy resources from the control authorities. The regulatory and legislative acts used in the implementation of control actions regarding the acquisition, consumption and payment of fuel and energy resources are presented. The proposed verification algorithm will allow the subjects of control to more professionally, fully, objectively and comprehensively carry out control actions regarding the receipt, consumption and payment of fuel and energy resources, to assess the effectiveness of the use of budgetary funds for these purposes.

Keywords: control actions, consumption, payment, verification, fuel and energy resources, energy saving, energy efficiency, penal system

For citation

Malenkova, L. A. 2025, 'The procedure for carrying out checks of consumption and payment of fuel and energy resources in the penal system', *Man: crime and punishment*, vol. 33(1–4), iss. 4, pp. 599–613, doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.599-613.

Топливо-энергетические ресурсы (ТЭР) в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы (УИС) должны соответствовать строгим требованиям нормативных правовых актов Российской Федерации, так как их поступление (получение) и потребление непосредственно связаны с обеспечением экономической, физической и пожарной безопасности исправительных учреждений УИС.

При получении тепла, электроэнергии и воды от сторонних поставщиков важно осуществлять закупку ресурсов своевременно, в нужном объеме и по установленным тарифам, с учетом имеющихся в учреждениях и органах УИС предпочтений.

При самостоятельном производстве тепла, воды и водоотведении учреждениями УИС, а также на этапе потребления всех видов энергоресурсов важна достаточность и исправность технологического оборудования, приборов учета и их правильная эксплуатация, так как невыполнение этих условий может привести, во-первых, к авариям, опасным для жизни и здоровья людей; во-вторых, к необоснованному потреблению ТЭР и, как следствие, неэффективному расходу бюджетных средств на их оплату. В связи с этим регулярные проверки и контроль за состоянием объектов энергоресурсов являются необходимыми мерами для предотвращения и последующего устранения допущенных нарушений.

Каждое учреждение УИС уникально местом расположения, размерами деятельности, установленным режимом, техническими характеристиками объектов, лимитом на-

полнения для спецконтингента и фактической численностью сотрудников, работников, спецконтингента и т. п. Порядок проверки, как и способы поступления (получения) и потребления ТЭР, весьма различен.

Для повышения качества ведомственных проверок данного направления финансово-хозяйственной деятельности необходима разработка определенного порядка действий, который должен соблюдаться в ходе выполнения контрольных действий независимо от особенностей учреждений УИС.

Целью проведения исследования является определение последовательного алгоритма действий субъекта контроля при проверке эффективности использования и учета всех видов энергоресурсов в учреждениях и органах Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России). При предварительном анализе деятельности учреждения УИС субъектом контроля устанавливаются источники получения энергетических ресурсов: центральное снабжение (от снабжающих организаций); самообеспечение (собственная котельная, скважина); снабжение от других учреждений УИС; смешанные источники.

Во всех случаях получения энергоресурсов от снабжающих организаций проверка начинается с тщательного изучения договоров (государственных контрактов) поставок, их основных разделов: сроков заключения и оплаты, условий поставки, получения, обслуживания, передачи показаний и др. Так как каждое исправительное учреждение имеет обособленный периметр жилой и нежилой (производственной) зоны, договоры (государственные контракты) заключаются отдельно для потребления объектами соответствующих участков и оплаты из разных источников финансирования.

Учреждения УИС в зависимости от основного содержания договоров (предмет, источник финансирования) на поставку энергетических ресурсов и фактического наличия приборов учета самостоятельно определяют методы и способы учета потребления ТЭР бюджетными объектами и участками по приносящей доход деятельности (фактический по приборам учета и (или) расчетный).

В целях проверки эффективности использования бюджетных ассигнований, выделенных на топливно-энергетическое обеспечение и водоснабжение, применяются различные приемы и способы фактического и документального контроля. Проверка начинается с обхода всех зон и объектов учреждения с целью изучения состояния, полноты, способов и законности подключения приборов, предназначенных для учета потребления энергоресурсов. Так, в случае выявления фактов подключения к приборам учета, предназначенным для учета потребления ТЭР бюджетными объектами, объектов приносящей доход деятельности или сторонних организаций, делается вывод об отвлечении бюджетных средств на оплату энергетических ресурсов, потребленных на объектах сторонних организаций или участках деятельности, приносящей доход от использования труда осужденных.

В ходе анализа устройства инженерных сетей особое внимание обращается на наличие подключенных транзитных потребителей (дома, квартиры, соседние учреждения и т. п.). Рассматриваются наличие и условия гражданско-правовых отношений (возмещение расходов, согласованное безвозмездное обеспечение, отдельный учет и другие условия), применяемые тарифы, проверяется фактическое потребление и учет объемов, возмещение стоимости транзитных ТЭР и расходов на содержание используемых инженерных сетей, принадлежавших учреждению УИС.

В случае предоставления учреждением УИС объектов, зданий (помещений) в безвозмездное пользование или в аренду также осуществляется анализ учета, порядка и

фактического возмещения затрат потребляемых ТЭР. Анализируются условия возмещения затрат на оборудование, полученное в безвозмездное пользование от организаций, предоставляющих различные услуги на территории учреждений УИС без договоров аренды помещений и (или) их частей (телекоммуникационные системы, вендинговые аппараты, банкоматы и т. д.), и хранение материальных ценностей по договорам ответственного хранения.

На следующем этапе фактического контроля установленных приборов учета по видам энергоресурсов проверяется их исправность, балансовая принадлежность и актуальность поверки. Если счетчики учета установлены, но не приняты к коммерческому учету, и учреждение оплачивает расходы по нерегулируемому тарифу, делается вывод о неэффективном расходе бюджетных средств в размере разницы между стоимостью фактически оплаченных ТЭР и суммой, которую следовало уплатить по регулируемому тарифу.

Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 2 июля 2019 г. № 1502 «Об утверждении рекомендуемых предельных значений интервалов между поверками средств измерений» определено, что в случае установки (замены) новых приборов учета их поверка не требуется, показания считаются достоверными в течение определенных сроков. Таким образом, в случае оплаты учреждением или органом УИС услуг поверки вновь установленных приборов учета также принимается решение о неэффективном расходе бюджетных средств в размере необоснованно оплаченных услуг.

В целях осуществления полноценного контроля за расходами потребления ТЭР по видам ресурсов главным распорядителем бюджетных средств были подготовлены и введены в работу Методические указания по расчету потребности в топливно-энергетических ресурсах объектов учреждений УИС, утвержденные директором ФСИН России 19 декабря 2012 г. (далее – Методические указания от 19 декабря 2012 г.), и Рекомендации по удельному водопотреблению и водоотведению для объектов бюджетной сферы учреждений УИС, утвержденные заместителем директора ФСИН России 17 октября 2018 г. (далее – Рекомендации от 17 октября 2018 г.), для расчета удельных значений потреблений ТЭР на основе особенностей каждого учреждения УИС: фактическая численность, вновь введенные (ликвидированные) объекты, внесение изменений в конструкции инженерных сетей и др.

Удельные значения потребления энергетических ресурсов должны быть рассчитаны у каждого объекта контроля, проверка начинается с изучения правильности применения алгоритмов расчета, затем фактическое потребление ТЭР сравнивается с расчетными удельными значениями. При выявлении завышения фактического объема потребления ТЭР над расчетной потребностью устанавливаются возможные причины превышения (самовольные присоединения к инженерным сетям объектов сторонних потребителей или деятельности, приносящей доход; сверхнормативные утечки в сетях, не устраненные в результате бездействия должностных лиц; поставка и приемка котельно-печного топлива (КПТ), не соответствующего условиям контракта в части удельной теплоты сгорания, и др.) и определяются виновные лица. В случае отсутствия объективных причин превышения фактических объемов потребления ТЭР от расчетной потребности делается вывод о неэффективном расходе бюджетных средств в размере разницы между стоимостью фактически оплаченных и стоимостью удельных объемов потребления ТЭР.

В ходе проверки устанавливаются факты возможного наличия нефункционирующих (законсервированных) объектов (по результатам визуальных осмотров помещений, пре-

доставленных актов о консервации, отчетов о выпуске продукции и иных внутренних документов), потребляющих энергетические ресурсы, для выявления которых осуществляется сверка показаний приборов учета, записей в журналах учета показаний приборов (при наличии), данных реестров показаний электронных счетчиков (при наличии) со сведениями об объектовом распределении ТЭР, представляемыми в бухгалтерские службы. Если по результатам сверки устанавливается, что фактически неиспользуемые объекты потребляли в проверяемом периоде ТЭР, также делается вывод о неэффективном расходе бюджетных средств, израсходованных на оплату ТЭР, потребленных объектами, которые в них не нуждаются.

Так, в случае прекращения деятельности столовой для сотрудников отдельное помещение и холодильное оборудование в нем должны быть обесточены, в противном случае оплата расходов на электроэнергию, потребленную невостребованными объектами, также признается неэффективным расходом бюджетных средств.

В целях осуществления полноценной проверки и оценки ТЭР в учреждениях и органах УИС субъектом контроля используется комплекс приемов и способов, необходимых для осуществления смешанной проверки по каждому виду энергоресурсов в отдельности.

Централизованное теплоснабжение

Основным нормативно-законодательным актом, регулирующим правовые основы экономических отношений, возникающих в связи с производством, передачей и потреблением тепловой энергии от теплоснабжающих организаций (централизованное теплоснабжение), является Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении». На основании этого Закона проверке потребления тепловой энергии, нагрева горячей воды в учреждениях и органах УИС подлежат договорные отношения; применение цен, тарифов, методов их регулирования; условия обеспечения надежности и безопасности эксплуатации тепловых сетей и др.

Проверка конструкции приборов теплового учета на предмет их полноты, исправности, целостности, наличия ограничения доступа к отдельным частям в целях недопущения искажения результатов измерений осуществляется в соответствии с требованиями гл. 3 постановления Правительства РФ от 18 ноября 2013 г. № 1034 «О коммерческом учете тепловой энергии, теплоносителя» (с Правилами коммерческого учета тепловой энергии, теплоносителя).

В случае выявления неисправности приборов учета тепловой энергии (выход из строя, окончание действия срока поверки и др.) проводится перерасчет стоимости потребленной тепловой энергии в соответствии с требованиями гл. VIII Методики осуществления коммерческого учета тепловой энергии, теплоносителя, утвержденной приказом Минстроя России от 17 марта 2014 г. № 99/пр (далее – Методика учета тепловой энергии), с целью проверки правильности оплаты расходов тепловой энергии поставщику.

В случае неосуществления учреждением или органом УИС своевременной поверки приборов учета по срокам на протяжении длительного периода и оплаты расчетным способом инициируется поверка счетчика в кратчайшие сроки, и при успешной поверке его показания считаются действительными. В подобном случае определяется размер неправомерной оплаты расходов тепловой энергии, превышающей показания приборов учета, по причине бездействия должностных лиц. (Пункт 25 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 25 ноября 2020 г. «Буквальное содержание указанной нормы позволяет квалифицировать такое нарушение как бездействие, которое привело к искажению данных об объеме потре-

бленной энергии (мощности)». Данный факт свидетельствует о необходимости принятия исчерпывающих мер по истребованию размера переплаты с ресурсоснабжающей организации.)

В ходе проверки выполнения договорных отношений особое внимание обращается на условия поставки и оплаты тепловой энергии, используемые тарифы, а также на содержание актов оказанных услуг на предмет необоснованного включения требований оплаты учреждением потерь тепловой энергии в сетях, расположенных за границей балансовой принадлежности.

В случае установления в учреждении УИС самовольного присоединения и (или) пользования системами централизованного теплоснабжения без организации учета и последующей оплаты снабжающей организации расчет объема потребленного тепла производится в соответствии с гл. IX Методики учета тепловой энергии.

Наличие собственных котельных

Значительная часть учреждений УИС имеют на балансовом учете собственные котельные, и документальные проверки проводятся на предмет соблюдения требований приказа Министерства энергетики Российской Федерации от 24 марта 2003 г. № 115 «Об утверждении правил технической эксплуатации тепловых установок» (далее – приказ № 115).

В соответствии с подп. 3.1.3 приказа № 115 у каждой организации, эксплуатирующей тепловые установки, должны быть следующие документы:

- копии приказов, распоряжений руководства по вопросам эксплуатации и ремонта зданий и сооружений; о выделении ответственных за контроль эксплуатации зданий, сооружений и территории, переданных в ведение подразделения, эксплуатирующего тепловые энергоустановки;
- схема-генплан организации с нанесенными на нее сооружениями, зданиями и границами участков, переданных под ответственность подразделений, эксплуатирующих тепловые энергоустановки;
- паспорта на каждое здание и сооружение;
- журналы технических осмотров строительных конструкций зданий и сооружений, результатов измерения уровня грунтовых вод в скважинах-пьезометрах и химических анализов грунтовых вод; состояния окружающей среды для зданий и сооружений, где периодически возникают или возможны процессы, нарушающие параметры окружающей среды, определяемые санитарными нормами, либо отмечены коррозионные процессы строительных конструкций.

Проверка начинается с запроса и изучения указанного перечня документов по имеющимся тепловым установкам. В результате документальной проверки и применения приемов фактического контроля выясняются реальные потребители тепла. В случае установления сторонних потребителей тепла (например, получатель – соседнее учреждение УИС) проверяются договорные отношения и порядок оплаты. При этом особое внимание обращается на установленные тарифы для оплаты с целью выявления занижения (завышения) цен, для проверки которых проводится сравнительный анализ стоимости фактически затраченного котельно-печного топлива, заработной платы и социальных отчислений операторов котельной, воды, электроэнергии на технологические нужды, прочих расходов по обслуживанию котельной, использованных на выработку тепла, с учетом коэффициента полезного действия оборудования согласно данным технических паспортов котлов и деклараций (свидетельств) о соответствии качества топлива и стоимости оплаченного тепла потребителями.

На этапе документальной проверки добавляются фактические контрольные действия в виде проверки наличия, качества и условий хранения котельно-печного топлива. При этом визуальным способом производится осмотр площадей, условий хранения и остатков твердого КПТ на предмет соответствия требованиям спецификации по внешним признакам. Расчетным путем, используя методы фактического контроля (обмера, взвешивания и др.), осуществляется сравнение фактического наличия с остатками по данным бухгалтерского учета с целью выявления излишков и недостач. В ходе проверки наличия и качества КПТ изучается содержание договора (государственного контакта) на его поставку (предмет, сроки, источник финансирования, условия оплаты и т. д.), проверяются первичные документы поставки и приема топлива, при этом осуществляется обязательное сопоставление спецификации к договору с декларацией (свидетельством), подтверждающими качество топлива.

На следующем этапе проверки исследуются источники финансирования для оплаты КПТ в соответствии с платежными документами и содержанием договоров (государственных контрактов) с целью выявления возможного неэффективного расхода бюджетных средств на оплату фактически не поставленного КПТ или принятого КПТ, не отвечающего требованиям качества, и другие, а также отвлечения бюджетных средств при условии использования КПТ, приобретенного за счет бюджетного финансирования, на отопление участков приносящей доход деятельности с использованием труда осужденных или сторонних организаций и другие.

В случае наличия в учреждениях УИС отдельных приборов учета горячего водоснабжения, установленных на участке сетей после нагрева, осуществляется проверка установленной нормы расхода КПТ на нагрев воды в межотопительный период в соответствии с Методическими указаниями от 19 декабря 2012 г. на предмет установления сверхнормативного списания КПТ.

В ходе проверки фактической оплаты за газ особое внимание уделяется ценовой политике, а именно повышению цен на поставленный газ в определенных периодах. Так, в соответствии с п. 17 Правил поставки газа в Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства РФ от 5 февраля 1998 г. № 162, при перерасходе газа без предварительного согласования с поставщиком, газотранспортной или газораспределительной организацией покупатель оплачивает дополнительно объем отобранного им газа сверх объема, установленного договором поставки, стоимость его транспортировки за каждые сутки с применением сезонных коэффициентов: с 15 апреля по 15 сентября – 1,1; с 16 сентября по 14 апреля – 1,5, что является неэффективным расходом бюджетных средств ввиду возможности заключения дополнительных соглашений с поставщиком на увеличение объемов поставки газа.

При наличии в учреждениях УИС приносящей доход деятельности, в результате которой образуются собственные отходы деревообрабатывающего производства, которые возможно использовать как КПТ, проводится анализ фактического учета данных отходов, их использования (неиспользования), количества полученного тепла и целесообразности дальнейшего использования на отопление объектов учреждения, в том числе упущенных возможностей экономного использования бюджетных средств, выделяемых на оплату КПТ, приобретаемого у поставщиков.

Кроме того, предметом проверки тепловой энергии является установленный в учреждении УИС режим работы котельной в неотопительный период. В соответствии с Отраслевым тарифным соглашением в коммунальном хозяйстве Российской Федерации

на 2023–2025 гг. производство, передача и реализация тепловой энергии относятся к сезонным работам, следовательно, котельные функционируют исключительно в зимний (отопительный) период. В связи с этим отдельным вопросом проверки является порядок трудоустройства и оплаты труда операторов котельной в безотопительный период, так как их оплата труда в указанные сроки может быть расценена как неэффективные расходы бюджетных средств на оплату труда работников, не выполняющих свои трудовые обязанности.

Другим видом жизненно важного ресурса любого учреждения УИС является водоснабжение и водоотведение. В большинстве случаев учреждения и органы УИС пользуются централизованными системами, но в отдельных учреждениях используются собственные водозаборные скважины для обеспечения исправительного учреждения водой в целом по всем направлениям деятельности или только на технологические нужды исходя из качества воды и полученной лицензии на ее пользование.

Централизованное водоснабжение

Водоснабжение и водоотведение с использованием централизованных систем осуществляется во всех учреждениях и органах УИС на основании договоров, заключенных согласно ст. 7 Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении» (далее – Закон № 416-ФЗ). В связи с этим проверка начинается с изучения содержания договора (государственного контракта) на предмет установления в нем всех необходимых разделов поставки воды, обеспечения эксплуатации систем водоснабжения и водоотведения, сроков, условий и источников финансирования для оплаты и др. Одновременно осуществляется проверка выполнения условий водоснабжения и водоотведения, порядка заключения договоров холодного водоснабжения, договоров водоотведения, единых договоров холодного водоснабжения и водоотведения, договоров по транспортировке воды, договоров по транспортировке сточных вод, установленных постановлением Правительства РФ от 29 июля 2013 г. № 644 «Об утверждении Правил холодного водоснабжения и водоотведения» (далее – постановление Правительства № 644).

Приемами фактического контроля проверяется наличие, техническое и рабочее состояние приборов учета (счетчиков) потребления воды и водоотведения. В случае выхода из строя приборов учета, в том числе при истечении сроков межповерочных интервалов, а также самовольного присоединения и (или) пользования централизованными системами водоснабжения, расчет потребленной воды производится в соответствии с требованиями раздела III Правил организации коммерческого учета воды, сточных вод, утвержденных постановлением Правительства РФ от 4 сентября 2013 г. № 776. При этом особое внимание уделяется длительности периода оплаты расчетным способом. Если указанный факт стал следствием бездействия должностных лиц, в кратчайшие сроки проводятся необходимые мероприятия и организуется работа по возмещению суммы переплаты за воду как разницы между расчетными объемами водопотребления (водоотведения) и данными приборов учета по установленным в рассматриваемый период тарифам.

Наличие собственных водозаборных скважин

Основным направлением проверки расходов учреждений УИС, связанных с водопотреблением от собственных скважин, является правильность расчета налога за забор воды, в частности, по статьям Налогового кодекса Российской Федерации:

– статья 333.10 – при заборе воды налоговая база определяется как объем воды, забранной из водного объекта, на основании показаний водоизмерительных приборов,

отражаемых в Журнале водопотребления форм 1.2–1.4, в соответствии с п. 6 Порядка ведения собственниками водных объектов и водопользователями учета объема забора (изъятия) водных ресурсов из водных объектов и объема сброса сточных (в том числе дренажных) вод, их качества, утвержденного приказом Минприроды России от 9 ноября 2020 г. № 903, п. 8 Правил расчета и взимания платы за пользование водными объектами, находящимися в федеральной собственности, утвержденных постановлением Правительства от 14 декабря 2006 № 764;

– статья 333.12 – налоговые ставки.

В случае отсутствия водоизмерительных приборов в учреждении УИС объем забранной воды определяется расчетным путем исходя из времени работы и установленной производительности технических средств.

Кроме того, в ходе проверки осуществляется сверка фактического объема потребленной воды с лимитом водоиспользования, указанного в лицензии, так как в случае превышения указанных в лицензии лимитов водоиспользования налоговая ставка водного налога увеличивается пятикратно, что является еще одним примером неэффективного использования бюджетных средств на оплату расходов, связанных с потреблением водного ресурса.

В период проверки проводится также анализ распределения затрат, связанных с добычей воды, поступающей из скважины (электроэнергия, затраченная на подъем воды, амортизация используемого имущества, фонд оплаты труда рабочих, обслуживающих скважину, налог на добычу недр и др.), на предмет их возмещения со стороны потребителей воды (участки приносящей доход деятельности, сторонние потребители, осужденные), с целью выявления неэффективного расхода бюджетных средств в виде отвлечения средств федерального бюджета на оплату расходов, фактически потребленных участками приносящей доход деятельности или сторонними организациями, а также неудержания (неполного удержания) из доходов осужденных расходов на их содержание.

Использование в рамках деятельности учреждений и органов УИС холодной и горячей воды неотъемлемо связано с ее отведением. В связи с этим в ходе проверки водоснабжения объемы полученной воды соотносятся с количеством отведенной воды по данным приборов учета сточных вод и объемом, указанным в актах оказанных услуг на водоотведение.

В случае отсутствия в учреждении УИС прибора учета сточных вод в соответствии с ч. 11 ст. 20 Закона № 416-ФЗ объем отведенных абонентом сточных вод принимается равным объему воды, поданной этому абоненту из всех источников централизованного водоснабжения, при этом учитывается объем поверхностных сточных вод в случае, если прием таких сточных вод в систему водоотведения предусмотрен договором водоотведения.

Если по результатам сверки объемов полученной и отведенной воды устанавливается превышение объемов водоотведения над объемами водоснабжения, осуществляется анализ основных условий договора (государственного контракта), устанавливаются причины допущенного превышения. При отсутствии объективных обоснований превышения определяется размер ущерба по стоимости оплаченных, но фактически не оказанных услуг по водоотведению.

Если учреждение вносит плату за сверхнормативный сброс загрязняющих веществ в соответствии со ст. 30.2 Закона № 416-ФЗ и с разд. XV постановления Правительства

№ 644, проверке подлежат основания для взимания указанной платы (акты отбора проб с указанием места, декларации о составе и свойствах сточных вод) и ее размер.

При фактическом подтверждении имеющегося в учреждении УИС объекта загрязняющих веществ проверяется источник финансирования платы с целью выявления возможного отвлечения бюджетных средств (например, при условии установления вредного производства в центре трудовой адаптации осужденных плата за сверхнормативный сброс загрязняющих веществ должна производиться за счет средств дополнительного источника бюджетного финансирования).

В случае неподдачи декларации и отсутствия акта отбора проб плата за сверхнормативный сброс загрязняющих веществ и негативное воздействие для объектов учреждений УИС, находящихся в отдельно стоящих зданиях, подключенных к центральной системе водоотведения, имеющих отдельный канализационный выпуск и определенный контрольный канализационный колодец, при среднесуточном объеме сбрасываемых вод более 30 м³ (считается исходя из месячного объема в зависимости от количества дней в месяце) рассчитываться не может. Следовательно, произведенная учреждением УИС оплата за негативное воздействие и сверхнормативный сброс загрязняющих веществ в подобных случаях расценивается как неэффективный расход бюджетных средств.

В соответствии с пп. 124, 167 постановления Правительства № 644 при среднесуточном объеме сбрасываемых вод менее 30 м³ для учреждений, на территории которых не функционируют предприятия общественного питания (пищеблоки, столовые), банно-прачечные комбинаты, склады, нормативы загрязняющих веществ не применяются, следовательно, произведенная учреждением УИС плата за сверхнормативный сброс загрязняющих веществ в указанном случае неправомерна. При этом, если в учреждении УИС на дату отбора проб сточных вод отсутствует действующая декларация, в соответствии с п. 123.2 постановления Правительства № 644 плата за негативное воздействие удваивается до месяца, следующего за месяцем принятия декларации. Оплата за негативное воздействие по двойному тарифу также является неэффективным расходом бюджетных средств.

Указанные условия по соблюдению требований законодательства в части осуществления платы за сверхнормативный сброс загрязняющих веществ и негативное воздействие являются отдельным предметом документальной проверки субъектов контроля.

Электроснабжение

Обеспечение учреждений УИС электроэнергией осуществляется централизованно от снабжающей организации, и на случай возможных перебоев поставки электричества (аварии линии электропередач, ремонт и другие причины) в каждом учреждении имеется дизель-генератор мощностью, достаточной для обеспечения основных функций его жизнедеятельности.

Централизованная поставка электроэнергии осуществляется на основании заключенных договоров (государственных контрактов) со снабжающей организацией. Анализ используемых тарифов на электроэнергию проверяется исходя из положений норм п. 3 приложения 1 к постановлению Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2011 г. № 1178 «О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике» (далее – постановление Правительства № 1178), а также разъяснений Федеральной службы по тарифам (ФСТ России), изложенных в письме от 10 сентября 2008 г. № НБ-5157/12 «О тарифах для жилых зон при исправительно-трудовых учреждениях».

Проверка заключается в полноте подключения всех объектов учреждения УИС, для которых предусмотрен тариф «Для населения», к соответствующим приборам учета. Следует отметить, что тариф «Для населения» применяется к потреблению электроэнергии в зданиях, предназначенных для содержания осужденных, без учета их назначения: жилое или нежилое, что подтверждается п. 3 приложения 1 к постановлению Правительства № 1178 «Перечень категорий потребителей, которые приравнены к населению и которым электрическая энергия (мощность) поставляется по регулируемым ценам (тарифам)», согласно которому тариф «Для населения» применяется в целях потребления осужденными в помещениях для их содержания при условии наличия отдельного учета потребления электрической энергии в указанных помещениях. Применение указанного тарифа возможно не только для исправительных учреждений УИС, но и для следственных изоляторов (СИЗО), о чем свидетельствует положительная судебная практика о применении тарифа «Для населения» к режимным корпусам в СИЗО (например, определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 28 июля 2014 г. № ВАС-9318/14 по делу № А51-22844/2013).

При условии выявления фактов оплаты электроэнергии, потребленной осужденными в помещениях для их содержания, по общему тарифу делается вывод об оплате по завышенным тарифам, следовательно, произведение фактического потребления объема электроэнергии на разницу между тарифами представляет собой сумму неэффективного расхода бюджетных средств.

В целях проверки достоверности объема потребленной электроэнергии запрашивается журнал (ведомость) учета показаний контрольно-измерительных приборов, ведение которого предусмотрено п. 34 Правил технической эксплуатации электроустановок потребителей электрической энергии, утвержденных приказом Министерства энергетики Российской Федерации от 12 августа 2022 г. № 811.

В случае установления в ходе проверки самовольного присоединения и (или) пользования системами электроснабжения объем бездоговорного потребления электрической энергии определяется в соответствии с нормами п. 2 приложения 3 к Основным положениям функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденных постановлением Правительства РФ от 4 мая 2012 г. № 442 «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии».

В целях проверки объемов потребления электроэнергии на объектах учреждения УИС, учитываемых по разным тарифам, рассматриваются схемы подключения инженерных сетей и фактические направления линий электропередач, по результатам которых сопоставляются объекты, предусмотренные договором поставки электроэнергии, с приборами учета по установленным тарифам.

В случае отсутствия реальной возможности определения всех потребителей по инженерным сетям осуществляется поэтапное временное отключение электроэнергии по конкретным приборам учета на отдельных объектах. Указанным способом устанавливаются случаи отвлечения бюджетных средств на оплату электроэнергии, потребляемой сторонними организациями и отдельными участками производственной деятельности, приносящей доход от использования труда осужденных.

В ходе проверки потребления электроэнергии в учреждениях и органах УИС особое внимание уделяется выполнению условий Методических рекомендаций по внедрению риск-ориентированного подхода при проведении плановых проверок деятельности юридического

лица и (или) индивидуального предпринимателя субъекта электроэнергетики, эксплуатирующего объекты электросетевого хозяйства, утвержденных приказом Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору от 23 июля 2019 г. № 291, а именно:

– проверке проектной и исполнительной документации – паспортов и заводских инструкций по эксплуатации оборудования; оперативного плана пожаротушения; проведения энергетических обследований в соответствии с действующим законодательством об энергосбережении; организации технического обслуживания и плановых ремонтов оборудования, зданий и сооружений объекта электросетевого хозяйства; организации и проведения работ в области охраны труда, техники безопасности, электробезопасности, согласно подп. 5.1;

– организации эксплуатации силовых трансформаторов – наличие инструкций по эксплуатации силовых трансформаторов, планов проведения ремонтов, документации по профилактическим испытаниям трансформаторов, наличие и выполнение графиков осмотра трансформаторов без отключения, согласно подп. 5.6;

– организации эксплуатации распределительных устройств – наличие инструкций по эксплуатации распределительных устройств, планов проведения ремонтов оборудования, документации по испытаниям электрооборудования распределительных устройств, утвержденного графика по контролю за температурой контактных соединений шин в распределительных устройствах, согласно подп. 5.7;

– организации эксплуатации воздушных линий электропередач – наличие инструкции по эксплуатации воздушных линий электропередачи, документации по техническому обслуживанию и ремонту воздушных линий электропередачи, организация проведения периодических и внеочередных осмотров воздушных линий, согласно подп. 5.9.

По результатам документальной и фактической проверки наличия, состояния, эксплуатации объектов электроснабжения могут обнаруживаться ситуации, которые не являются финансовыми нарушениями, но влекут за собой из-за неприятия своевременных мер реагирования серьезные последствия, финансовые потери и ущерб.

В качестве основных риск-ориентированных ситуаций следует выделить:

1. Технические:

– перегрузка оборудования – превышение допустимых нагрузок на трансформаторы и линии электропередач;

– неисправности оборудования – поломки или выход из строя генераторов, трансформаторов, распределительных устройств и других компонентов системы;

– нарушения в системе автоматизации – сбои в работе систем мониторинга и управления электроснабжением.

2. Аварийные:

– аварийные отключения – неожиданные отключения электроэнергии из-за короткого замыкания, повреждений линий или оборудования;

– пожары и возгорания – пожары, вызванные неисправностями в электропроводке или оборудовании.

3. Нарушение правил эксплуатации:

– несоблюдение регламентов – непроведение регулярных проверок и технического обслуживания оборудования;

– отсутствие запасных источников питания – непредусмотренные меры на случай аварийного отключения (нерабочее состояние дизель-генераторов).

4. Нарушение безопасности:

– недостаточная защита от поражения электрическим током – отсутствие необходимых защитных устройств (повреждения линии электропередач, автоматов, устройств защиты оборудования);

– нарушения в организации доступа – несанкционированный доступ к электрическим установкам и оборудованию.

5. Документационные:

– отсутствие необходимой документации – непредставление актов о проведении проверок, ремонтов и технического обслуживания;

– несоответствие документации фактическому состоянию – различия между данными в документах и реальным состоянием электроснабжения.

6. Нарушения в организации работы:

– неправильная организация труда – отсутствие четких инструкций и регламентов по действиям в случае аварийных ситуаций;

– недостаточная подготовка персонала – неподготовленность сотрудников к действиям в случае отключений или аварий;

– кадровый дефицит – вакантные должности сотрудников и работников.

7. Экологические нарушения:

– загрязнение окружающей среды – утечка горюче-смазочных материалов и других веществ, негативно влияющих на экологию [1, с. 142–146].

Указанные выше нарушения могут привести к неэффективному расходу бюджетных средств на устранение аварийных и чрезвычайных обстоятельств, восстановление работоспособности электроустановок; оплату штрафных санкций, связанных с нарушением безопасности и загрязнением окружающей среды.

Отдельным вопросом проверки ТЭР является порядок использования дизельных электростанций (ДЭС), в том числе: частота и условия запуска ДЭС в соответствии с подп. 12.2 Национального стандарта ГОСТ Р 55006-2012, утвержденного приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 20 сентября 2012 г. № 385-ст; обоснованность внеплановых запусков в связи с распоряжением о введении усиленного варианта несения службы; отключение электроэнергии; неисправность или ремонт электросетей; пуско-наладочные работы и другие причины; продолжительность работы; уровень нагрузки (на холостом ходу или с нагрузкой); количество списываемого дизельного топлива в соответствии с актами запуска. Кроме того, осуществляются выборочные сверки показаний мотосчетчиков с записями в журнале учета показаний (при наличии) и актами о запуске ДЭС, проверки исправности мотосчетчика путем фактического контрольного запуска ДЭС. По результатам такой проверки и дальнейшей сверки фактического потребления дизельного топлива с техническими характеристиками ДЭС возможно выявление необоснованных запусков ДЭС (формальное оформление документов), сверхнормативного списания дизтоплива, вследствие которых допускается неэффективный расход бюджетных средств.

Проверка приобретения (получения) и эффективного расходования ТЭР в учреждениях и органах УИС основана на использовании и сочетании различных методов контроля: документальная проверка, визуальный осмотр, фактическая проверка, технико-экономические расчеты, измерительные действия, опросы, пояснения ответственных лиц и др.

Потребление ТЭР непосредственно связано с вопросами их возмещения потребителями (сторонними организациями и физическими лицами, объектами приносящей доход

деятельности и лицами, содержащимися под стражей), что также является предметом проверки в ходе проводимых контрольных действий в учреждениях и органах УИС.

Таким образом, мероприятия по проведению проверок и контроля за состоянием и использованием энергоресурсов в учреждениях УИС включают в себя многосторонние исследования:

- проверка договоров (государственных контрактов) со снабжающей организацией;
- проверка документации по организации выработки и потребления энергоресурсов собственными силами учреждения;
- проведение анализа по планированию потребления (расчета потребности) ТЭР и оценке состояния их загруженности;
- проведение проверки правильности работы техники, оборудования, своевременности поверки приборов учета и их ремонта;
- анализ использования возможностей, эффективно направленных на повышение энергоэффективности;
- определение величины потерь, ущерба, способов их возмещения;
- определение приоритетных направлений в энергосбережении.

Совокупность такого комплекса проверок и мероприятий, направленных на выявление экономически возможной оптимизации потребления ТЭР, является энерготехнологическим обследованием [2].

В условиях ограниченного бюджетного финансирования, постоянного роста стоимости энергетических ресурсов вопрос экономии и безопасности в области потребления топливно-энергетических ресурсов остается для УИС одним из весьма актуальных.

Важно отметить, что высокое качество проверки и оценки уровня эффективности работы учреждений обеспечивает энергоаудит [3, с. 41].

Таким образом, проверка топливно-энергетических ресурсов в УИС – это комплексный процесс, требующий соблюдения строгих норм и правил. Регулярные и качественные проверки позволят своевременно выявлять и устранять потенциальные риски, тем самым повышая уровень безопасности ФСИН России.

Список источников

1. Ульяницкий А. Г. Эффективность использования автоматизированной системы контроля и учета энергоресурсов в системах учета электроэнергии // Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века. 2019. № 15. С. 142–146.
2. Данилов Н. И., Щелоков Я. М., Столбов Ю. К. Региональная энергетическая политика : учеб. пособие. Екатеринбург, 2007. 77 с.
3. Беляева Е. А., Наумова О. В. Экономический эффект при проведении энергоаудита // Современные проблемы и перспективы развития строительства, теплогазоснабжения и энергообеспечения : материалы IX Нац. конф. с медунар. участием / под ред. Ф. К. Абдразакова. Саратов, 2019. С. 38–41.

References

1. Ulyanitsky, A. G. 2019, 'Efficiency of using an automated system for monitoring and accounting of energy resources in electricity metering systems', *Scientific and educational potential of youth in solving urgent problems of the XXI century*, iss. 15, pp. 142–146.
2. Danilov, N. I., Shchelokov, Ya. M. & Stolbov, Yu. K. 2007, *Regional energy policy: textbook*, Yekaterinburg.

3. Belyaeva, E. A. & Naumova, O. V. 2019, 'Economic effect during energy audit', in F. K. Abdrazakov (ed.), *Modern problems and prospects of development of construction, heat and gas supply and energy supply: proceedings of the IX National Conference with international participation*, pp. 38–41, Saratov.

Информация об авторе

Л. А. Маленкова – кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры бухгалтерского учета, анализа, финансов и налогообложения.

Information about the author

L. A. Malenkova – PhD (Economics), Associate Professor, professor of the accounting, analysis, finance and taxation department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки).

Статья поступила в редакцию 25.04.2025; одобрена после рецензирования 20.05.2025; принята к публикации 28.11.2025.

The article was submitted 25.04.2025; approved after reviewing 20.05.2025; accepted for publication 28.11.2025.

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

Научная статья

УДК 316.48

doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.614-623

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КОНФЕССИОНАНЫХ КОНФЛИКТОВ КАК УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА: НЕОБХОДИМОСТЬ, ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Максим Дмитриевич Горбунов¹, Владислав Владимирович Груздев^{2,3,4}

¹ Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, maxandgor@gmail.com

² Азовский морской институт (Мариупольский филиал Севастопольского государственного университета в Донецкой Народной Республике), г. Мариуполь, Россия

³ Костромской государственный университет, г. Кострома, Россия

⁴ Донбасский государственный университет юстиции, г. Донецк, Россия, vgruzdev@kosgog.ru

Аннотация. В статье определяются необходимость, теоретическая и практическая значимость изучения межконфессиональных конфликтов в системе юридического образования. Отмечается, что существующие вызовы общества и государства обуславливают наличие у профессиональных юристов специальных знаний в сфере межконфессиональных отношений. Это определяет необходимость формирования комплексной дисциплины, включающей в себя формально-юридический, культурологический, религиоведческий и конфликтологический компоненты для выработки навыков разрешения конфессиональных конфликтов. Специфика учебного курса определяется характером изучаемых конфликтных ситуаций, где одним из субъектов является религиозная организация. Сделан вывод о том, что дисциплина «Правовые аспекты конфессиональных конфликтов» может значительно способствовать борьбе с проявлениями экстремизма и религиозной вражды в обществе и построению диалога между религиозными организациями и государством.

Ключевые слова: юридическая конфликтология, правовое регулирование, юридическое образование, религия, межконфессиональные отношения, социальные конфликты, духовные отношения, общество, государство

Для цитирования

Горбунов М. Д., Груздев В. В. Правовые аспекты конфессиональных конфликтов как учебная дисциплина: необходимость, основные положения и перспективы

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации FZEW-2023-0003.

© Горбунов М. Д., Груздев В. В., 2025

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

развития // Человек: преступление и наказание. 2025. Т. 33(1–4), № 4. С. 614–623.
DOI: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.614-623.

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SEARCH

Original article

LEGAL ASPECTS OF CONFESSIONAL CONFLICTS AS AN ACADEMIC DISCIPLINE: NECESSITY, MAIN PROVISIONS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Maxim Dmitrievich Gorbunov¹, Vladislav Vladimirovich Gruzdev^{2,3,4}

¹ N. I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia, maxandgor@gmail.com

² Azov Maritime Institute (Mariupol branch of Sevastopol State University in Donetsk People's Republic), Mariupol, Russia

³ Kostroma State University, Kostroma, Russia

⁴ Donbass State University of Justice, Donetsk, Russia, gruzdev@kosgos.ru

Abstract. The article defines the necessity, theoretical and practical significance of studying interfaith conflicts in the legal education system. It is noted that the existing challenges of society and the state require professional lawyers to have special knowledge in the field of interfaith relations. This determines the need to form a comprehensive discipline that includes formal legal, cultural, religious, and conflictological components to develop skills for resolving confessional conflicts. The specifics of the training course are determined by the nature of the conflict situations being studied, where one of the subjects is a religious organization. It is concluded that the discipline "Legal aspects of confessional conflicts" can significantly contribute to combating extremism and religious hatred in society and building a dialogue between religious organizations and the state.

Keywords: legal conflictology, legal regulation, legal education, religion, interfaith relations, social conflicts, spiritual relations, society, state

For citation

Gorbunov, M. D. & Gruzdev, V. V. 2025, 'Legal aspects of confessional conflicts as an academic discipline: necessity, main provisions and development prospects', *Man: crime and punishment*, vol. 33(1–4), iss. 4, pp. 614–623, doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.614-623.

В современном мире в условиях миграционных процессов, гуманитарных кризисов и амбивалентных процессов глобализации вопросы регулирования межрелигиозных отношений приобретают особую значимость. Конфессиональные конфликты, возникающие на почве религиозных различий, уже давно стали одной из значимых проблем не только национального, но и международного уровня, поскольку создают значительные

риски социальных и правовых проблем, угрожающих государственной стабильности и международной безопасности [5].

Внимание к теме конфессиональных конфликтов не может быть полным и предметным без понимания юридической составляющей, поскольку именно право выступает основным инструментом их предупреждения, управления и разрешения [6]. Несмотря на подробную правовую регламентацию религиозных и конфессиональных вопросов, а также деятельности религиозных организаций, практические аспекты конфессиональных конфликтов осмысляются слабо. Текущее состояние правовой действительности также говорит о недостаточной разработке специализированных практических мер воздействия на них [16].

Отдельную проблему составляет отсутствие профессиональной профильной подготовки юристов, которая может быть начата с разработки специализированной дисциплины. Введение предмета, посвященного правовым аспектам конфессиональных конфликтов, могло бы способствовать формированию у будущих юристов необходимых компетенций для работы в этой сложной и социально значимой области конфликтных отношений.

Данные обстоятельства обуславливают необходимость проведения исследования проблемы, в основе которого лежит задача концептуального определения специализированной учебной дисциплины «Правовые аспекты конфессиональных конфликтов», ее специфических предметных особенностей в системе конфликтологического знания, а также определения направлений и перспектив имплементации в программу высшего юридического образования и последующего развития.

Зарубежная практика демонстрирует высокую степень включенности данного предмета в программу юридического образования и общую практическую направленность на рассмотрение конкретных ситуаций конфликтов и практик переговорного процесса [20]. Представляется, что российская образовательная система могла бы адаптировать лучшие практики, дополнив их национальной спецификой, включая опыт регулирования межконфессиональных отношений.

Как указывалось выше, религиозные противоречия при их перерастании в конфликты оказывают значительное деструктивное влияние на общественную стабильность, межконфессиональные отношения и государственную безопасность, особенно во многонациональных странах, таких как Россия [8]. В данных условиях перед юристами ставится задача не только обладания общими знаниями в сфере конституционных гарантий прав и свобод и нормативных актов о религиозных объединениях, но и понимания специфики конфессиональных отношений, взаимосвязи права и религии, деятельности религиозных организаций, в том числе в межкультурном диалоге. При этом отсутствие системного подхода к изучению данной проблематики в программах высшего юридического образования снижает эффективность правового воздействия на конфессиональные отношения в целом.

Системность при изучении правовых аспектов конфессиональных конфликтов также должна дополняться междисциплинарностью, поскольку религиозные организации присутствуют в праве на разных уровнях и в различных отраслях, а специфика их деятельности образует особый социокультурный контекст. При этом междисциплинарность предполагает специально-юридическую и конфликтологическую составляющие.

Комплекс специально-юридических знаний, включаемых в дисциплину, складывается из следующих аспектов:

- международно-правовой – договоры и конвенции о свободе вероисповедания, а также практика наднациональных судов по защите религиозных меньшинств;
- конституционно-правовой – закрепленные учредительными нормами гарантии свободы совести и собраний, плюрализма и светскости государства;
- гражданско-правовой – статус религиозных объединений как участников хозяйственного оборота и корпоративных отношений;
- уголовно-правовой – запретительные нормы, касающиеся противодействия оскорблению религиозных чувств, экстремизму и религиозной вражде;
- административно-правовой – процедурные нормы о порядке регистрации и деятельности религиозных организаций [3].

Указанные аспекты определяют специфический правовой режим межконфессиональных конфликтов, который определяет общие принципы их изучения. Такой режим предусматривает гармонизацию принципов светскости, религиозной свободы и идеологического плюрализма на основе баланса между государственными, общественными и профессиональными интересами. Религиозные институты отделены от государства и не должны занимать доминирующее идеологическое положение в обществе, а должны пользоваться правовой защитой на основе взаимного уважения и принятия.

Введение дисциплины «Правовые аспекты профессиональных конфликтов» требует, помимо формально-юридической, прочной теоретико-методологической базы, основу которой составляет юридическая конфликтология [17]. Конфликтологическая основа дисциплины позволяет подходить к изучению межконфессиональных конфликтов комплексно, принимая во внимание юридический и общесоциальный аспекты [11], адаптировать конкретные правовые инструменты воздействия к специфике конфликтных отношений [15].

Религиозные конфликты, кроме правовой, имеют глубокую социальную и идеологическую составляющие, учет которых необходим для понимания конфликта как сложного общественного отношения с определенными динамикой, структурой, причинами возникновения и механизмами урегулирования.

Традиционные методы и способы правового регулирования оказываются недостаточно эффективными для разрешения религиозных и межконфессиональных конфликтов в первую очередь потому, что не учитывают баланс интересов конфликтующих сторон. Конфликтология предлагает конкретные средства разрешения конфликтных ситуаций, основанных на компромиссном подходе, включая медиацию и переговоры [13].

Таким образом, юридическая конфликтология необходима в рассматриваемой дисциплине, так как она дает инструменты для анализа неправовых аспектов конфликтного противоборства, а также формирует у юристов комплексное понимание религиозных конфликтов, необходимое для работы с ними. Без фундаментальной основы дисциплина рискует свестись к формальному изучению законодательства, что не соответствует задачам предмета научить разрешать подобные конфликты и минимизировать их деструктивное влияние на общество и государство.

Названные обстоятельства определяют комплексный характер дисциплины «Правовые аспекты профессиональных конфликтов» как направления, предметно изучающего конфликты в сфере религиозных отношений в их связи с правовой системой, объединяя знания из различных отраслей права.

Междисциплинарность учебного курса также предусматривает интеграцию с другими дисциплинами, включая предметы «Культурология» и «Религия и права» при условии их последовательного изучения. Такой комплексный подход позволит студентам выработать системное понимание генезиса и природы конфессиональных конфликтов, механизмов их социального и правового регулирования.

Введение новой учебной дисциплины требует четкого определения не только ее концептуальных основ, но и специфики подходов к изучению предмета и содержательного наполнения. Структура учебного курса должна, с одной стороны, базироваться на дисциплине «Юридическая конфликтология» для лучшего вхождения в учебную программу, а с другой – отвечать специфике предмета изучения. В связи с этим, помимо традиционных модулей, формирующих представление о науке конфликтологии, понятии, функциях, типологии, динамике, структуре и способах разрешения конфликтов [12], дисциплина «Правовые аспекты конфессиональных конфликтов» должна включать в себя специфические модули, которые могут быть интегрированы в рамках соответствующих общих тем, включая генезис конфессиональных конфликтов: социокультурные, политические, правовые и иные условия; конфликтогенные факторы религиозных и межконфессиональных отношений: юридические и идеологические коллизии; функции конфессиональных конфликтов в духовной сфере жизни общества, межкультурных и межнациональных практиках; типологию конфессиональных конфликтов: правовых и неправовых; особенности субъектного и предметного состава религиозных конфликтов; практику реализации государственных и альтернативных способов урегулирования: особенности и ограничения и др.

Следовательно, особый акцент в изучении дисциплины делается на понимании специфики конфессиональных и религиозных конфликтов, обладающих уникальной природой и специфическими характеристиками, которые требуют специальных подходов к их анализу и разрешению, поэтому для полного понимания дисциплины необходимо определить сущностные характеристики ее предмета.

Конфессиональные конфликты обладают следующими особенностями.

1. Ценностно-нормативный характер. Конфессиональные конфликты основаны на столкновении сакральных ценностей и религиозных догматов и связаны с глубинными мировоззренческими установками, потому имеют иррациональный компонент и плохо поддаются правовой формализации.

2. Особый субъектный состав. Участниками конфессиональных конфликтов выступают различные религиозные организации, имеющие особый правовой статус, верующие как индивидуальные субъекты и государственные органы, что создает сложные специфические правоотношения, обладающие особой социальной значимостью.

3. Специфика предмета спора. Предметом конфессиональных конфликтов выступают особые нематериальные блага в виде религиозных ценностей, а также материальные блага, которые, с одной стороны, имеют характер объектов прав, а с другой – обременены дополнительными характеристиками (например, символика, обряды, культовые места и памятники).

4. Сложная исполнимость решений. Для разрешения конфессиональных конфликтов необходима двойная легитимация со стороны как религиозных, так и правовых норм, поэтому урегулирование конфликта требует специальных механизмов имплементации решений, которые должны признаваться религиозными сообществами [7]. Указанные особенности еще раз демонстрируют, что конфессиональные конфликты нуждаются в разработке специальных методик изучения и фактического правового воздействия.

Видовое разнообразие конфессиональных конфликтов также имеет значение при формировании курса в первую очередь для определения правовых связей внутри конфликтных отношений. К основным видам следует отнести.

1. Религиозные конфликты в обществе – это конфликты мировоззренческого характера, возникающие между представителями разных конфессий или религий как социальных групп по поводу публичного выражения религиозности, оскорбления чувств верующих и поиска духовной истины [9].

2. Конфликты правового взаимодействия – это конфликты, возникающие между религиозными организациями и другими субъектами права, включая юридических лиц, государство, его органы и иные религиозные объединения, по поводу осуществления хозяйственной и иной деятельности [4]. При этом характеристика конфликтов зависит от контрсубъекта. Так, конфликты с государством включают в себя регистрационные, налоговые, земельные и контрольно-надзорные споры; конфликты с юридическими лицами – имущественные, трудовые и обязательственные споры; конфликты с религиозными организациями – споры о канонических территориях, пастве, праве на историческое наследие и духовное управление.

3. Внутриконфессиональные правовые конфликты – споры корпоративного характера внутри религиозных организаций по вопросам управления и распределения полномочий внутри организаций на стыке религиозных норм и законодательства [1].

4. Религиозные правонарушения – противоправные действия с религиозной составляющей, образующие специальные составы противоправных и преступных деяний, связанных не только с общественной опасностью, но и с ущербом религиозным сообществам [2].

В уголовном законодательстве России подобные конфликты образуют как специальные преступления, включая нарушение права на свободу совести и вероисповедания (ст. 148 УК РФ, ст. 5.26 КоАП РФ), так и общие составы, имеющие специфическую форму квалификации, в частности, надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244 УК РФ), возбуждение ненависти или вражды (ст. 282 УК РФ).

Определение этих видов не только упрощает понимание обучающимися основных категорий конфессиональных конфликтов, но и позволяет разрабатывать адресные правовые механизмы их разрешения.

Кроме определения структуры дисциплины, ее содержания и предметных особенностей, решающее значение имеет формирование алгоритмов и методик преподавания. Это связано как с практическим опытом дисциплины, так и с уяснением ее специфической методологии и пропедевтики, важными составляющими которых должны стать, во-первых, междисциплинарный синтез при интеграции догматического юридического анализа с элементами религиоведения, социальной психологии и культурологии; во-вторых, принцип контекстуальности при изучении конфликтов сквозь призму их исторического генезиса, духовных и материальных условий общественной среды; в-третьих, профессиональная этика на основе научной объективности и академичности при учете эмоциональной наполненности обучения и фактической политической ангажированности тем; в-четвертых, инновационность при интеграции интерактивных форм обучения, специальных образовательных методик и информационных технологий [14].

Фактическая имплементация дисциплины в учебный процесс может предусматривать несколько альтернативных моделей.

1. Бакалавриат – введение обязательного или факультативного курса в общий профиль обучения или в рамках специализации конституционного или социального права.

2. Магистратура – создание специализированной магистерской программы «Правовое регулирование государственно-конфессиональных отношений», в которой дисциплина могла бы занять одно из ведущих мест.

3. Дополнительное образование – программы повышения квалификации для государственных служащих, спецкурсы для сотрудников правоохранительных органов, тренинги для медиаторов и переговорщиков, а также членов религиозных организаций.

Предпочтительным должен быть тот вариант, который может обеспечить синергию как со специальными юридическими дисциплинами, так и с предметами общекультурного профиля. Оптимально сочетание нескольких этапов подготовки в рамках базового на уровне изучения дисциплин «Юридическая конфликтология» и «Религия и право» на младших курсах и продвинутого в рамках предмета «Правовые аспекты конфессиональных конфликтов» на старших курсах или в магистратуре.

Дисциплина также имеет значительный потенциал для роста при проведении просветительских мероприятий для граждан, создании научных центров, сотрудничестве с религиозными организациями, участии в общественных советах при органах власти.

Подводя итог, отметим, что введение в систему юридического образования дисциплины «Правовые аспекты конфессиональных конфликтов» представляется необходимым шагом подготовки юристов в условиях растущего числа межконфессиональных и религиозных конфликтов. Современные реалии требуют не только глубокого понимания норм, регулирующих религиозные свободы и деятельность религиозных объединений, но и владения специальными компетенциями в области предупреждения, управления и разрешения подобных конфликтов.

В ходе исследования было установлено, что данная дисциплина обладает значительным потенциалом, интегрируя знания из различных отраслей права, а также элементы религиоведения и конфликтологии на теоретическом и практическом уровне. Ее внедрение не только дает ответ на современные запросы юридического образования, но и обеспечивает значительный вклад в укрепление межконфессионального и межнационального диалога, профилактику экстремизма и обеспечение стабильности поликультурного социума. Однако дальнейшее развитие дисциплины должно быть обеспечено активным взаимодействием академической среды, законодателей и практикующих юристов, а также самих религиозных организаций и представителей конфессий, что позволит создать комплексную систему подготовки специалистов, готовых к работе в одной из самых сложных и социально значимых сфер правовых отношений.

Список источников

1. Ананьева К. Я., Хлыстов М. В. Религиозная организация как форма юридического лица // *Юридическая наука.* 2016. № 4. С. 31–38.
2. Антипов Д. Н. Классификация преступлений, посягающих на религиозные отношения // *Пробелы в российском законодательстве.* Юридический журнал. 2018. № 7. С. 158–161.
3. Григоренко А. Ю. Основные типы и модели государственно-церковных отношений в современном мире (XX–XXI века) // *Вестник РХГА.* 2015. № 2. С. 140–144.
4. Дзанаева А. А. Религиозная организация как субъект права // *Вестник науки.* 2019. № 6(15). С. 266–271.

5. Дринова Е. М. Конфессиональная геополитика разрешения этноконфессиональных конфликтов // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2007. № 3. С. 42–45.
6. Исаев А. В. Правовая вероисповедная политика в XXI веке: российский и зарубежный опыт // *Вестник государственного и муниципального управления*. 2012. № 3. С. 109–117.
7. Ключко А. С. Особенности и специфика религиозных конфликтов // *E-Scio*. 2022. № 5(68). С. 140–144.
8. Козаев Н. Ш., Федоренко С. А. К вопросу правового обеспечения конфессиональной безопасности в современной России // *Право и практика*. 2019. № 3. С. 10–13.
9. Лучшева Л. В. Религиозные отношения и религиозный конфликт // *Вестник экономики, права и социологии*. 2017. № 4. С. 283–286.
10. Малько А. В., Липинский Д. А. Правовое и религиозное регулирование: взаимодействие, противоречия и ответственность субъектов общественных отношений // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2018. № 39. С. 6–35.
11. Моисеева Е. В., Рослякова С. В. Социально-правовая подготовка студентов к работе с конфликтами в профессиональной деятельности // *Инновационное развитие профессионального образования*. 2022. № 2(34). С. 77–84.
12. Павлов В. И. Юридическая конфликтология как новое научное направление и ее место в системе традиционного юридического знания // *Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. D. Экономические и юридические науки*. 2009. № 4. С. 95–99.
13. Пустовалова И. Н., Валева И. А., Найденова Н. А. Внесудебные механизмы разрешения споров // *Век качества*. 2022. № 1. С. 182–193.
14. Рабош А. В., Сидоров С. А., Честнов И. Л. Методология преподавания юридических дисциплин перед вызовами постсовременности // *Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена*. 2019. № 191. С. 14–21.
15. Старыгина П. С. Альтернативные средства разрешения социальных конфликтов: вопросы правового регулирования // *Марийский юридический вестник*. 2015. № 2(13). С. 78–80.
16. Топчиев М. С. Политика регулирования конфессиональных отношений и конфликтов в поликонфессиональном регионе // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2009. № 2. С. 85–91.
17. Федоров В. Религиозные конфликтология и иренология – социально-психологический ресурс богословского образования // *Современная христианская психология и антропология: актуальные вопросы : материалы Всерос. конф. (Санкт-Петербург, 2 окт. 2020 г.)*. СПб., 2020. С. 28–38.
18. Федоров В. Ф., Белов П. Ю. Религиозная конфликтология в системе духовного и светского гуманитарного образования // *Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии*. 2023. № 2. С. 96–111.
19. Федоров В. Ф., Шишова М. И. Стратегии примирения в этно-религиозных конфликтах // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2010. № 1. С. 65–69.
20. McKinney, S. & Zannoni, F. 2015, 'Religion, conflict and education', *Ricerche di Pedagogia e Didattica – Journal of Theories and Research in Education*, iss. 10(1), pp. 1–12.

References

1. Ananyeva, K. Ya. & Khlystov, M. V. 2016, 'Religious organization as a form of a legal entity', *Legal science*, iss. 4, pp. 31–38.

2. Antipov, D. N. 2018, 'Classification of crimes encroaching on religious relations', *Gaps in Russian legislation. Law journal*, iss. 7, pp. 158–161.
3. Grigorenko, A. Yu. 2015, 'Basic types and models of state-church relations in the modern world (XX–XXI century)', *Bulletin of the Russian Academy of Fine Arts*, iss. 2, pp. 140–144.
4. Dzanaeva, A. A. 2019, 'Religious organization as a subject of law', *Bulletin of Science*, iss. 6(15), pp. 266–271.
5. Drinova, E. M. 2007, 'Confessional geopolitics of resolving ethno-confessional conflicts', *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, iss. 3, pp. 42–45.
6. Isaev, A. V. 2012, 'Legal religious policy in the 21st century: Russian and foreign experience', *Bulletin of State and Municipal Administration*, iss. 3, pp. 109–117.
7. Klyuiko, A. S. 2022, 'Features and specifics of religious conflicts', *E-Scio*, iss. 5(68), pp. 140–144.
8. Kozaev, N. S. & Fedorenko, S. A. 2019, 'On the issue of legal provision of confessional security in modern Russia', *Law and practice*, iss. 3, pp. 10–13.
9. Besteva, L. V. 2017, 'Religious relations and religious conflict', *Bulletin of Economics, Law and Sociology*, iss. 4, pp. 283–286.
10. Malko, A. V. & Lipinsky, D. A. 2018, 'Legal and religious regulation: interaction, contradictions and responsibility of subjects of public relations', *Bulletin of Perm University. Legal sciences*, iss. 39, pp. 6–35.
11. Moiseeva, E. V. & Roslyakova, S. V. 2022. 'Socio-legal preparation of students to work with conflicts in professional activity', *Innovative development of professional education*, iss. 2(34). pp. 77–84
12. Pavlov, V. I. 2009, 'Legal conflictology as a new scientific field and its place in the system of traditional legal knowledge', *Bulletin of the Polotsk State University. Ser. D. Economic and Legal Sciences*, iss. 4, pp. 95–99.
13. Pustovalova, I. N., Valeeva, I. A. & Naydenova, N. A. 2022, 'Extrajudicial dispute resolution mechanisms', *Century of Quality*, iss. 1, pp. 182–193.
14. Rabosh, A. V., Sidorov, S. A. & Chestnov, I. L. 2019, 'Methodology of teaching legal disciplines in the face of postmodern challenges', *Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen*, iss. 191, pp. 14–21.
15. Starygina, P. S. 2015, 'Alternative means of resolving social conflicts: issues of legal regulation', *Mari Law Bulletin*, iss. 2(13), pp. 78–80.
16. Topchiev, M. S. 2009, 'The policy of regulating confessional relations and conflicts in a multi-confessional region', *The Caspian region: politics, economics, culture*, iss. 2, pp. 85–91.
17. Fedorov, V. 2020, 'Religious conflictology and irenology – a socio-psychological resource of theological education', in *Modern Christian Psychology and Anthropology: current issues. Materials of the All-Russian Conference*, iss. 1, pp. 28–38.
18. Fedorov, V. F. & Belov, P. Yu. 2023, 'Religious conflictology in the system of spiritual and secular humanitarian education', *Theological Bulletin of the Smolensk Orthodox Theological Seminary*, iss. 2, pp. 96–111.
19. Fedorov, V. F. & Shishova, M. I. 2010, 'Strategies of reconciliation in ethno-religious conflicts', *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*, iss. 1, pp. 65–69.
20. McKinney, S. & Zannoni, F. 2015, 'Religion, conflict and education', *Ricerche di Pedagogia e Didattica – Journal of Theories and Research in Education*, iss. 10(1), pp. 1–12.

Информация об авторах

М. Д. Горбунов – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права;

В. В. Груздев – доктор юридических наук, профессор, директор (Азовский морской институт); главный научный сотрудник управления научно-исследовательской деятельности (Костромской государственной университет); профессор кафедры теории и истории государства и права (Донбасский государственный университет юстиции).

Information about the authors

M. D. Gorbunov – PhD (Law), senior lecturer of the theory and history of state and law department;

V. V. Gruzdev – Sc.D (Law), Professor, director (Azov Maritime Institute); chief researcher of the research activities department (Kostroma State University); professor of the theory and history of state and law department (Donbass State University University of Justice).

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 24.06.2025; одобрена после рецензирования 30.07.2025; принята к публикации 03.12.2025

The article was submitted 24.06.2025; approved after reviewing 30.07.2025; accepted for publication 03.12.2025.

Научная статья

УДК 378.6:343.8

doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.624-632

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ СТРУКТУРЫ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ФСИН РОССИИ

Любовь Владимировна Мешкова¹, Роман Михайлович Воронин²

¹ НИИ ФСИН России, г. Москва, Россия, mlv05@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6309-732X>

² Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, rmvoronin@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования структуры поведенческих показателей социальной активности будущих сотрудников исправительных учреждений. Цель исследования – выявление уровня развития и структурных особенностей поведенческих компонентов социальной активности у курсантов как будущих сотрудников пенитенциарных учреждений. Задачи исследования: определение уровня развития поведенческих компонентов социальной активности у курсантов, изучение иерархической структуры (доминирующие и подчиненные позиции) этих компонентов у групп с разным уровнем социальной активности, выявление достоверных различий в выраженности поведенческих показателей курсантов с высоким, средним и низким уровнями социальной активности, установление корреляционных взаимосвязей между различными поведенческими показателями в каждой из выделенных групп. В исследовании приняли участие 166 курсантов 2–3-го курсов Владимирского юридического института ФСИН России. Основным методом стала экспертная оценка (5 экспертов: курсовые офицеры и психологи). Поведенческие проявления социальной активности оценивались по 17 показателям, сгруппированным в четыре компонента: интеллектуально-волевой, эмоционально-волевой, морально-нравственный и коммуникативный. Для обработки данных применялись методы описательной статистики, дисперсионный анализ, t-критерий Стьюдента и корреляционный анализ. Исследование выявило три группы курсантов с разными уровнями социальной активности: высоким (36,14 %), средним (32,53) и низким (31,33 %). Установлены достоверные различия между группами. Результаты исследования свидетельствуют о необходимости целенаправленного развития интеллектуально-волевого и коммуникативного компонентов в процессе профессиональной подготовки курсантов для формирования активной профессиональной позиции, что является ключевым требованием к персоналу исправительных учреждений.

Ключевые слова: сотрудники уголовно-исполнительной системы, курсанты образовательных учреждений ФСИН России, социальная активность, поведенческие компоненты

Для цитирования

Мешкова Л. В., Воронин Р. М. К вопросу об изучении структуры поведенческих показателей социальной активности курсантов образовательных организаций ФСИН России // Человек: преступление и наказание. 2025. Т. 33(1–4), № 4. С. 624–632. DOI: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.624-632.

Original article

ON THE ISSUE OF STUDYING THE STRUCTURE OF BEHAVIORAL INDICATORS OF SOCIAL ACTIVITY OF CADETS OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE FPS OF RUSSIA

Lyubov Vladimirovna Meshkova¹, Roman Mikhailovich Voronin²

¹ Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russia, mlv05@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6309-732X>

² Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, rmvoronin@mail.ru

Abstract. The article presents the results of an empirical study of the structure of behavioral indicators of social activity of future correctional officers. The purpose of the study is to identify the level of development and structural features of the behavioral components of social activity among cadets as future employees of penitentiary institutions. Research objectives: to determine the level of development of behavioral components of social activity among cadets, to study the hierarchical structure (dominant and subordinate positions) of these components in groups with different levels of social activity, to identify significant differences in the severity of behavioral indicators of cadets with high, medium and low levels of social activity, to establish correlations between different behavioral indicators in each of the selected groups. The study involved 166 2nd – 3rd year cadets of the Vladimir Law Institute of the FPS of Russia. The main method was an expert assessment (5 experts: course officers and psychologists). Behavioral manifestations of social activity were assessed by 17 indicators grouped into four components: intellectual-volitional, emotional-volitional, moral and communicative. Descriptive statistics methods, analysis of variance, Student's t-test, and correlation analysis were used to process the data. The study revealed three groups of cadets with different levels of social activity: high (36.14 %), medium (32.53 %) and low (31.33 %). Significant differences between the groups have been established. The results of the study indicate the need for targeted development of intellectual, volitional and communicative components in the process of cadets' professional training in order to form an active professional position, which is a key requirement for correctional personnel.

Keywords: employees of the penal system, cadets of educational institutions of the FPS of Russia, social activity, behavioral components

For citation

Meshkova, L. V. & Voronin, R. M. 2025, 'On the issue of studying the structure of behavioral indicators of social activity of cadets of educational institutions of the FPS of Russia', *Man: crime and punishment*, vol. 33(1–4), iss. 4, pp. 624–632, doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.624-632.

Введение

Процесс исполнения уголовных наказаний на современном этапе предъявляет высокие требования к профессиональной подготовке персонала исправительных учреждений ФСИН России. Важное значение имеет не только осознание сотрудниками социальной полезности своей деятельности, но и проявление активной социальной позиции в профессии, которая должна в первую очередь отличаться высокой степенью социальной ответственности и устойчивостью ценностных ориентаций. Для этого в рамках профессиональной подготовки будущих специалистов исправительных учреждений необходимо развивать качества, способствующие высокой социальной активности при осуществлении служебной деятельности.

Под социальной активностью в психологии вслед за С. Л. Рубинштейном мы понимаем форму диалектической связи человека с окружающей действительностью, во взаимодействии с которой изменяется как действительность, так и сам человек [1].

Л. А. Кандыбович считает, что активность поведения позволяет отличить зрелую личность от незрелой, для которой нехарактерны ответственность, озабоченность проблемами других людей, психологическая близость с другими людьми, активная позиция в жизни [2].

В психологической науке социальная активность изучается в контексте рассмотрения возрастных особенностей молодежи (К. А. Абульханова-Славская, Л. И. Божович, Е. Л. Омельченко, В. А. Петровский, Л. И. Уманский, Д. И. Фельдштейн, А. С. Чернышев) [3–9], в рамках изучения социальной активности (К. А. Абульханова-Славская, Г. М. Андреева, В. Г. Маралов, Е. Л. Омельченко, В. А. Петровский, В. А. Ситаров, Д. Н. Узнадзе, Л. И. Уманский, А.С. Чернышев, В. А. Ядов) [3, 5, 6, 7, 9–14], на основе анализа принципов детерминизма, объективности, развития в субъектно-деятельностном подходе (К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский) [3, 15].

На сегодняшний день задача формирования социальной активности у курсантов образовательных организаций ФСИН России решается не в полной мере, и поэтому проявляется противоречие между высокой социальной значимостью профессии сотрудника пенитенциарного учреждения и низкой ориентацией курсантов на социальный смысл будущей профессиональной деятельности.

Изучение показателей социальной активности курсантов позволит выделить детерминанты и закономерности формирования социальной активности личности курсанта. Структура социальной активности курсантов представлена как многоуровневое образование, интегрирующее в себе в первую очередь компоненты поведенческого содержания.

Цель исследования состоит в выявлении уровня развития поведенческих компонентов социальной активности курсантов и изучении доминирующих и подчиненных позиций поведенческих компонентов.

Методы

Выборку составили курсанты 2–3-го курсов Владимирского юридического института ФСИН России. Всего в исследовании приняли участие 166 человек. Основным методом

стала экспертная оценка с целью выявления и оценивания психологически значимых поведенческих качеств социальной активности курсантов.

Экспертам в индивидуальном порядке было предложено оценить степень сформированности у курсантов поведенческих проявлений для подсчета средних арифметических значений наблюдаемых показателей, учета в последующей статистической обработке.

Сбор наблюдаемых данных социальной активности и их анализ дали возможность определить целый ряд качеств курсантов. Уровень выраженности этих качеств стал показателем социальной активности личности студента.

Полученные поведенческие показатели были разделены на следующие группы: 1) интеллектуально-волевой компонент (самостоятельность, инициативность, социальная автономность, лидерство); 2) эмоционально-волевой компонент (самообладание, уверенность, настойчивость, соревновательность); 3) морально-нравственный компонент (аккуратность, ответственность, организованность, дисциплинированность, добросовестность); 4) коммуникативный компонент (общительность, отзывчивость, тактичность, умение работать совместно) [16].

К экспертной работе привлекались курсовые офицеры и психологи образовательного учреждения, непосредственно работающие с курсантами нашей выборки (всего пять экспертов).

Результаты и обсуждение

С помощью метода наблюдения и с учетом мнений экспертов курсанты были разделены на три группы. Первая группа ($n = 60$ человек, 36,14 %) – это курсанты с высоким уровнем социальной активности. Они проявляют самостоятельность и берут ответственность за выполнение общественных поручений, организуют группу на совместное решение поставленных задач, являются инициаторами различных воспитательных дел на курсе, принимают активное участие в составлении плана воспитательной работы на факультете и контролируют его выполнение.

Вторая группа ($n = 54$ человека, 32,53 %) – это курсанты со средним уровнем социальной активности. Они активно участвуют в общественных мероприятиях, отзывчивы к просьбам со стороны товарищей и руководителя, но редко бывают инициаторами различных дел и избегают ответственности за организационные моменты общественно полезной деятельности. Курсанты этой группы любят находиться в центре внимания, с охотой выполняют просьбы, касающиеся публичных выступлений.

Третья группа ($n = 52$ человека, 31,33 %) – курсанты с низким уровнем социальной активности. Они выполняют общественно полезные поручения по просьбе руководителя, но без особого энтузиазма. Курсанты этой группы в процессе решения важных групповых вопросов отмалчиваются, предоставляя право решения товарищам, не проявляют инициативу и самостоятельность, не выделяются среди товарищей, часто отказываясь от публичных действий, или берутся за выполнение незначительных ролей.

После деления курсантов на три группы каждый эксперт самостоятельно оценивал по 5-балльной шкале уровень развития поведенческих проявлений социальной активности у курсантов для определения средних арифметических значений оцениваемых показателей. Данные, полученные с помощью экспертного оценивания поведенческих компонентов социальной активности, приведены в таблице 1. Дисперсионный анализ экспертных оценок курсантов с различным уровнем социальной активности (СА) показал наличие достоверных различий по показателям их социальной активности.

Таблица 1

Распределение курсантов по уровню развития поведенческих компонентов социальной активности

№ п/п	Поведенческий показатель	Курсанты с высоким уровнем СА	Курсанты со средним уровнем СА	Курсанты с низким уровнем СА	P-уровень
1	Общительность	4,476	4,377	4,253	0,005314
2	Отзывчивость	4,646	4,451	4,523	0,015342
3	Умение работать совместно	4,7	4,3	4,407	0,000001
4	Социальная автономность	4,293	4,096	4,384	0,005013
5	Лидерство	4,066	3,6	3,5	0,000000
6	Тактичность	4,38	4,13	4,484	0,000586
7	Уверенность	4,326	4,251	4	0,000000
8	Дисциплинированность	4,52	4,592	4,623	0,099971
9	Ответственность	4,626	4,548	4,538	0,314050
10	Организованность	4,446	4,237	4,238	0,005019
11	Аккуратность	4,63	4,518	4,715	0,009127
12	Добросовестность	4,43	4,488	4,723	0,000135
13	Инициативность	4,206	3,851	3,807	0,000000
14	Самостоятельность	4,213	3,93	4,023	0,000505
15	Настойчивость	3,84	3,64	3,646	0,121867
16	Самообладание	4,273	4,125	4,092	0,044343
17	Соревновательность	4,1	3,896	3,723	0,000272

Сравнение усредненных экспертных оценок с помощью t-критерия Стьюдента указывает на то, что развитие большинства объективно-психологических показателей социальной активности курсантов первой группы достоверно отличается от показателей курсантов второй и особенно третьей группы ($p < 0,05$).

У курсантов первой группы наиболее развиты такие показатели, как инициативность, лидерство, общительность, самостоятельность, умение работать совместно, уверенность и соревновательность ($p < 0,01$). Курсанты второй и третьей группы на достоверном уровне слабо отличаются друг от друга.

Курсантов второй группы в большей степени отличают общительность, уверенность, соревновательность ($p < 0,05$), у курсантов третьей группы – добросовестность, аккуратность, тактичность ($p < 0,01$).

Поведенческие компоненты, характеризующие социальную активность курсантов первой группы, находятся в единстве. Для оценки значимости каждого показателя была применена методика подсчета корреляционных связей с определением усредненного рангового корреляционного места и выявления рангового места показателей при анализе корреляционных взаимосвязей с другими показателями (табл. 2). Мы считаем, что ведущую роль в развитии социальной активности курсантов играет компонент, показатели которого выше по своему усредненному корреляционному рангу.

Согласно корреляционному анализу верхние ранговые места занимают в основном показатели интеллектуально-волевого, эмоционально-волевого компонентов социальной активности, а низшие – показатели морально-нравственного компонента.

Таблица 2

**Ранговое место поведенческих показателей
высокой социальной активности курсантов первой группы**

№ п/п	Поведенческий показатель	Сумма ранговых мест	Среднее ранговое место	Ранговое место
1	Умение работать совместно	70	5	1
2	Отзывчивость	88	6,285	2
3	Лидерство	97	6,928	3–4
4	Самостоятельность	97	6,928	3–4
5	Социальная автономность	98	7	5
6	Дисциплинированность	105	7,5	6
7	Самообладание	113	7,53	7
8	Инициативность	107	7,642	8
9	Организованность	112	8	9
10	Тактичность	135	9	10
11	Уверенность	123	9,461	11
12	Настойчивость	133	9,5	12
13	Аккуратность	143	10,214	13–14
14	Ответственность	143	10,214	13–14
15	Общительность	147	10,5	15
16	Добросовестность	154	11	16
17	Соревновательность	175	11,6	17

Самостоятельность, лидерство, инициативность, самообладание – эти показатели расположены вверху таблицы, а организованность, аккуратность, добросовестность – в нижней части. Мы предполагаем, что показатели, расположенные в таблице выше, являются наиболее значимыми в процессе развития социальной активности личности будущего сотрудника.

Корреляционный анализ экспертных оценок курсантов второй группы с выявлением усредненного рангового корреляционного места поведенческих показателей социальной активности свидетельствует о том, что верхние ранговые места заняли все показатели коммуникативного компонента (тактичность, общительность, умение работать совместно, отзывчивость). Далее расположились показатели морально-нравственного компонента социальной активности (аккуратность, дисциплинированность, добросовестность), интеллектуально-волевого (социальная автономность) и эмоционально-волевого компонента (настойчивость) (табл. 3).

Внизу таблицы оказались поведенческие показатели интеллектуально-волевого компонента (инициативность, лидерство, самостоятельность), эмоционально-волевого компонента (соревновательность, уверенность, самообладание), морально-нравственного компонента (ответственность, организованность).

В третьей группе курсантов верхние ранговые места заняли поведенческие показатели эмоционально-волевого компонента (настойчивость), коммуникативного компонента (отзывчивость, умение работать совместно, лидерство), морально-нравственного компонента (организованность и ответственность) (табл. 4).

В нижней части таблицы находятся такие поведенческие показатели, как уверенность, соревновательность, самообладание (эмоционально-волевой компонент), аккуратность, дисциплинированность, добросовестность (морально-нравственный

Таблица 3

**Ранговое место поведенческих показателей
средней социальной активности курсантов второй группы**

№ п/п	Поведенческий показатель	Сумма ранговых мест	Среднее ранговое место	Ранговое место
1	Тактичность	68	4,25	1
2	Общительность	101	6,312	2
3	Социальная автономность	104	6,5	3
4	Аккуратность	111	6,937	4
5	Настойчивость	112	7	5
6	Отзывчивость	124	7,75	6
7	Умение работать совместно	136	8	7
8	Дисциплинированность	130	8,125	8
9	Добросовестность	135	8,437	9
10	Соревновательность	140	8,75	10
11	Ответственность	152	9,5	11
12	Инициативность	156	9,75	12
13	Уверенность	149	9,93	13
14	Организованность	162	10,125	14
15	Лидерство	174	10,875	15
16	Самобладание	177	11,065	16
17	Самостоятельность	181	11,312	17

Таблица 4

**Ранговое место поведенческих показателей
низкой социальной активности курсантов третьей группы**

№ п/п	Поведенческий показатель	Сумма ранговых мест	Среднее ранговое место	Ранговое место
1	Настойчивость	85	5	1
2	Отзывчивость	91,375	5,375	2
3	Умение работать совместно	97,75	5,75	3
4	Организованность	100,937	5,9375	4
5	Тактичность	102	6	5
6	Лидерство	115,812	6,8125	6
7	Ответственность	121,125	7,125	7
8	Уверенность	132,812	7,8125	8
9	Дисциплинированность	137,062	8,0625	9
10	Соревновательность	147,687	8,6875	10
11	Самостоятельность	150,875	8,875	11
12	Самобладание	176,375	10,375	12
13	Общительность	173,866	10,86667	13
14	Аккуратность	196,562	11,5625	14
15	Социальная автономность	210,705	11,70588	15
16	Инициативность	208,25	12,25	16–17
17	Добросовестность	208,25	12,25	16–17

компонент), инициативность, самостоятельность, социальная автономность (интеллектуально-волевой компонент).

Выводы

Подводя итог, отметим, что внешне наблюдаемая социальная активность будущих специалистов пенитенциарных учреждений является структурой взаимосвязанных личностных черт (интеллектуально-волевых, эмоционально-волевых, коммуникативных и морально-нравственных). Курсанты с развитыми перечисленными выше качествами личности склонны к высокой социальной активности, они умеют добиваться поставленных целей, имеют разнообразные контакты с курсантами, курсовыми офицерами, психологами и преподавателями, способны поддерживать общение, принимать ответственные решения и играть ведущую роль в общественно полезной деятельности.

Список источников

1. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии : в 2 т. М. : Педагогика, 1989. Т. 1. 223 с.
2. Разина Т. В. Лев Александрович Кандыбович – исследователь истории белорусской психологии // Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4, № 4(16). С. 181–204.
3. Абульханова-Славская К. А. О субъекте психической деятельности. М. : Наука, 1980. 288 с.
4. Божович Л. И. Психологическое развитие школьника и его воспитание. М. : Мир, 1994. 160 с.
5. Омельченко Е. Л. Риски и удовольствия на сценах молодежного активизма современной России // Пути России. Альтернативы общественного развития : сб. ст. / под общ. ред. М. Г. Пугачева, А. Ф. Филиппов. Т. XX. М. : Новое литературное обозрение, 2015. С. 25–47.
6. Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов н/Д, 1996. 440 с.
7. Уманский Л. И. Психология и педагогика работы комсорга. М., 1975. 205 с.
8. Фельдштейн Д. И. Психология становления личности. М. : Международная педагогическая академия, 1994. 192 с.
9. Чернышев А. С. Психологические основы диагностики и формирования личности и коллектива школьников. М. : Прометей, 1989. 126 с.
10. Андреева Г. М. Социальная психология. М. : Аспект-пресс, 1996. 378 с.
11. Маралов В. Г. Светлая триада личности: обзор зарубежных исследований // Современная зарубежная психология. 2024. Т. 13, № 3. С. 18–30.
12. Ситаров В. А. Педагогический менеджмент как теория и практика управления образовательным процессом // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 18–24.
13. Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М., 1966. 450 с.
14. Ядов В. А. Социальная идентификация личности. М., 2004. 344 с.
15. Брушлинский А. В. Проблемы психологии субъекта. М. : ИП РАН, 1994. 346 с.
16. Зобков А. В. Акмеология саморегуляции учебной деятельности : монография. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2013. 320 с.

References

1. Rubinstein, S. L. 1989, Fundamentals of general psychology, in 2 vols, vol. 1, *Pedagogika*, Moscow.
2. Razina, T. V. 2019, 'Lev Aleksandrovich Kandybovich – researcher of the history of Belarusian psychology', *Social and economic psychology*, vol. 4, iss. 4(16), pp. 181–204.

3. Abulkhanova-Slavskaya, K. A. 1980, *On the subject of mental activity*, Nauka, Moscow.
4. Bozhovich, L. I. 1994, *Psychological development of a schoolboy and his upbringing*, Mir, Moscow.
5. Omelchenko, E. L. 2015, 'Risks and pleasures on the scenes of youth activism in modern Russia', in M. G. Pugachev & A. F. Filippov (eds), *Ways of Russia. Alternatives to social development: collection of articles*, vol. XX, pp. 25–47, New Literary Review, Moscow.
6. Petrovsky, V. A. 1996, *Personality in psychology: the paradigm of subjectivity*, Rostov-on-Don.
7. Umansky, L. I. 1975, *Psychology and pedagogy of the work of the Komsomol*, Moscow.
8. Feldstein, D. I. 1994, *Psychology of personality formation*, International Pedagogical Academy, Moscow.
9. Chernyshev, A. S. 1989, *Psychological foundations of diagnostics and formation of personality and collective of schoolchildren*, Prometheus, Moscow.
10. Andreeva, G. M. 1996, *Social psychology*, Aspect-press, Moscow.
11. Maralov, V. G. 2024, 'The bright triad of personality: a review of foreign studies', *Modern foreign psychology*, vol. 13, iss. 3, pp. 18–30.
12. Sitarov, V. A. 2014, 'Pedagogical management as theory and practice of educational process management', *Znanie. Understanding. Ability*, iss. 3, pp. 18–24.
13. Uznadze, D. N. 1966, *Psychological research*, Moscow.
14. Yadov, V. A. 2004, *Social identification of personality*, Moscow.
15. Brushlinsky, A. V. 1994, *Problems of psychology of the subject*, Moscow.
16. Zobkov, A., V. 2013, *Acmeology of self-regulation of educational activity: monograph*, Publishing House of the All-Russian State University, Vladimir.

Информация об авторах

Л. В. Мешкова – научный сотрудник;

Р. М. Воронин – доктор медицинских наук, доцент, профессор кафедры психологии профессиональной деятельности.

Information about the authors

L. V. Meshkova – Researcher;

R. M. Voronin – Sc.D (Medical Sciences), Associate Professor, professor of the psychology of professional activity department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки).

Статья поступила в редакцию 06.10.2025; одобрена после рецензирования 13.11.2025; принята к публикации 03.12.2025.

The article was submitted 06.10.2025; approved after reviewing 13.11.2025; accepted for publication 03.12.2025.

Научная статья

УДК 316.454.3

doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.633-638

КРИЗИСЫ НА УРОВНЕ ГРУПП: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Анатолий Николаевич Сухов¹

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, a.suhov@rsu-rzn.edu.ru

Аннотация. В статье раскрывается актуальность исследования кризисов на уровне позитивных и отрицательных малых неформальных групп. Это связано с необходимостью создания полноценной теории групповых кризисов на основе сравнительного подхода, позволяющего сформулировать их адекватное определение, структуру и классификацию. Дана характеристика структуры как положительных, так и отрицательных криминальных групп. Рассматривается социально-психологический подход к превенции кризисов на уровне групп с учетом их принадлежности к тому или иному виду.

Ключевые слова: кризис, малая неформальная группа, система общения, средства криминогенного общения

Для цитирования

Сухов А. Н. Кризисы на уровне групп: социально-психологический аспект // Человек: преступление и наказание. 2025. Т. 33(1–4), № 4. С. 633–638. DOI: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.633-638.

Original article

CRISES AT THE GROUP LEVEL: SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECT

Anatoly Nikolaevich Sukhov¹

¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, a.suhov@rsu-rzn.edu.ru

Abstract. The article reveals the relevance of crisis research at the level of positive and negative small informal groups. This is due to the need to create a full-fledged theory of group crises based on a comparative approach that allows them to formulate an adequate definition, structure and classification. The structure of both positive and negative criminal groups is characterized. The article considers a socio-psychological approach to crisis prevention at the group level, taking into account their belonging to one type or another.

Keywords: crisis, small informal group, communication system, means of criminal communication

For citation

Sukhov A. N. 2025, 'Crises at the group level: socio-psychological aspect', *Man: crime and punishment*, vol. 33(1–4), iss. 4, pp. 633–638, doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.633-638.

Кризисы имеют место и в позитивных, и в криминальных группах. Но они радикально отличаются друг от друга. Их структура, динамика и функции соответствуют базовым характеристикам кризиса. К числу позитивных групп относятся группы, образованные со школьной скамьи. Они стойкие, исключительно добровольные и бескорыстные, готовые всегда прийти на помощь члену группы, оказавшемуся в проблемной ситуации. Но иногда и они распадаются по разным естественным причинам.

Кризис на уровне позитивных групп – это критическое состояние внутригрупповых отношений, возникающее под влиянием неумышленной дезорганизации. В результате возникает кризис в виде букета последствий распада: утрата доверия, стрессо-травмирующая ситуация, смысловой кризис, комплекс неполноценности, агрессия, компенсация, разгульный образ жизни, шок, аутизм, одиночество. Распадаются и другие виды позитивных групп, но более безболезненно. К их числу относятся группы, образованные в чатах и т. д. Однако в условиях кризиса действует и активно-позитивная мобилизующая модель поведения. Позитивная активность молодежных групп проявляется в различных формах, в том числе в конструктивных конфликтах.

Нередко трудно провести границу между конструктивными групповыми конфликтами и радикальными формами их проявления. Отсутствие четких критериев разграничения между этими явлениями порождает разногласия в оценке конструктивных групповых конфликтов и радикальных форм их проявления, то есть неоднозначную интерпретацию. Подобные конфликты могут привести к возникновению кризиса. Примеры на этот счет известны. Они получили широкий резонанс. Позитивная гражданская активность является сущностью групповых конструктивных конфликтов и безопасности положи-

тельных групп. Но ее следует отличать от ложных действий со стороны «ряженных» оппозиционеров.

В России постоянно растет количество молодежных общественных организаций. Их деятельность направлена на повышение патриотизма современной молодежи, вовлечение ее в политическую жизнь общества, формирование творческих и спортивных способностей, а также на поддержку лиц с ограниченными возможностями здоровья. Участие молодежи в волонтерских движениях способствует развитию у них таких качеств, как милосердие, доброта, человеколюбие, эмпатия, толерантность [1]. Кризисы на уровне отрицательных и криминальных причин – это критическое состояние внутри- и межгрупповых отношений и общения, возникающее под влиянием преступных норм и ценностей, субкультуры, мошенничества, деструктивных конфликтов и представляющее опасность как для самих групп, так и для других объектов.

Криминальные группы создают кризисы не только для отдельных граждан и организаций путем мошенничества и т. д., но и для объектов более масштабного характера путем террористических акций и экстремистской деятельности. Способствует этому так называемая криминальная безопасность. Есть уголовно-правовой подход к пониманию преступных групп, в основе которого лежит такой признак, как соучастие. Есть социально-психологический, с точки зрения которого преступные группы отличаются от других рядом параметров: целями, структурой, нормами и т. д. Что касается классификации преступных групп, то здесь также отсутствует единство. Согласно уголовно-правовой теории и практике выделяют организованные преступные группы, банды и т. д. Однако на сегодняшний день нет общепринятой, непротиворечивой классификации преступных групп. Более того, в литературе встречаются такие понятия, как «преступная группа», «преступная группировка», «преступное сообщество» и пр.

Структурными характеристиками преступной группы являются: количественный состав, причины возникновения, статусно-ролевая структура (каждый член группы выполняет определенную роль и занимает тот или иной статус), система общения (в основном криминогенного), то есть внутригрупповых связей (каналов, мест и времени сходов, специальных средств, способов маскировки целей и действий), характер норм и санкций в случае отклонения от этих норм, положение данной группы среди других.

Структура организованного преступного сообщества включает в себя «элитную группу», «мозговой центр», «систему связей», «службы безопасности», «разведки», «контр-разведки», «боевиков». Во всяком случае, большинство избобличенных преступных групп функционировало по схеме.

Данная структура нацелена на обеспечение так называемой групповой безопасности криминальных групп путем вербовки нужных лиц, проверки новых членов, лояльности, соблюдения конспирации, секретов, тайны деятельности и т. д.

Безопасность является структурной характеристикой групп. Значимость данной проблемы определяется последствиями их антикриминальной и криминальной безопасности. Если в первом случае они носят явно позитивный характер, то во втором случае – наоборот.

Наблюдается парадоксальная ситуация. Если положительными малыми неформальными группами позитивные факторы воспринимаются адекватно, то есть положительное влияние, в частности, внимание, расценивается как положительное и как помощь, как усиление их безопасности, а негативные – как угроза. Что касается отрицательных и криминальных групп, то с их стороны внимание правоохранительных органов воспри-

нимается как угроза их безопасности. Групповая безопасность во многом зависит от норм неформальных групп. Позитивные нормы, социальные ценности определяют их безопасность, во всяком случае, для других, деструктивные – напротив.

Что касается внутригрупповой безопасности, то она во многом представляет собой копию организационной безопасности в миниатюре на неформальной основе. Безопасность положительных групп базируется на открытой системе общения, доверии, симпатии, уверенности в поддержке, нормальных ценностях и целях, безопасность отрицательных и криминальных группировок – на противоположных явлениях.

В основе внутригрупповой безопасности криминальных групп лежат соответствующие нормы: «воровские» законы, правила, которые, в свою очередь, реализуются с помощью системы криминогенного общения, манипулятивной деятельности, нелегальной игры, теневого бизнеса, вымогательства, мошенничества и т. д. Их безопасность – это криминальная безопасность. При этом не последнюю роль играет так называемое крышевание, поэтому данное понятие нельзя путать с антикриминальной безопасностью положительных с точки зрения морали и закона групп. Понятие «антикриминальная безопасность» – более точное по сравнению с определением «криминальная безопасность». Оно означает защиту от криминальных угроз, а также безопасность сотрудников, осуществляющих эту деятельность. Что касается понятия «криминальная безопасность», то оно многозначно и аморфно. Его можно даже трактовать как противоположное явление, как защиту криминального мира, тем не менее это широко употребляемое, часто используемое понятие, но пора внести ясность. Структура преступных групп нацелена на обеспечение так называемой групповой безопасности путем вербовки нужных лиц, проверки новых членов, лояльности, соблюдения конспирации, секретов, тайны деятельности и т. д. В основе криминальной безопасности групп лежит криминальная модель достижения успеха, которая, в свою очередь, неосуществима без традиционных и современных средств криминогенного общения.

Современное криминогенное общение – это особый вид общения, который используется для подготовки, конспирации и совершения преступлений на более профессиональном уровне. К числу современных специальных средств общения относится передача зашифрованных сообщений с помощью математических методов преобразования информации, манипулятивных технологий и т. п.

Организованные преступные группы в основном занимаются криминальным бизнесом в форме мошенничества, рэкета, проституции, контрабанды наркотиков, азартных игр. К сожалению, нередко это происходит под «прикрытием», то есть в результате «крышевания». Все это создает различные виды кризиса для объекта мошенничества. Мошенничество, совершаемое группой лиц, осуществляется в три фазы: начальная, основная и заключительная. Начальная фаза мошенничества, совершаемого группой лиц, включает в себя следующие действия:

- формирование группы и распределение ролей участников мошенничества; технологическая подготовка участников мошенничества;
- создание блоков защиты от уголовного преследования или программ поведения на случай возникновения уголовно-процессуальной и криминалистической деятельности;
- совершение преступлений, входящих в подготовку мошенничества;
- выбор сферы и объектов мошенничества;
- изучение жертвы и ее финансового поведения и состояния;

- определение способов и средств сокрытия мошенничества, совершенного группой лиц;
- выбор благоприятных мест и времени для совершения мошенничества;
- создание и поддержание необходимых коррумпированных связей;
- разработка планов сбыта или легализации похищенного путем мошенничества;
- строгое распределение ролей при подготовке, совершении и сокрытии мошенничества.

Основная фаза механизма мошенничества, совершенного группой лиц, представляет собой следующее:

- создание условий для совершения мошенничества;
- уточнение и изменение заранее запланированных действий, связанных с подготовкой, совершением и сокрытием мошенничества;
- действия, связанные с завладением похищенным путем мошенничества;
- маскировка мошенничества под законную или незапрещенную деятельность;
- приготовление и реализация способов мошенничества, совершенных группой лиц;
- распределение участников группы, подготавливающих мошенничество.

Заключительная фаза механизма мошенничества, совершенного группой лиц, включает в себя такие действия, как:

- наблюдение за поведением жертвы или работника учреждения (организации), которому причинен вред от мошенничества;
- противодействие раскрытию и расследованию мошенничества группой лиц, в том числе самостоятельные способы сокрытия;
- лжеявка с повинной заранее подготовленного для предварительного расследования субъекта преступления;
- легализация или сбыт похищенного при мошенничестве;
- приобретение новых высокотехнологических средств для совершения последующих преступлений в виде мошенничества;
- поддержание условий неочевидности мошенничества, совершенного группой лиц;
- дискредитация жертвы и потерпевших или возможных доказательств мошенничества, совершенного группой лиц.

В качестве инструментов создания различных видов кризиса выступают групповые деструктивно-криминальные конфликты, которые определяются групповыми нормами.

Война – единственно возможная форма существования группировок, в основе создания которых – благородная идея защиты своих от чужих. Без этих столкновений исчезли бы основные рычаги управления массой и группировка неминуемо распалась бы. Наивно выглядит идея мирного сосуществования группировок, прежде всего она противоречит их корыстным целям. Именно с этим связана кризисогенная сущность криминальных групп, их не просто безнравственно-правовой, а криминально-конфликтный кризис. Следовательно, кризисы на уровне группы имеют свою существенную специфику. Это связано с особенностями различных групп. Самым опасным из них является криминально-конфликтный кризис.

Список источников

1. Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие. М., 1990. 240 с.

References

1. Ageev, V. S. 1990, *Intergroup interaction*, Moscow.

Информация об авторе

А. Н. Сухов – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии, социальной работы и пробации.

Information about the author

A. N. Sukhov – Sc.D (Psychology), Professor, professor of the social psychology, social work and probation department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности (психологические науки).

Статья поступила в редакцию 18.07.2025; одобрена после рецензирования 10.10.2025; принята к публикации 03.12.2025.

The article was submitted 18.07.2025; approved after reviewing 10.10.2025; accepted for publication 03.12.2025.

Интервью
УДК 343(047.53)

ПЕРСОНАЛИИ

О СОВРЕМЕННЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ РАЗВИТИЯ НАУКИ В ОБЛАСТИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ: ИНТЕРВЬЮ С ДОКТОРОМ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК АЛЕКСАНДРОМ СЕМЕНОВИЧЕМ ШАТАЛОВЫМ (ПРИУРОЧЕНО К 65-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ)

Александр Владимирович Акчурина^{1,3}, Евгений Владимирович Прысь^{1,2}, Кирилл Алексеевич Чистяков¹

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия,

² Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Рязанской области, г. Рязань, Россия, prys55@mail.ru

³ akchur79@yandex.ru

Краткая биографическая справка

Александр Семенович Шаталов родился 24 ноября 1960 г. в г. Петропавловске Северо-Казахстанской области.

В 1986 г. окончил Омскую высшую школу МВД СССР по специальности «Правоведение».

С 1979 по 1981 год проходил службу в рядах Советской армии, а с 1981 по 2002 год – в органах внутренних дел. Занимаясь оперативной и следственной работой, Александр Семенович начал проявлять интерес к научному осмыслению тех проблем, с которыми ему приходилось сталкиваться в повседневной практической деятельности.

В результате аналитической работы возникла потребность в проведении диссертационного исследования, которое было успешно реализовано на кафедре криминалистики Высшей юридической заочной школы МВД России под руководством Александра Фомича Волынского, доктора юридиче-

ских наук, профессора, заслуженного юриста РФ. Работа была выполнена по теме «Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в условиях массовых беспорядков» по специальности 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность. Защита

© Акчурина А. В., Прысь Е. В., Чистяков К. А., 2025

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

диссертации состоялась 13 октября 1993 г. на заседании специализированного совета Д-052.06.01 по присуждению ученой степени кандидата юридических наук в Высшей юридической заочной школе МВД России. Официальными оппонентами по кандидатской диссертации были доктор юридических наук, профессор Зиновий Иванович Кирсанов и кандидат юридических наук, доцент Вадим Михайлович Плескачевский. В роли ведущей организации выступила родная *alma mater* – Омская высшая школа милиции МВД РФ.

Успешная защита кандидатской диссертации подействовала на Александра Семеновича вдохновляюще. Потребность в продолжении научного поиска позволила Александру Семеновичу уже через семь лет, в 2000 г., представить научной общественности результаты своего докторского диссертационного исследования. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Проблемы алгоритмизации расследования преступлений» по специальности 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность была подготовлена на кафедре криминалистики Московской академии МВД России. Научным консультантом выступил патриарх отечественной криминалистики – Рафаил Самуилович Белкин, заслуженный деятель науки РСФСР, доктор юридических наук, профессор, генерал-майор милиции, ветеран Великой Отечественной войны. Официальными оппонентами были доктор юридических наук, профессор Татьяна Витальевна Аверьянова, доктор юридических наук, профессор Евгений Петрович Ищенко, доктор юридических наук, профессор Виктор Георгиевич Коломацкий. Ведущей организацией выступил Воронежский государственный университет.

С 2002 г. по настоящее время Александр Семенович занимается преподавательской деятельностью в должности профессора.

Долгий период его педагогической работы был связан с Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

В настоящее время А. С. Шаталов работает профессором кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета имени А. Я. Сухарева.

Более 15 лет А. С. Шаталов состоит в дружественных отношениях с Академией ФСИН России. Являясь профессором кафедры уголовного процесса и криминалистики академии, он ежегодно проводил лекционные, семинарские и практические занятия с адъюнктами, курсантами и студентами вуза по проблемам криминалистики и российского уголовно-процессуального права, участвовал в методических семинарах для молодых преподавателей, разъясняя методику проведения научно-исследовательской работы, написания и защиты диссертаций, выступал с докладами на научных конференциях и форумах, осуществлял научное руководство адъюнктами. Под его руководством в 2017 г. успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.09 – Уголовный процесс на тему «Доказывание по уголовным делам о преступлениях, совершенных осужденными к исправительным работам на досудебных стадиях уголовного процесса» Антипов Андрей Юрьевич, назначенный в этом году на должность заместителя начальника кафедры Академии ФСИН России.

Неизменным достоинством творческой деятельности А. С. Шаталова является высокая публикационная активность. Александр Семенович опубликовал более пятисот научных работ уголовно-процессуальной и криминалистической тематики. Является основоположником криминалистической алгоритмизации и программирования расследования преступлений. Участвует в осуществлении целевых научно-исследовательских проектов и реализации образовательных программ бакалавриата и магистратуры.

Является разработчиком одной из наиболее эффективных методик изучения и преподавания курса уголовного процесса. Ее использование дает уникальную возможность получить четкое представление о проблемах, тенденциях, перспективах развития этой отрасли российского права, способствует формированию зрелого юридического мышления, приобретению комплекса взаимосвязанных навыков и умений, необходимых в практической деятельности юриста высшей квалификации.

Широкое признание среди научной общественности и практикующих юристов получили труды А. С. Шаталова: *Криминалистическая алгоритмизация и программирование расследования преступлений: учебное пособие для вузов в 3 ч.* (2001); *Уголовно-процессуальное право Российской Федерации в схемах: учебное пособие* (2003); *Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования корыстно-насильственных преступлений: учебное пособие (в соавторстве)* (2003); *Уголовное судопроизводство: теория и практика: научно-практическое пособие (в соавторстве)* (2011); *Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебный курс в 3 т.* (2012); *Уголовное судопроизводство: учебное пособие в 3 т. (в соавторстве)* (2016); *Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник (в соавторстве)* (2019); *Уголовный процесс: практикум (в соавторстве)* (2019); *Криминалистика: учебник (в соавторстве)* (2024).

Александр Семенович входит в состав редакционных советов таких научных журналов, как «Человек: преступление и наказание», «Публичное право сегодня», «Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий», «Вестник военного права», «Пенитенциарная наука», «Профессиональное юридическое образование и наука», «Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова (Серия: История. Политология. Право)».

Александр Семенович проявляет высокую медийную активность, регулярно принимая участие в телевизионных проектах «Час суда» (Первый канал, Россия-1), «Право голоса» (ТВЦ), «Судите сами» (Первый канал) преимущественно в качестве эксперта и ведущего. Основная телевизионная специализация А. С. Шаталова – это юридическое просвещение в формате телешоу. Он стал одним из первых юристов, кто успешно адаптировал сложный правовой материал для массовой телевизионной аудитории.

Имеет правительственные награды за многолетнюю и безупречную службу в правоохранительных органах Советского Союза и Российской Федерации.

Интервью

– Александр Семенович, как Вы пришли в юриспруденцию?

– Благодаря своим преподавателям из Омской высшей школы милиции МВД СССР. Именно они заметили меня во время учебы, впервые привлекли к участию в научных мероприятиях, зародили интерес к науке, а также желание заниматься научно-исследовательской и преподавательской деятельностью.

– Кто из Ваших учителей (педагогов, ученых или близких) повлиял на Ваше становление как личности и как одного из ведущих ученых в юриспруденции?

– К сожалению, в рамках интервью у меня нет возможности назвать всех, кто оказывал содействие и реальную помощь в процессе моей научной деятельности. Тем не менее хочется упомянуть особо и в очередной раз искренне поблагодарить моих учителей: Белкина Рафаила Самуиловича, Волынского Александра Фомича и Чернявского Валентина Семеновича – за знания и жизненный опыт, которыми они со мной щедро

делились. Выражаю свою благодарность всем моим друзьям, коллегам, сотрудникам издательств и научных журналов, где мне приходилось публиковаться, за ценные советы и замечания, которые помогли сделать мои работы лучше. Отдельная благодарность моему старшему сыну – Шаталову Георгию, за помощь в обобщении и подготовке к внедрению результатов моих научных исследований.

– Что повлияло на то, что Ваши профессиональные интересы вышли за пределы правоприменительной деятельности и заставили окунуться в научно-исследовательский процесс?

– Научно-исследовательский процесс привлекает по разным причинам. Мои поводы и мотивы в этом плане не являются уникальными. Как и многие другие люди, вовлеченные в сферу научной деятельности, я всегда имел желание узнавать что-то новое, разбираться в сложных явлениях и процессах, находить ответы на вопросы, которые пока не имеют приемлемых решений. Не последнюю роль в этом сыграли открывшиеся для меня возможности внести свой вклад в науку, развить профессиональные навыки и компетенции, повысить квалификацию и достичь успеха именно в научно-исследовательской работе, требующей аналитического мышления, логики, креативности и умения работать с большими объемами информации.

– Как Вы считаете, какие направления теории и практики сейчас наиболее актуальны в сфере расследования преступлений? Что требует более детального изучения?

– В сфере расследования преступлений несомненной актуальностью в настоящее время обладают следующие направления:

– цифровизация и использование современных информационных технологий, предполагающее максимально широкое применение искусственного интеллекта, баз больших данных, блокчейна и других возможностей для собирания, анализа, проверки, оценки и использования криминалистически значимой информации;

– расследование преступлений в сфере высоких технологий (киберпреступлений), требующее разработки новых частных методик расследования, налаживания взаимодействия с операторами связи, хостинг-провайдерами и другими участниками цифровой инфраструктуры;

– международное сотрудничество в расследовании преступлений, предполагающее регулярный обмен информацией, координацию действий и совместную работу по уголовным делам;

– защита прав участников уголовного судопроизводства в условиях цифровизации, поскольку необходимость обеспечивать соблюдение прав подозреваемых, обвиняемых, свидетелей и потерпевших в условиях использования современных технологий в расследовании требует разработки соответствующих правовых норм и процессуальных процедур;

– противодействие коррупции и экономической преступности остается одной из приоритетных задач правоохранительных органов, требующей разработки новых частных методик расследования, анализа финансовых потоков, осуществления взаимодействия с налоговыми и другими контролирующими органами;

– психологические аспекты расследования (в том числе изучение психологических профилей преступников, анализ поведения жертв и использование психологических методик при проведении допросов), по причине того что понимание психологии как са-

мих преступников, так и их жертв способно повысить эффективность расследования преступлений;

– обеспечение прав и свобод человека при расследовании террористических актов и проявлений экстремизма, где особенно востребованы весомые процессуальные гарантии соблюдения прав граждан, при проведении контртеррористических операций.

Скорейшего и наиболее обстоятельного изучения в современных условиях требуют: правовые и этические вопросы использования искусственного интеллекта и баз больших данных в ходе предварительного расследования; международные стандарты и практики расследования киберпреступлений; направления и пределы взаимодействия сотрудников правоохранительных органов и частных компаний, занятых в сфере кибербезопасности; дополнительные процессуальные гарантии, призванные обеспечивать соблюдение прав участников уголовного судопроизводства в условиях мобилизации, в период военного положения или в военное время.

– Как Вы оцениваете действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации?

– Полагаю, что его оценка должна производиться с учетом целей, задач уголовно-процессуального права и практики его применения. Для всесторонней и объективной оценки действующего уголовно-процессуального законодательства необходимо рассматривать такие его аспекты, как соответствие международным стандартам, практическая применимость, эффективность защиты прав участников процесса, а также необходимость внесения изменений и дополнений для восполнения в нем пробелов и устранения противоречий. Иными словами, это довольно длительное и кропотливое занятие. Но если оценивать его предельно коротко, то можно уверенно констатировать, что российское уголовно-процессуальное законодательство – результат многолетних научных изысканий и кропотливой законодательной работы. Стилистическим новшеством в нем является полное отсутствие идеологических догм, которыми были насыщены кодексы, принятые в XX веке. Тем не менее оно нуждается в постоянном и последовательном улучшении своей редакции. Пользование им затруднено из-за множества ссылок в одной статье на другие и недостаточной детализации многих нормативных предписаний. Нельзя не признать, что в нем имеется не только все необходимое для общественного признания на долгие годы, но и ряд недостатков системного характера. Вместе с тем за годы его действия произошли долгожданные перемены в содержании и формах правоприменительной деятельности. Многие изменилось в механизме соблюдения прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Более того, в случае неопределенности в вопросе о том, соответствует ли Конституции РФ подлежащий применению по конкретному уголовному делу закон, любой суд, независимо от стадии, на которой находится производство по уголовному делу, вправе обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о его соответствии Основному Закону нашей страны. Эта возможность является очень нужной и полезной для следственной и судебной практики.

– Как Вы оцениваете современное состояние пенитенциарной науки?

– В целом ее состояние можно оценить как динамичное и многогранное. С одной стороны, наблюдается активное проведение научных исследований в области исполнения наказаний, изучение эффективности различных подходов и методов работы с осужден-

ными, с другой стороны, существуют вызовы, связанные с необходимостью адаптации существующих практик к меняющимся экономическим, социальным и технологическим условиям. Среди положительных тенденций можно выделить:

- расширение спектра исследований в области психологии и социальной реабилитации осужденных;
- разработку и внедрение инновационных методик работы с различными категориями осужденных;
- активное использование цифровых технологий для оптимизации судебных и пенитенциарных процессов;
- интерес к изучению международного опыта и лучших практик в области исполнения и отбывания уголовных наказаний.

Вместе с тем в современной пенитенциарной науке существуют и проблемы, требующие скорейшего решения. Наиболее острыми из них являются:

- необходимость дальнейшего изучения вопросов гуманизации условий содержания в местах лишения свободы;
- разработка более эффективных программ ресоциализации и подготовки осужденных к жизни на свободе;
- борьба с коррупцией в судебной и правоохранительной системах;
- интеграция результатов научных исследований в практическую деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы.

Для меня очевидно, что современное состояние пенитенциарной науки характеризуется стремлением к инновациям и совершенствованию практик работы с осужденными, что соответствует требованиям времени и общепризнанным международным стандартам. Ее нынешнее состояние свидетельствует также о присутствии значительного потенциала для дальнейшего развития. Важно проводить регулярный и системный анализ направлений научных исследований, а также публиковать полученные результаты в научном информационном пространстве. Это включает в себя анализ их применения в практической деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, а также образовательных организаций ФСИН России. Необходимо активно развивать исследования в области уголовно-правовых наук, повышать их значимость, в том числе через освещение в СМИ, и формировать интерес к ним среди молодежи. Это позволит укрепить научный потенциал и преемственность научных школ, что в будущем обеспечит качественное научное обоснование для совершенствования не только нормативных предписаний действующего законодательства, но и практики исполнения уголовных наказаний.

– Как Вы считаете, что можно позаимствовать в зарубежных странах для российской системы уголовного судопроизводства, а также системы исполнения наказаний? Что Российская Федерация может предложить миру в качестве передового опыта в этих сферах?

– Для совершенствования отечественной системы уголовного судопроизводства и пенитенциарных учреждений представляется целесообразным регулярно обращаться к передовому опыту зарубежных стран в данных сферах правоохранительной деятельности. Особый интерес в этом плане вызывает интеграция цифровых технологий в судебную систему, призванных обеспечивать участие сторон в судебных заседаниях без необходимости физического присутствия в зале суда, способствовать оптимизации

временных затрат и повышению комфортности условий содержания подследственных и осужденных. Все это отвечает современным тенденциям цифровизации юридической практики. Не менее важной видится последовательная и целенаправленная гуманизация условий содержания в местах лишения свободы. Повсеместное внедрение и соблюдение международных стандартов обращения с лицами, находящимися в заключении, позволит применять наиболее эффективные механизмы обеспечения их прав и свобод. Внедрение аналогичных практик в отечественную пенитенциарную систему несомненно будет способствовать повышению уровня социальной справедливости и предотвращению случаев нарушений прав человека в органах и учреждениях российской уголовно-исполнительной системы. В свою очередь, гуманизации уголовного правосудия, снижению перегруженности тюрем и стимулированию социальной реинтеграции осужденных будет способствовать активное внедрение в российскую правоприменительную практику широкого спектра альтернативных мер наказания, давно и успешно применяемых в зарубежных странах. Внедрение комплексных программ реабилитации, направленных на адаптацию осужденных к жизни вне мест лишения свободы, должно стать ключевым элементом превентивной политики, поскольку такие программы снижают уровень рецидива и способствуют скорейшей социальной адаптации бывших заключенных. Внедрению инновационных подходов в отечественную практику и повышению ее эффективности безусловно будет способствовать регулярный обмен накопленным опытом и активное участие в международных пенитенциарных проектах российских специалистов.

Российская Федерация также обладает значительным потенциалом для внесения вклада в копилку международного опыта в сфере уголовного судопроизводства и исполнения наказаний. Отечественные системы автоматизации судебных процессов, автоматизированные системы управления делами и электронные базы данных уже способствуют повышению прозрачности и эффективности судебных процедур. Это отвечает как российским, так и иностранным требованиям цифровой трансформации юридической сферы. Для многих стран может быть полезен российский опыт превентивной работы с несовершеннолетними правонарушителями. Значительный вклад в мировую практику исполнения наказаний способны внести российские исследования и разработки в области пенитенциарной психологии и социальной реабилитации. Российский опыт разработки и внедрения эффективных механизмов противодействия коррупции в судебной системе, правоохранительных органах и пенитенциарных учреждениях также может быть полезен для международного сообщества.

– Что бы Вы могли посоветовать молодым ученым, которые только начинают свой научный путь? Как им пройти все научно-исследовательские и организационные стадии, с учетом современных трудностей, связанных с защитой диссертации?

– Каждому человеку, пожелавшему развиться и добиваться успехов в той или иной области знания, важно соблюдать несколько простых, но очень важных правил:

– найти собственную научную нишу, для того чтобы четко понимать, чем именно придется заниматься;

– прежде чем углубляться в детали той или иной области научного знания, нужно изучить ее теоретическую основу, чему способствует не только чтение учебников и монографий, но и изучение публикаций современных исследователей;

- подобрать себе наставника, способного помочь разобраться в том, что и как делать дальше;
 - ходить на форумы, конференции, семинары, общаться с коллегами, чтобы быть в курсе новых идей, научных течений и завести полезные знакомства;
 - публиковаться, вначале в сборниках конференций, где требования к публикациям проще, с постепенным переходом к более престижным научным журналам;
 - учиться думать, анализировать информацию и критически оценивать собранные данные, с тем чтобы лучше понимать, что делаешь и куда движешься;
 - широко использовать современные информационные технологии и базы данных, способные значительно упростить решение поставленных задач;
 - пробовать новые методы и подходы;
 - расставлять приоритеты и планировать свое время, чтобы стать в высшей степени организованным и продуктивным;
 - никогда не сдаваться и учиться на своих ошибках;
 - чтить авторские права и неукоснительно соблюдать правила цитирования, что позволит избежать проблем с плагиатом;
 - вступать в профессиональные сообщества и налаживать постоянное общение с коллегами, что позволит быть в курсе новостей и получать поддержку;
 - разрабатывать план исследования на каждом этапе своей научной деятельности и постоянно двигаться вперед к поставленной цели.
- Вот такие советы. Надеюсь, они будут полезны!

– Что позволяет Вам оставаться высококвалифицированным специалистом в области криминалистики и пенитенциарной науки?

– Чтобы оставаться на переднем крае науки, мне, как и многим другим, приходится постоянно развиваться, поскольку научные знания и технологии быстро меняются, поэтому важно быть в курсе этих изменений. Постоянный обмен знаниями с коллегами помогает учиться друг у друга и находить лучшие способы работы. Я постоянно анализирую сложные ситуации, возникшие в следственной и судебной практике, чтобы лучше понимать, как действуют те или иные нормы федерального законодательства и разработанные криминалистами практические рекомендации. Стараюсь использовать новые методы и идеи, чтобы улучшить свою работу. Стремлюсь учиться новому и становиться лучше, чтобы вносить свой вклад в науку и помогать другим.

– Что вдохновляет Вас к творческому процессу, что придает силы для решения новых поставленных Вами задач?

– Меня вдохновляют разные вещи, из которых могу выделить: интересные идеи и концепции; общение с людьми, особенно с теми, кто имеет богатый жизненный опыт или уникальные знания; природа, музыка, литература, живопись; вызовы и новые задачи, требующие нестандартного подхода к своему решению; стремление к самосовершенствованию и развитию своих профессиональных навыков и др. Постоянным источником вдохновения выступает желание помочь другим людям или внести посильный вклад в решение важных социальных и научных проблем.

В заключение хотелось бы поблагодарить Александра Семеновича за его открытость, порядочность, уважительное отношение к людям, безграничное желание им помочь.

*Уважаемый Александр Семенович!
Примите наши самые теплые и сердечные поздравления
по случаю Вашего юбилея!
Желаем Вам крепчайшего здоровья и творческого долголетия!*

Информация об авторах

А. В. Акчурин – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника академии по научной работе;

Е. В. Прысь – кандидат юридических наук, профессор, советник руководителя (Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Рязанской области); профессор Института подготовки государственных и муниципальных служащих по кафедре уголовного процесса и криминалистики (Академия ФСИН России);

К. А. Чистяков – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики.

Персоналия
УДК 378.6:343.8-051

ЮРИЙ СЕМЕНОВИЧ СТОЛЯРОВ (1938–2025)

Михаил Иванович Кузнецов¹,

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, mikhail_kuznetsov_1962@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1589-4214>

22 сентября на 88-м году жизни скончался Юрий Семенович Столяров, кандидат философских наук, доцент, заслуженный ветеран нашей образовательной организации, полковник внутренней службы в отставке, начавший службу в Рязанской высшей школе (РВШ) МВД СССР в далеком 1972 г.

Он родился 5 февраля 1938 г. в с. Лубянки Ухоловского района Рязанской области. После окончания семилетней школы в родном селе в 1952–1956 гг. обучался в Московском железнодорожном техникуме имени Ф. Э. Дзержинского, после окончания которого работал дежурным электриком электроподстанции в г. Кумертау Башкирской АССР. С ноября 1957 г. по октябрь 1960 г. служил по призыву в Вооруженных Силах СССР сначала курсантом, а затем старшим механиком, командиром отделения в 5-м гвардейском минно-торпедном Констанцком авиационном полку дальнего действия Черноморского флота. После увольнения в запас вернулся

на Рязанщину, два года работал слесарем Ново-Рязанской ТЭЦ.

В сентябре 1962 г. Юрий Семенович поступает на обучение на философский факультет Московского орденов Ленина и Трудового Красного Знамени государственного университета имени М. В. Ломоносова (МГУ имени Ломоносова). По завершении образования назначается на должность ассистента Рязанского государственного педагогического института (РГПИ).

В 1968–1971 гг. Ю. С. Столяров – аспирант МГУ имени Ломоносова по кафедре философии. В 1971 г. успешно завершает обучение в аспирантуре главного вуза страны с защитой в диссертационном совете МГУ имени Ломоносова диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук на тему «Идеология как специфическое духовное образование и критика учения об идеологии Карла Маннхейма» и направляется для работы преподавателем кафедры философии в РГПИ.

Находившаяся в стадии активного становления и развития в первой половине 1970-х годов РВШ МВД СССР испытывала потребность в молодых, перспективных, нестан-

© Кузнецов М. И., 2025

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

дартно мыслящих научно-педагогических кадрах с классическим университетским образованием, имеющих ученые степени в различных научных отраслях и опыт педагогической деятельности [1]. В июле 1972 г. Юрий Семенович был приглашен на работу в нашу образовательную организацию. Начинал с должности преподавателя кафедры марксистско-ленинской философии и научного коммунизма Рязанской высшей школы МВД СССР с присвоением специального звания среднего начальствующего состава органов внутренних дел старшего лейтенанта внутренней службы, затем был старшим преподавателем и доцентом кафедры философии и политологии. Завершил службу в мае 1998 г. в звании полковника внутренней службы, но еще долгое время, до августа 2018 г., работал вольнонаемным доцентом в академии. Общий стаж научной и педагогической деятельности доцента Ю. С. Столярова в вузе составляет почти полвека.

В составе сводных батальонов РВШ МВД СССР принимал непосредственное участие в охране общественного порядка и безопасности граждан на Олимпиаде-80, Играх доброй воли, Международном фестивале молодежи и студентов в Москве, а также в республиках советского Закавказья [2].

За многолетнюю добросовестную службу награжден медалями Министерства внутренних дел СССР «За безупречную службу» трех степеней, медалью СССР «Ветеран труда», удостоен почетного звания «Заслуженный ветеран Академии ФСИН России».

Выражаем глубокое соболезнование родным и близким Юрия Семеновича Столярова. Его жизнь и деятельность – пример целеустремленности и упорного достижения поставленных целей, порядочности, скромности и трудолюбия для всех поколений соотрудников и обучающихся.

Список источников

1. Реент Ю. А. Предыстория создания учебного заведения (к 85-летию Академии ФСИН России) // *Человек: преступление и наказание.* 2019. Т. 27, № 4. С. 460–464.
2. Реент Ю. А. Это наша с тобой биография... (75-летию Академии ФСИН России посвящается) // *Человек: преступление и наказание.* 2009. № 3(66). С. 47–51.

Информация об авторе

М. И. Кузнецов – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры юридической психологии и педагогики факультета психологии и probation.

Персоналия
УДК 378.6:343.8-051

ПАМЯТИ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА, ЗАСЛУЖЕННОГО ВЕТЕРАНА АКАДЕМИИ ФСИН РОССИИ АРКАДИЯ АРКАДЬЕВИЧА АКСЕНОВА (1940–2019)

Михаил Иванович Кузнецов¹,

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, mikhail_kuznetsov_1962@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1589-4214>

29 августа 2025 г. могло бы исполниться 85 лет Аркадию Аркадьевичу Аксенову. Он родился в 1940 г. в д. Красная Гомельского района Гомельской области Белорусской ССР. В 1957–1959 гг. обучался в Гомельском ремесленном училище, после окончания которого работал рулевым мотористом Пинской ремонтно-эксплуатационной базы флота в Брестской области. В 1963 г. окончил Таллинское мореходное училище. В 1964–1966 гг. – моторист, механик теплохода «Сымери» эстонского управления сухогрузно-морского флота Балтийского морского пароходства, механик теплохода [1].

С 1966 г. связал свою дальнейшую жизнь и деятельность со службой в органах внутренних дел и уголовно-исполнительной системе. Начинал с должности участкового уполномоченного отделения милиции отдела милиции Калининского района столицы советской Эстонии г. Таллина, затем работал в том же отделе

оперуполномоченным отделения уголовного розыска.

С 1968 по 1971 год обучался в Высшей школе МВД СССР (Академия управления МВД России), после окончания поступил в адъюнктуру той же образовательной организации по кафедре научных основ управления и организации труда в органах внутренних дел.

С января 1974 г. и до конца жизни проходил службу и работал в Рязанской высшей школе (РВШ) МВД СССР (Академии ФСИН России). После защиты диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Организация взаимодействия как управленческая функция в органах внутренних дел» последовательно замещал должности преподавателя, старшего преподавателя, начальника кафедры организации управления, труда и экономики исправительно-трудовых учреждений, начальника кафедры управления исправительно-трудовыми учреждениями [2].

© Кузнецов М. И., 2025

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

В 1989 г. решением руководства РВШ МВД СССР был направлен на должность старшего научного сотрудника Академии МВД СССР для завершения работы над докторской диссертацией.

В феврале 1991 г. вернулся в РВШ МВД СССР и был назначен на должность доцента кафедры организации управления, труда и экономики исправительно-трудовых учреждений. Затем работал доцентом кафедры управления учреждениями и органами, исполняющими наказания, факультета профессиональной подготовки и повышения квалификации Рязанского института права и экономики МВД России.

В 1995 г. в диссертационном совете Академии управления МВД России защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.13 Управление в социально-экономических системах (юридические аспекты); правовая информатика; применение математических методов и вычислительной техники в юридической деятельности на тему «Проблемы управления в уголовно-исполнительной системе России. Состояние и перспективы (организационно-правовой аспект)». Научным консультантом работы был видный отечественный ученый в области науки управления доктор юридических наук, профессор Г. А. Туманов.

Год спустя А. А. Аксенов назначен начальником кафедры управления учреждениями и органами, исполняющими наказания, факультета профессиональной подготовки и повышения квалификации Рязанского института права и экономики МВД России.

А. А. Аксенов награжден государственными и ведомственными наградами: медалями «50 лет советской милиции», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «Ветеран труда», нагрудным знаком «Отличник милиции» и др.

В 1997 г. полковник внутренней службы А. А. Аксенов завершил службу в органах внутренних дел, но продолжил работать в должности вольнонаемного профессора кафедры управления и организации деятельности уголовно-исполнительной системы Академии ФСИН России.

Отдельного внимания заслуживает научная деятельность профессора Аксенова. Еще в 1973 г. адъюнкт Аксенов вместе с маститыми учеными из числа докторов наук, профессоров Академии МВД СССР принял активное участие в подготовке и издании учебно-методического пособия по научной организации труда в органах внутренних дел [3].

Сферы его научных изысканий – специфика и содержание управления в УИС, теоретические и практические проблемы управления учреждениями и органами, исполняющими наказания, организация контроля планирования, взаимодействия в деятельности уголовно-исполнительных инспекций. Им также изучались проблемы организации внешнего взаимодействия ИУ с государственными и негосударственными учреждениями для обеспечения их собственной безопасности, организационно-правовое обеспечение деятельности судей и пр. [4–9].

Аркадием Аркадьевичем более чем за сорокалетний период научно-педагогической деятельности издано порядка 100 публикаций общим объемом около 110 печатных листов. Среди них учебник, 12 учебных и учебно-методических пособий, две монографии, многочисленные статьи и тезисы статей и др. Под его научным руководством подготовлено и защищено 7 диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

Светлую память о профессоре А. А. Аксенове бережно хранят его коллеги, ученики, последователи и все те, кому посчастливилось жить и трудиться вместе с этим замечательным человеком.

Список источников

1. Аксенов Аркадий Аркадьевич // Ученые вуза : библиографический указатель. Рязань : Академия ФСИН России, 2010. Вып. 2. С. 7–14.
2. Этапы большого пути. Рязань : Академия ФСИН России, 2009. 169 с.
3. Основы научной организации управления и труда в органах внутренних дел : учеб.-метод. пособие / под ред. Г. Г. Зуйкова. М. : Высшая школа МВД СССР, 1973. 111 с.
4. Управление в уголовно-исполнительной системе : учеб. пособие. Рязань : Академия права и управления Минюста России, 2003. 186 с.
5. Аксенов А. А. Реализация штабной функции в организации деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы // *Человек: преступление и наказание*. 2011. № 1(72). С. 125–127.
6. Аксенов А. А. Актуализация проблем совершенствования управления в уголовно-исполнительной системе в современных условиях развития // *Человек: преступление и наказание*. 2012. № 1(76). С. 117–119.
7. Аксенов А. А., Подъяблонский П. А. К вопросу организационного и правового регулирования аналитического обеспечения управления в свете развития УИС // *Уголовно-исполнительное право*. 2014. № 2(18). С. 17–22.
8. Аксенов А. А., Подъяблонский П. А., Субботина О. М. Правовые и организационные аспекты функционирования организационных подразделений Федеральной службы исполнения наказаний в современных условиях // *Человек: преступление и наказание*. 2016. № 4(95). С. 46–49.
9. Аксенов А. А. Современные проблемы развития управления в уголовно-исполнительной системе // *Организационно-правовое регулирование деятельности уголовно-исполнительной системы: теоретические и прикладные аспекты : материалы межвуз. науч.-практ. конф., посвященной памяти заслуженного деятеля науки РФСР, доктора юридических наук, профессора А. И. Зубкова и Дню российской науки*. Рязань : Академия ФСИН России, 2018. С. 16–19.

Информация об авторе

М. И. Кузнецов – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры юридической психологии и педагогики факультета психологии и прൊбации.

Академия ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1
Редакционно-издательский отдел
Тел.: +7 (4912) 93-82-42, 93-46-40
E-mail: editor62@yandex.ru

ISSN 1999-9917

25334

